

ISSN 1605-7880

Том 82, Номер 3

Май – Июнь 2023

ИЗВЕСТИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

<https://ras.jes.su/sliya>

Известия Российской академии наук

СЕРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

Том 82 № 3 2023 Май—Июнь

Основан в 1852 г. академиком И.И. Срезневским
Выходит 6 раз в год
ISSN 1605-7880

Свидетельство о регистрации средства массовой информации № 0110264 от 08.03.1993

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук*

Главный редактор
член-корр. РАН, д-р филол. наук *В.В. Полонский* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия)

Редакционная коллегия

член-корр. РАН *В.Е. Багно* (ИРЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), проф. *Хенрик Баран* (Университет Олбани, г. Олбани, штат Нью-Йорк, США), член-корр. РАН *Ю.Л. Воротников* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Марчелло Гардзанини* (UNIFI, г. Флоренция, Италия), канд. филол. наук *С.И. Гиндин* (РГГУ, г. Москва, Россия), член-корр. РАН *А.В. Дыбо* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *А.И. Жеребин* (РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *Т.Г. Иванова* (г. Москва, Россия), акад. РАН *Н.Н. Казанский* (ИЛИ РАН, г. Санкт-Петербург, Россия), д-р филол. наук *В.Л. Коровин* (научный редактор, МГУ им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Л.П. Крысин* (зам. главного редактора, ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.Б. Куделин* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), акад. РАН *А.М. Молдован* (ИРЯ РАН, г. Москва, Россия), канд. филол. наук *А.Ч. Пиперски* (ответственный секретарь, НИУ ВШЭ, г. Москва, Россия), акад. РАН *В.А. Плунгян* (ИЯз РАН, г. Москва, Россия), проф. *Александр Строев* (l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3, г. Париж, Франция), акад. РАН *С.М. Толстая* (ИСл РАН, г. Москва, Россия), д-р филол. наук *Е.В. Халтрин-Халтурина* (ИМЛИ РАН, г. Москва, Россия), проф. *Герд Хентшель* (Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого, г. Ольденбург, Германия), проф. *Чжэн Тиу* (Шанхайский университет иностранных языков, г. Шанхай, КНР)
Зав. редакцией О.И. Лукашенко

Адрес редакции: 117993 Москва, Ленинский пр., 32а
тел.: 8-495-952-44-90, 8-925-095-84-64
электронная почта: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Сайт журнала: <https://izv-oifn.ru>

© Российская академия наук, 2023
© ФГБУН ИМЛИ РАН, 2023
© Редколлегия журнала “Известия РАН.
Серия литературы и языка” (составитель), 2023

Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk
SERIÂ LITERATURY I ÂZYKA

Bulletin of the Russian Academy of Sciences:
Studies in Literature and Language

Volume 82 No. 3 2023 May–June

Established in 1852 by Academician Izmail I. Sreznevsky
Publication frequency 6 issues per year
ISSN 1605-7880

Founder and Publisher: Russian Academy of Sciences
Mass media registration certificate No. 0110264, March 08, 1993

*The Journal is produced under the aegis of
The Division of Historical and Philological Studies of the Russian Academy of Sciences*

Editor-In-Chief

Vadim Polonsky, Correspondent Member of the RAS, Doct. Sci. (Philology),
Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

Editorial board

Vsevolod Bagno, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Russian Literature of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia), *Henryk Baran*, Ph.D., Prof., State University of New York at Albany (Albany, USA), *Cheng Tiu*, Prof., Shanghai International Studies University (Shanghai, China), *Anna Dybo*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Higher School of Economics, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Marcello Garzaniti*, Grand Ph.D. (Slavic Philology), Prof., University of Florence (Florence, Italy), *Sergei Gindin*, Cand. Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia), *Elena Haltrin-Khalturina*, Dr. Sci. (Philology), A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Herd Hentschel*, Prof., Carl von Ossietzky Universität Oldenburg (Oldenburg, Germany), *Tat'yana Ivanova*, Dr. Sci. (Philology), (Moscow, Russia), *Nikolai Kazansky*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences, (St. Petersburg, Russia), *Vladimir Korovin*, **Scholarly Editor**, Dr. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia), *Leonid Krysin*, **Deputy Editor-In-Chief**, Dr. Sci. (Philology), Prof., V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Kudelin*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Olga I. Lukashenko*, **Managing Editor**, *Alexander Moldovan*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Piperski*, **Executive Editor**, Cand. Sci. (Philology), Higher School of Economics (Moscow, Russia), *Vladimir Plungian*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Alexander Stroev*, Prof., l'Université Sorbonne Nouvelle Paris 3 (Paris, France), *Svetlana Tolstaya*, Full Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), Prof., Institute for Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Yury Vorotnikov*, Corresponding Member of the RAS, Dr. Sci. (Philology), V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), *Aleksei Zherebin*, Dr. Sci. (Philology), Prof., A.I. Herzen Russian State Pedagogical University (St. Petersburg, Russia)

Address for Correspondence:

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language,
32a Leninsky Prospect, Moscow, 117993 Russia
Tel.: +7(495)952-44-90, +7(925)095-84-64
E-mail: info@izv-oifn.ru, lukashenko97@gmail.com
Web Site: <https://izv-oifn.ru>

-
- © The Russian Academy of Sciences, 2023
 - © The A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, 2023
 - © Editorial Board of "Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language" (editing and composing), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка.
2023, Том 82, Номер 3

История “сцеплений”: от “Видения поэта” М. О. Гершензона до “Умирания искусства” В. Вейдле <i>Н. Н. Смирнова</i>	5
Мотив юродства в романе Ф. М. Достоевского “Бесы” <i>А. Б. Криницын</i>	14
Трансформация портрета Обломова в двух редакциях романа И. А. Гончарова: о литературной полемике с “физиологиями” Ф. В. Булгарина <i>И. А. Беляева</i>	25
Литература vs психопатология (Об автобиографическом подтексте повести Достоевского “Двойник” <i>С. А. Кибальник</i>	35
История замысла, создания, публикации и критической рецепции романа Любви Гуревич “Плоскогорье” <i>М. В. Михайлова</i>	43
Семантика <i>conscience</i> в “Ричарде III”: “червь”, “трус”, “свидетель” <i>Н. Э. Микеладзе</i>	58
“Точка зрения” как композиционный прием <i>Н. Г. Мельников</i>	64
Оппозиция свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора <i>Л. С. Дампилова, С. Д. Гымпилова</i>	70
Номинация семьи и родства в архангельских говорах <i>И. Б. Качинская</i>	77
Повесть “Детство” Пантелеймона Романова: погружение в творческую историю <i>Л. Ю. Сурова</i>	86
“Кругом сумасшедшие”: тема всеобщего безумия в “Докторе Крупове” А. И. Герцена и “Записках из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского <i>Ми Сюйян</i>	95

Из истории филологической науки

О начале авторской лексикографии в России <i>П. А. Дружинин</i>	101
--	-----

Хроника конференции

Международная конференция “Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI” (Чтения памяти профессора И. М. Тронского) <i>А. А. Брайловская</i>	112
---	-----

CONTENTS

Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language.
2023, Volume 82, Issue 3

A History of “Cohesion”: from M. O. Gershenzon’s “The Poet’s Vision” to V. Weidlé’s “Les Abeilles d’Aristée” <i>N. N. Smirnova</i>	5
The Motive of Foolishness in the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons” <i>A. B. Krinitsyn</i>	14
Transformation of Oblomov’s Portrait in Two Editions of I. A. Goncharov’s Novel: About Literary Discussion with “Physiologies” of F. V. Bulgarin <i>I. A. Belyaeva</i>	25
Literature vs Psychopathology: (On the Autobiographic Subtext of Dostoevsky’s Tale “The Double”) <i>S. A. Kibalnik</i>	35
A History of Design, Creation, Publication, and Critical Reception of Lyubov Gurevich’s Novel “Flatland” (“Ploskogorye”) <i>M. V. Mikhailova</i>	43
Semantics of <i>Conscience</i> in <i>Richard III</i> : “Worm”, “Coward”, “Witness” <i>N. E. Mikeladze</i>	58
“Point of View” as a Compositional Technique <i>N. G. Melnikov</i>	64
The Opposition of Kindred / Alien in Small Genres of Buryat Folklore <i>L. S. Dampilova, S. D. Ghypilova</i>	70
Nomination of Family and Kinship in Arkhangelsk Dialects <i>I. B. Kachinskaya</i>	77
The Story “Childhood” by Panteleimon Romanov: An Immersion into Creative History <i>L. Yu. Surovova</i>	86
“Mad People All Around”: Universal Insanity in Alexander Herzen’s “Doctor Krupov” and Fyodor Dostoevsky’s “Notes from the Dead House” <i>Mi Xuyang</i>	95

From the History of Philology

On the Beginning of Author’s Lexicography in Russia <i>P. A. Druzhinin</i>	101
---	-----

Chronicles

International Conference “Indo-European Linguistics and Classical Philology” (Readings in memory of Professor I. M. Tronsky) <i>A. A. Braylovskaya</i>	112
--	-----

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026309-5

История “сцеплений”: от “Видения поэта” М. О. Гершензона до “Умирания искусства” В. Вейдле

© 2023 г. Н. Н. Смирнова

Доктор филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН,
Россия 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>
nnsmirnova@mail.ru

Резюме. Предмет статьи – важнейшие для развития теории литературы вехи восприятия знаменитого высказывания Л.Н. Толстого о “сцеплениях”, обеспечивающих целостность романного повествования. Толстовская идея “сцеплений” не раз инспирировала различные толкования в литературоведении (в частности, М.О. Гершензона, В.Б. Шкловского, Б.М. Эйхенбаума, Т. Райнова и др.). Подробно рассмотрены два полюса толкования идеи “сцеплений” в интуитивистской теории М.О. Гершензона и в формальном методе В.Б. Шкловского. Показано, что в теории М.О. Гершензона “сцепления” становятся фундаментом принципа медленного чтения и выражают точки корреляции личностного видения автора и интерпретатора. В теории В.Б. Шкловского “сцепления” есть прием, элемент техники повествования в сказке, новелле, романе и т.п., функцией которого определяется персонажная субъективность. В 1930-е годы В. Вейдле подводит своеобразный итог развития эстетики первой трети XX в., показывая изменение ключевых ориентиров в литературе и искусстве. Этот период ознаменован исчезновением личности и непроницаемой живой жизни из системы воззрений на природу творчества, влиянием аналитических подходов как в литературоведении, так и в художественной практике, способствующих расщеплению, фрагментации художественного целого в эстетическом восприятии, сведению изучения творчества к выявлению и тиражированию приемов. Исследователи до сих пор чаще обращаются к идее сцеплений через интерпретацию Шкловского, что неизбежно создает искажения в представлении эстетики Толстого.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-28-00450 “Целостность / фрагментарность: эстетика Л.Н. Толстого в философской критике и теории литературы первой трети XX в.”, <https://rscf.ru/project/23-28-00450/>

Ключевые слова: “сцепления”, эстетика, Л.Н. Толстой, М.О. Гершензон, А. Бергсон, В.Б. Шкловский, В. Вейдле, медленное чтение, русский формализм.

Для цитирования: Смирнова Н.Н. История “сцеплений”: от “Видения поэта” М.О. Гершензона до “Умирания искусства” В. Вейдле // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 5–13. DOI: 10.31857/S160578800026309-5

A History of “Cohesion”: from M. O. Gershenzon’s “The Poet’s Vision” to V. Weidlé’s “Les Abeilles d’Aristée”

© 2023 Natalia N. Smirnova

Doct. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,

25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
 ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-6980-7353>
 nnsmirnova@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to perception in the theory of literature of the famous statement of Leo Tolstoy about “cohesion” that ensure wholeness of narrative in a novel. Tolstoy’s idea of “cohesion” has repeatedly inspired various interpretations in literary criticism (for instance, M.O. Gershenzon, V.B. Shklovsky, B.M. Eikhenbaum, T. Rainov, and others). There are two contrary positions on the interpretation of the idea of “cohesion”: M.O. Gershenzon’s intuition theory of and in the formal method of V.B. Shklovsky. In the theory of M.O. Gershenzon the “cohesion” become the foundation of the principle of slow reading and expresses the points of correlation between personal vision of author and reader. In V.B. Shklovsky’s theory the “cohesion” is a technique, an element of narration in a fairy tale, short story, novel, etc; and character subjectivity is defined by the function of narration technique. In the 1930s V. Weidlé reconsidered the development of the aesthetics of the first third of the 20th century, showing key changes in literature and art. During this period, it’s observed the disappearance of the individual from the system of views on the nature of literary work, massive influence of analytical approaches, both in literary criticism and in literature itself, fragmentation of wholeness of literary work in aesthetic perception and replicating its techniques. Researchers still often consider to the idea of “cohesion” through Shklovsky’s theory, that inevitably creates distortion in the apprehension of Tolstoy’s aesthetics.

Acknowledgements. This paper was prepared with financial support of the Russian Science Foundation, project no. 23-28-00450 “Wholeness / Fragmentation: L. Tolstoy’s Aesthetics in Philosophical Criticism and Theory of Literature in the First Third of the 20th Century”, <https://rscf.ru/en/project/23-28-00450/>

Key words: “cohesion”, aesthetics, Leo Tolstoy, M.O. Gershenzon, H. Bergson, V.B. Shklovsky, V. Weidlé, slow reading, Russian formalism.

For citation: Smirnova, N.N. *Istoriya “sceptlenij”: ot “Videniya poeta” M.O. Gershenzona do “Umiraniya iskusstva” V. Vejdle* [A History of “Cohesion”: from M.O. Gershenzon’s “The Poet’s Vision” to V. Weidlé’s “Les Abeilles d’Aristée”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 5–13. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026309-5

Знаменитое высказывание Толстого о невозможности иной передачи словами раз и навсегда возникшего в произведении целостного образа, сформулированное в письме Н.Н. Страхову 1876 г.¹, неоднократно было в центре внимания; и, тем не менее, в каждом исследовательском контексте оно получает совершенно иные сцепления². Задача данной работы — исследовать диапазон восприятия этих слов в 1910–1920-е годы, в период, ставший особенно значимым в развитии теоретической мысли XX в., а также показать итоговое осмысление у В. Вейдле эволюции теории и художественной практики к 1930-м годам в свете толстовских идей.

Для начала следует обратиться к самому высказыванию Толстого:

Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был написать роман тот самый, который я написал, сначала. И если близорукие критики думают, что я хотел описывать

только то, что мне нравится, как обедает Облонский и какие плечи у Карениной, то они ошибаются. Во всем, почти во всем, что я писал, мною руководила потребность собрания мыслей, сцепленных между собою, для выражения себя, но каждая мысль, выраженная словами особо, теряет свой смысл, страшно понижается, когда берется одна из того сцепления, в котором она находится. Само же сцепление составлено не мыслью (я думаю), а чем-то другим, и выразить основу этого сцепления непосредственно словами никак нельзя; а можно только посредством — словами описывая образы, действия, положения. <...> Теперь же, правда, что когда ⁹/₁₀ всего печатного есть критика, то для критики искусства нужны люди, которые бы показывали бессмыслицу отыскивания мыслей в художественном произведении и постоянно руководили бы читателей в том бесконечном лабиринте сцеплений, в котором и состоит сущность искусства, и к тем законам, которые служат основанием этих сцеплений [1, с. 784–785].

Эти идеи Толстого стали основанием принципа медленного чтения, предложенного М.О. Гершензоном (1911 г.), а также основанием анализа приемов сюжетосложения у В.Б. Шкловского (1919 г.)³.

¹ Письмо Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову 23 и 26 апреля 1876 г., Ясная Поляна: [1].

² См.: [2, с. 48–76]; [3], [4, с. 27–92]; [5, с. 241–308]; [6]; [7]; [8, с. 543–561]; [9, с. 52–64]; [10].

³ У Гершензона цитирование начинается со слов: “Во всем, почти во всем, что я писал...” [11, с. 319]. У Шкловского в изданиях 1919 и 1929 гг. две первые фразы переданы следующим образом: “Если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был бы

Впоследствии в 1930-е годы В. Вейдле подведет итог развитию искусства в первой трети XX столетия, отметив, что “...именно теперь, отдаляясь все больше от Бальзака, Флобера, Толстого, Диккенса, Гарди, мы начинаем понимать, чем был для нас роман и чего мы лишимся, когда его у нас не будет” [6, с. 9]⁴. Некогда целостное повествование, подвергнутое анализу, фрагментированное, расщепленное научным познанием, вновь не оживает, не собирается: “Творчество совсем не состоит в произвольном сцеплении вырванных из жизни клеток или атомов, а сотворение живого человека таким способом и тем более невозможно” [6, с. 19].

В работе М.О. Гершензона “Видение поэта” (первое издание 1911 г., второе – 1919) это высказывание, как известно, становится фундаментом “искусства медленного чтения”⁵. Характерно, что в 1911 г. Гершензон обращается к словам Толстого, чтобы подвести итог своим рассуждениям (как и впоследствии, в 1919 г., это делал В.Б. Шкловский). В версии 1919 г. у Гершензона мысль Толстого соплагается с *образом-посредником* (image médiatrice) Бергсона, выражая единство “первичной интуиции” философа и художника, которую первым делом должен найти читатель, интерпретатор, чтобы раскрыть целое поэтического или умозрительного образа: “...Бергсон, философ, называет первичную интуицию философа *образом*, а Л. Толстой, художник, определяет ее как *мысли* и их сцепления” [11, с. 319].

Первичная интуиция определяет все построение, архитектуру образа и самого произведения как целого (и, что особенно важно, – путей его толкования), в чем, однако, могут быть очевидны и расхождения, это целое расшатывающие. Приведенная Гершензоном мысль Бергсона именно такова: «У Беркли я различаю, как мне кажется, два различных образа, и меня лично особенно поражает вовсе не тот, точное указание на который мы находим у самого английского мыслителя. Мне кажется, что Беркли воспринимает материю, как тонкую прозрачную пленку, находящуюся

написать роман тот самый, который я написал сначала, и если критики теперь уже понимают и в фельетоне могут выразить то, *что я* хочу сказать, то я их поздравляю, я смело могу уверить qu'ils en savent plus long que moi. И если близорукие критики думают, что я хотел описать только то, что мне нравится, как обедает Облонский, и какие плечи у Карениной, то они ошибаются” [12, с. 143]; [13, с. 60].

⁴ Статьи, составившие книгу “Умирание искусства” (1937), вышедшую сначала на французском под заглавием “Les abeilles d'Aristée” (1936), печатались в журналах в 1933–1935 гг.

⁵ См. об этом: [10].

между человеком и Богом. Пока философы не занимаются ею, она остается прозрачной, и тогда через нее можно видеть Бога. Но лишь только прикоснется к ней метафизик — или хотя бы даже здравый смысл, поскольку он является метафизиком — как пленка эта становится шероховатой, плотной, непрозрачной, образует как бы экран, потому что позади нее проскальзывают слова вроде Субстанции, Силы, абстрактной Протяженности и пр., которые отлагаются там в виде слоя пыли и мешают нам разглядеть через пленку Бога. Образ этот едва намечен самим Беркли, хотя мы и встречаем у него такое доподлинное выражение: “мы подымаем пыль и потом жалуемся, что не видим”. Но есть другое сравнение, часто употребляемое нашим философом и являющееся лишь слуховой транспозицией описанного мной сейчас зрительного образа. Согласно этому образу, материя есть тот язык, на котором говорит с нами Бог. *Метафизики материи, уплотняя каждый из слогов, создавая из него особую независимую реальность, отвращают таким образом наше внимание от смысла речи на звуки и мешают нам следить за божественным глаголом. Но за какой бы образ мы ни ухватились, в обоих случаях мы имеем дело с простым образованием, которое надо твердо держать перед глазами, потому что если оно и не есть интуиция, творчески породившая все учение, то оно вытекает из нее непосредственно и приближается к ней больше, чем любой из тезисов, взятых в отдельности, и даже больше, чем все они вместе взятые»* (выделено мной. — *Н.С.*)⁶.

Гершензон подчеркивает важность столь обширного цитирования: фрагменты высказываний Бергсона и Толстого должны подвести читателя к выводу, что само сцепление составлено той первичной интуицией. Она соплагается с тезисами всего учения почти как шопенгауэровская “одна-единственная мысль”⁷. Первичная интуиция может указывать путь построения самого образа (произведения, или даже теории). И она ближе к целостности произведения, нежели его видимая форма (“уплотнение слогов”), поскольку всегда есть зазор между первичной интуицией и воплощением.

⁶ Фрагмент доклада Бергсона, приведенный Гершензоном в работе “Видение поэта” [11, с. 318–319]. Доклад был переработан Бергсоном в статью “Философская интуиция”, опубликованную в составе книги “Мысль и движущееся” (см.: [14], рус. пер. [15]). Image médiatrice в переводе И.И. Блауберг: “посредствующий образ” [15, с. 99].

⁷ См.: [16, с. 4]. (Пер. Ю.И. Айхенвальда).

Первичная интуиция не может совпадать с позицией внешнего, оценивающего суждения. Это было основным для Гершензона: видение может быть только личностным и единичным⁸: “Пока я предстою явлению как личность, я воспринимаю и его непременно как единичное. Ибо каждое явление есть своеобразный сплав неисчислимых признаков, из коих каждый принадлежит к какой-нибудь родовой группе в мироздании; но моему личному восприятию нет дела до их родовой принадлежности: будучи само глубоко своеобразным, оно подбирает себе в цельный образ лишь те признаки явления, которые соотносительны моему собственному своеобразию. Здесь принципом отбора является целостная индивидуальность зрителя, и, следовательно, так составленный образ единичен по существу” [11, с. 80–81]. Личностному видению поэта соответствует такое же толкователя.

Но обращаются ли они к тому же самому? Например, к тому же самому видению архитектуры творения, образующейся сложными сцеплениями мыслей (или образов-посредников). Впрочем, и здесь вполне были бы возможны в корне отличные видения соотношения частей, даже если найдены те “простые образования”, образы-посредники Бергсона.

Забегая вперед, следует отметить: принципиально различные представления о том, что есть элементы художественного целого, определяют существенное различие взглядов на роль сцеплений у Гершензона и Шкловского.

Следующий вопрос, который здесь возникает: благодаря чему достигается связанность целого. Для Гершензона — она в цельности первичных образований, изначальных мифологических образов («Что Бергсон извлек из учения Беркли, то и мы должны извлечь из творчества поэта: мы должны раскрыть его интуицию и, если удастся, — найти ее *первоначальное зерно*, ее “образ-посредник»» (выделено мной. — Н.С.) [11, с. 319]), из которых, как из семян, вырастает органическое целое⁹.

Но есть и другой взгляд, описанный в приведенном высказывании Бергсона (“материя есть тот язык...”). В роли “метафизиков материи” впоследствии выступают формалисты. Воплощенная в словесной материи мысль также есть язык.

⁸ Здесь есть и влияние идей В. Дильтея, его концепции *переживания* (“Переживание и поэзия”, 1906).

⁹ Образ “семени” — ключевой в эссе Гершензона “Демоны глухонемые” (1922), посвященном немоте индивидуального языка.

Структурно он дан весь и сразу. Можно проследить историю изменения самой структуры, но не появление ее отдельных элементов из ничего, до самой структуры: вне ее нет никаких изначальных отдельных сущностей. Ценность языка практическая — им пользуются. Читающий произведение уподобляется изучающему язык. Перечитывание сопряжено с воспоминанием. Постепенно читающий начинает говорить на языке творения, которое он постигает. Это означает, что он уже усвоил его соотношение частей.

Далее, в памяти возникает готовое слово, сюжет, образ, смысл которого в том, чтобы быть узнаваемым. Его смысл, как единицы языка, известен и прост. Каждая эпоха говорит известное, но на своем языке. Из известных и понятных элементов составляется новая картина, совсем другое высказывание о том же и одновременно о чем-то ином. Надо только понять, как старые элементы стали строительным материалом нового образа, потому что соотношение его частей есть само это новое высказывание. В этом самое существо понимания эволюции творчества у формалистов.

И снова толстовские сцепления становятся методологическим основанием, в данном случае — для объяснения принципов сюжетосложения. В финальной части статьи В.Б. Шкловского 1919 г. “Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля” та же цитата из письма Л.Н. Толстого Н.Н. Страхову должна подвести итог тому, каким именно образом “произведения словесности представляют из себя плетение звуков, артикуляционных движений и мыслей” [12, с. 143]¹⁰.

В отличие от Гершензона, видящего в сцеплениях мыслей интуитивно найденные образы-посредники, близкие и у автора, и у толкователя, Шкловский понимает сцепления исключительно как комбинацию мотивов, выстраивающих сюжет в повествовании, по аналогии с комбинацией рифм в поэзии [12, с. 144]. Романное повествование, как и сказочное, и новеллистическое (равно как и талмудическое), дискретно, его целостность обусловлена составляющими его элементы сцеплениями [12, с. 131, 144–150]. В дальнейшем по аналогии со сцеплениями Шкловский будет употреблять образ монтажных склеек, как, например, в “Третьей фабрике” (1926) (см.: [17, с. 7–9, 71]).

Б.М. Эйхенбаум в знаменитой статье «Как сделана “Шинель” Гоголя» (1919), вошедшей в тот же сборник “Поэтика”, что и статья Шкловского, говорит о “сцеплении приемов” как композиции,

¹⁰ Ср.: “уплотнение слогов”, по Бергсону.

в основе которой лежит сказ [18, с. 160], т.е. речь о сцеплении приемов стилизации. При этом акцент на эмоции, передающейся от личности к личности, столь важный в эстетике Толстого (“Искусство начинается тогда, когда человек с целью передать другим людям испытанное им чувство снова вызывает его в себе и известными внешними знаками выражает его” [19, с. 79]) и Гершензона, у Эйхенбаума, как известно, не находит отражения, а искусство сводится только к приему (в художественном произведении “нет и не может быть места отражению душевной эмпирии” [18, с. 161]).

Впоследствии диапазон употребления толстовского слова “сцепления” у Эйхенбаума расширяется: от сюжетного сцепления до циклизации [20, с. 286–291]. При этом сцепление, обусловленное “личностью главного героя” и “непрерывным участием автора” в повествовании соотносится уже и со сложным взаимодействием процесса письма и последующего расположения частей: то есть логика мира романного и творческого процесса равно может описываться этим словом “сцепление” [20, с. 292–295 и далее].

В труде под ред. П.Н. Сакулина “Эстетика Толстого” (1929) сцепления рассматриваются в широком контексте осмысления Толстым сущности искусства. Так, Т.И. Райнов сопоставляет идеи писателя из письма Страхову и образ живописца Михайлова в “Анне Карениной”, чья манера письма (*снятие покровов* с изображаемой фигуры) вызывает ассоциации с работой Микеланджело, отсекающего все лишнее в глыбе мрамора, в которой ему предстает Давид, и одновременно сопоставляется с методом самого Толстого. При этом Райнов переносит акцент в словах писателя на изображение (“...выразить основу этого сцепления непосредственно словами нельзя, а можно только посредственно — словами описывая образы, действия, положения”) (см.: [4, с. 58–59]). На психологическую ассоциативную сторону сцеплений обращает внимание И. Эйгес, отмечая именно такую роль этого слова в повести “Альберт” (см.: [5, с. 265–266]).

Современные исследователи часто рассматривают идею толстовских сцеплений через призму ее восприятия и интерпретации у Шкловского¹¹. Так, у А.Б. Ковельмана и У. Гершовича принципы сцеплений и остранения совмещаются в анализе талмудического повествования, образующего в восприятии читателя мессианский смысл,

который извлекается читающим из образов внешне тривиальных, но организованных каждый раз по-новому. Цель такого специально настроенного восприятия, говоря словами Шкловского (как это делают авторы книги), — “пережить деланье вещи”, т.е. сделать восприятие важных вещей свежим, таким, чтобы воспринимающий сквозь намеки сам образовывал искомый смысл (см.: [7, с. 244–246]). Намеренная тривиальность талмудического повествования коррелирует с сокрытостью материи смысла, и здесь неизбежно возникают образы пленки, “покрывала Моисея”, неясного зеркала, отсылающие, в частности, к апостолу Павлу¹²; эти же образы называет Бергсон, говоря о “метафизиках материи” (в процитированных выше словах).

Здесь следует напомнить, что толстовское “само же сцепление составлено не мыслью, я думаю, а чем-то другим” Гершензон сопоставляет с бергсоновским образом-посредником, который и нужен, чтобы прорваться сквозь “пленку” к неясному еще пока для читающего смыслу. То и благодаря чему составлено сцепление — “первоначальное зерно”, “семя”, миф — есть самая суть искомого посредством медленного чтения.

Не раз Гершензон обращается к образам из посланий ап. Павла, когда говорит о подлинном видении лицом к лицу как идеале непосредственного понимания, вне материи языка (“...я передал бы другому мое чувство без слов, непосредственно...” [22, л. 25]) и необходимости толкования (ср.: “Теперь мы видим как бы сквозь *тусклое* стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан” (1 Кор 13:12))¹³: “Любовь есть непосредственная — пространственная — близость лица к лицу” [22, л. 19]¹⁴. Творчество (как и любовь) есть высший род познания, поскольку передает непосредственно мысль от личности к личности (см.: [11, с. 111–112]). Эта идея Гершензона близка толстовскому пониманию сущности искусства¹⁵.

¹² «Можно вслед за Павлом говорить о “покрывале Моисея”, которое лежит на лицах евреев (2 Кор 3:14–15). А можно вслед за Жаком Деррида сказать о гимене (мембране, девственной плеве), об экране, о складке и об амальгаме зеркала. Впрочем, образ неясного зеркала есть и у ап. Павла (1 Кор 9:12 и 2 Кор 3:18). Есть он и в Талмуде (Йевамот 49б). Кажется, Деррида спорит в “Диссеминации” не с Гегелем, а с Павлом, прорабатывая взятую у последнего метафору “покрывала» [7, с. 245–246].

¹³ Об этом виде познания говорится в заключительной части “Тройственного образа совершенства” (1918).

¹⁴ См. подр.: [23, с. 299–328].

¹⁵ И неразрывно связано с религиозным сознанием, что, в частности, в знаменитом трактате “Что такое искусство?”

¹¹ См., например: [7, с. 197]; [8, с. 543–561]; [21, с. 141]; [9, с. 52–64].

При этом процесс восприятия и толкования аналогичен отношению творца к предстоящей ему реальности: в обоих случаях видение может быть только личностным и определенно целостным и единичным, как толстовское равное себе повествование (“если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом...”).

Примечательно, что у Шкловского проанализированы и приемы построения талмудического повествования, в котором он распознает единые структуры, характерные для сказки, новеллы и романа. Однако наивная тривиальность повествования, о которой говорят А.Б. Ковельман и У. Гершович, у Шкловского 1910–1920-х годов есть только прием “связывания действий” (эпизодов, новелл и т.п.) [13, с. 263], причем самоцельный, в котором и определенный персонажный “тип явился как результат действия построения романа, так как часто механизм исполнения создавал новые формы в поэзии” [28, с. 34]. То есть персонаж (а также и само рассказывание, или сказ у Эйхенбаума) есть эффект сцепления, а не первичное образование или реализация видения художника, его творческой субъективности. Субъект, способный удостоверить истинность познания “лицом к лицу”, в этой теоретической модели отсутствует. Но в принципе медленного чтения Гершензона он – важнейшая составляющая.

Постепенное уплощение личного в искусстве и одновременно все возрастающее самодовлеющее значение приема – предмет размышлений В. Вейдле, противопоставляющего “живых людей, созданных романистом”, типам, связанным с “механизмом исполнения”: первые “именно потому и живы, что не вполне от него зависят, не до конца ему подчинены” [6, с. 19], вторые – только функция. В 1930-е годы он подводит итог развитию литературы первой трети XX в., отмечая: «В русской литературе <...> до самого последнего времени действовали подлинные *лица*, не менее иррационально-целостные, чем личности живых людей. Какой-нибудь Фердыщенко или Раки-тин у Достоевского, любой солдат или помещик у Толстого – совсем как люди Шекспира или Сервантеса – живут своей, ни от кого не зависимой жизнью, а если относятся еще и к какой-нибудь “среде”, то на изображение ее отдают одни, так

сказать, излишки своей личной жизни, не посягая ничем, что необходимо для ее цельности и полноты»; напротив, «в замене лица, рождаемого чувством целого, “типом”, составленным из частей, немалую роль сыграло подражание науке» [6, с. 20, 21].

Вейдле фиксирует момент влияния научного познания на художественное мышление и, как следствие, замену целостного взгляда на живую, не упорядоченную рациональностью и аналитическим членением, жизнь фрагментированием и новым синтезом искусственной реальности. Целостному толстовскому равному себе повествованию – “если же бы я хотел сказать словами все то, что имел в виду выразить романом, то я должен был написать роман тот самый, который я написал, сначала” – теперь, по мнению Вейдле, соответствует расщепленное, фрагментированное, детализированное, определяемое приемами построение. В его основе – не видение художника, а результат его анализа и техники. В то же время, “истинный художник ищет не правдоподобия, а правды, подражает не жизни, а *силам, рождающим жизнь*” (выделено мной. – Н.С.) [6, с. 19]. Творчество Толстого символизирует для Вейдле *непроницаемость* живой жизни в подлинном искусстве, ее органическое единство, наподобие толстовского повествования или глыбы мрамора, в которой Микеланджело увидел своего “Давида” (здесь снова возникает образ живописца Михайлова) [6, с. 20–21]. И именно Вейдле отчетливо проводит различие между изначальной целостностью толстовского сцепления и “механическим сложением распавшихся частиц” [6, с. 75], из которых больше нельзя собрать целого в его живой и иррациональной не постижимости.

В истории восприятия толстовских сцеплений можно выделить два наиболее ярких направления мысли: интуитивизм Гершензона и формальный метод Шкловского. В первом случае сцепление обеспечивает нахождение образа-посредника как проводника между субъективностью автора и толкователя; во втором – технику “связывания действий”, эффектом которой становится тот или иной тип субъективности.

В кардинально противоположных случаях толкования роли толстовских сцеплений, на абсолютно несходных методологических основаниях, и у М.О. Гершензона, и у В.Б. Шкловского мысль Толстого, взятая в том же объеме, подводит итог столь различным рассуждениям и обосновывает столь различные исследовательские принципы. Между интуитивизмом “искусства медленно-го чтения” Гершензона и концепцией искусства

(1897) выразил Л.Н. Толстой. Ср.: “религиозное сознание есть не что иное, как указание нового творящегося отношения человека к миру” [19, с. 100]. См. также: [24, с. 78–100, особ. 87–100]; [25, р. 68]; [26]; [27]. В дальнейшем концепция *умирания искусства*, которую развивал В. Вейдле, также основывается на положении о религиозной сущности искусства и его постепенной секуляризации в современности.

как приема Шкловского¹⁶ проходит водораздел, за которым поначалу почти незаметно утрачивается личностное измерение в творчестве: и литература, и теория ориентируются на технику и прием как проанализированные закономерности, в которых сцепления понимаются уже почти механически, как принцип циклизации или монтажная склейка, функцией которых определяется персонажный тип¹⁷. Это необратимое движение к “механизации” восприятия и творчества в течение первой трети XX в. было отмечено В. Вейдле. Вместе с тем, исследователи до сих пор чаще обращаются к идее сцеплений через интерпретацию Шкловского, что неизбежно создает искажения в представлении эстетики Толстого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 17–18. Письма. М.: Художественная литература, 1984. 910 [1] с.
2. Гершензон М.О. Послесловие // Лансон Г. Метод в истории литературы / Пер. с франц. и послесловие М. Гершензона. М.: Т-во “Мир”, 1911. С. 48–76.
3. Гершензон М.О. Видение поэта. М.: 2-я Тип. Лит. М.Г.С.Н.Х., 1919. 80 с.
4. Райнов Т. Эстетика Толстого и его искусство // Эстетика Льва Толстого / Сб. ст. под ред. П.Н. Сакулина. М.: ГАХН, 1929. С. 27–92.
5. Эйгес И. Воззрение Толстого на музыку // Эстетика Льва Толстого / Сб. ст. под ред. П.Н. Сакулина. М.: ГАХН, 1929. С. 241–308.
6. Вейдле В. Умирание искусства / Сост. и авт. послесл. В.М. Толмачёв. М.: Республика, 2001. 447 с.
7. Ковельман А.Б., Гершович У. Сокрытое и явленное в Талмуде: Очерк нефилософского мышления на исходе античности. М.: Индрик, 2016. 448 с.
8. Николаева Т.М. Виктор Шкловский – Лев Толстой – Марсель Пруст // Эпоха “остранения”. Русский формализм и современное гуманитарное знание. М.: Новое лит. обозрение, 2017. С. 543–561.
9. Романова Г.И., Тышкова-Каспшак Э. Л. Толстой и формалисты о сюжете // Новый филологический вестник. 2021. № 3 (58). С. 52–64.
10. Искусство медленного чтения: История, традиция, современность: коллективная монография / Отв. ред. Н.Н. Смирнова. М.: Канон+ РООИ “Реабилитация”, 2020. 368 с.
11. Гершензон М.О. Избранное. В 4 т. Т. 4. М.; Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. 640 с.
12. Шкловский В. Связь приемов сюжетосложения с общими приемами стиля // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 115–150.
13. Шкловский В. О теории прозы. М.: Федерация, 1929. 266 с.
14. Bergson H. La pensée et le mouvant. P.: Alcan, 1934. 322 [2] p.
15. Бергсон А. Мысль и движущееся. Статьи и выступления. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. 272 с.
16. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. М.: Терра-Книжный клуб, 1999. 496 с.
17. Шкловский В. Третья фабрика. М.: Артель писателей – “КРУГ”, 1926. 141 с.
18. Эйхенбаум Б.М. Как сделана “Шинель” Гоголя // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 151–165.
19. Толстой Л.Н. Собрание сочинений: в 22 т. Т. 15. Статьи об искусстве и литературе. М.: Художественная литература, 1983. 432 [1] с.
20. Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Сб. статей / Сост. О. Эйхенбаум; вступит. ст. Г. Бялого. Л.: Художественная литература, 1986. 456 с.
21. Романова Г.И. Л.Н. Толстой о литературе: история и перспективы изучения // Вестник Костромского государственного университета. 2020. Т. 26, № 1. С. 138–143. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-138-143
22. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ), ф. 746 (фонд М.О. Гершензона), к. 10, ед. хр. 40.
23. Смирнова Н.Н. Исследовательские принципы и язык М.О. Гершензона-теоретика // Гершензон М.О. Демоны глухонемые. Статьи, эссе, заметки разных лет / Отв. ред.-сост. Н.Н. Смирнова. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2017. (Серия “Российские Пропилеи”). С. 299–328.
24. Maude Aylmer. Tolstoy and His Problems. L.: Grant Richards, 1901. 333 p.
25. Obolevic Teresa. Faith and Science in Russian Religious Thought. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 67–72.
26. Kaufman Andrew D. Understanding Tolstoy. Columbus: Ohio State University Press, 2011. xiii, 322 p.
27. Orwin Donna Tussing. Tolstoy’s Art and Thought, 1847–1880. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 269 p.
28. Шкловский В. Развертывание сюжета. [Пг.]: ОПОЯЗ, 1921. 61 с.

¹⁶ Выраженной в знаменитой статье 1917 г. [29].

¹⁷ А в последующем развитии структурных методов – и определенный тип автора и читателя.

29. Шкловский В. Искусство как прием // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Пг.: 18-я Государственная типография, 1919. С. 101–114.

REFERENCES

1. Tolstoy, L.N. *Sobranie sochinenii* [Works in 22 Mols.]. Vol. 17–18. *Pisma* [Letters]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1984. 910 [1] p. (In Russ.)
2. Gershenzon, M.O. *Posleslovie. Lanson G. Metod v istorii literatury* [Afterword to Gustave Lanson's Method in the History of Literature], Transl. and Afterword by M. Gershenzon. Moscow, T-vo Mir Publ., 1911, pp. 48–76. (In Russ.)
3. Gershenzon, M.O. *Videnie poeta* [The Poet's Vision]. Moscow, 2-ia Tip. Lit. M.G.S.N.Kh. Publ., 1919. 80 p. (In Russ.)
4. Rainov, T. *Estetika Tolstogo i ego iskusstvo* [Aesthetics of Tolstoy and his Art]. *Estetika Lva Tolstogo* [Aesthetics of Leo Tolstoy], Ed. P.N. Sakulin. Moscow, GAKhN Publ., 1929, pp. 27–92. (In Russ.)
5. Eiges, I. *Vozzrenie Tolstogo na muzyku* [Tolstoy's View of Music]. *Estetika Lva Tolstogo* [Aesthetics of Leo Tolstoy], Ed. P.N. Sakulin. Moscow, GAKhN Publ., 1929, pp. 241–308. (In Russ.)
6. Veidle, V. *Umiranje iskusstva* [Dying of Art]. Ed. V.M. Tolmachev. Moscow, Respublika Publ., 2001. 447 p. (In Russ.)
7. Kovelman, A.B., Gershovich, U. *Sokrytoe i iavlennoe v Talmude: Ocherk nefilosofskogo myshleniia na iskhode antichnosti* [The Talmud Hidden and Revealed: Non-Philosophical Thinking in Late Antiquity]. Moscow, Indrik Publ., 2016. 448 p. (In Russ.)
8. Nikolaeva, T.M. *Viktor Shklovskii – Lev Tolstoi – Marcel Prust* [Viktor Shklovsky – Leo Tolstoy – Marcel Proust]. *Epokha “ostraneniia”. Russkii formalizm i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [The Era of “Estrangement”. Russian Formalism and the Modern Humanities]. Moscow, Novoe lit. obozrenie Publ., 2017, pp. 543–561. (In Russ.)
9. Romanova, G.I., Tyszkowska-Kasprzak, E. *L. Tolstoi i formalisty o siuzhete* [L. Tolstoy and the Formalists about the Plot]. *Novyi filologicheskii vestnik* [New Philological Bulletin]. 2021, No. 3 (58), pp. 52–64. (In Russ.)
10. *Iskusstvo medlennogo chteniia: Istoriia, traditsiia, sovremennost* [The Art of Slow Reading: History, Tradition, Modernity], Ed. N.N. Smirnova. Moscow, Kanon+ ROOI Reabilitatsiia Publ., 2020. 368 p. (In Russ.)
11. Gershenzon, M.O. *Izbrannoe* [Selected Works, in 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Jerusalem, Universitetskaya kniga, Gescharim Publ., 2000. 640 p. (In Russ.)
12. Shklovsky, V. *Sviaz priemov siuzhetoslozheniia s obshchimi priemami stilia* [Connection of Plot Composition Techniques with General Style Techniques]. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo iazyka* [Poetics. Proceedings on the Theory of Poetic Language]. St. Petersburg [Petrograd], 18-ia Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1919, pp. 115–150. (In Russ.)
13. Shklovsky, V. *O teorii prozy* [Theory of Prose]. Moscow, Federatsiia Publ., 1929. 266 p. (In Russ.)
14. Bergson, H. *La pensée et le mouvant*. P.: Alcan, 1934. 322 [2] p. (In French)
15. Bergson, H. *Mysl i dvizhushcheesia. Statji i vystupleniia* [Thought and Movement]. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2019. 272 p. (In Russ.)
16. Schopenhauer, A. *Sobranie sochinenii* [Works, in 6 Vols. Vol. 1]. Moscow, Terra-Knizhnyi klub Publ., 1999. 496 p. (In Russ.)
17. Shklovsky, V. *Tretia fabrika* [Third Factory]. Moscow, Artel pisatelei KRUG Publ., 1926. 141 p. (In Russ.)
18. Eikhenbaum, B.M. *Kak sdelana “Shinel” Gogolia* [How Gogol's “Overcoat” Was Made]. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo iazyka* [Poetics. Proceedings on the Theory of Poetic Language]. St. Petersburg [Petrograd], 18-ia Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1919, pp. 151–165. (In Russ.)
19. Tolstoy, L.N. *Sobranie sochinenii* [Works in 22 Vols.]. Vol. 15. *Statji ob iskusstve i literature* [Articles on Art and Literature]. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1983. 432 [1] p. (In Russ.)
20. Eikhenbaum, B.M. *O proze. O poezii* [On Prose. On Poetry], Ed. O. Eikhenbaum, G. Bialyi. Leningrad, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1986. 456 p. (In Russ.)
21. Romanova, G.I. *L.N. Tolstoi o literature: istoriia i perspektivy izucheniia* [Tolstoy on Literature: History and Prospects of Study]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Kostroma State University Bulletin]. 2020, No. 1, Vol. 26, pp. 138–143. DOI: 10.34216/1998-0817-2020-26-1-138-143 (In Russ.)
22. Research Department of Manuscripts of the Russian State Library [OR RGB]. Stock 746. (M.O. Gershenzon). List 10. Dos. 40. (In Russ.)
23. Smirnova, N.N. *Issledovatel'skie printsipy i iazyk M.O. Gershenzona-teoretika* [Research Principles and Language of M.O. Gershenzon Literary Theorist]. Gershenzon M.O. *Demony glukhonemye. Statji, esse, zametki raznykh let* [Deafmute Demons. Articles, Essays, Notes], Ed. N.N. Smirnova. Moscow; St. Petersburg, Tsentr gumanitarnykh initsiativ Publ., 2017, pp. 299–328. (In Russ.)
24. Maude, Aylmer. *Tolstoy and His Problems*. L.: Grant Richards, 1901. 333 p.
25. Obolevitch, Teresa. *Faith and Science in Russian Religious Thought*. Oxford: Oxford University Press, 2019, pp. 67–72.
26. Kaufman, Andrew D. *Understanding Tolstoy*. Columbus: Ohio State University Press, 2011. xiii, 322 p.

27. Orwin, Donna Tussing. Tolstoy's Art and Thought, 1847–1880. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1993. 269 p.
28. Shklovsky, V. *Razvertvyvanie siuzheta* [Plot Development]. St. Petersburg [Petrograd], OPOIaZ Publ., 1921. 61 p. (In Russ.)
29. Shklovsky, V. *Iskusstvo kak priem* [Art as Device]. *Poetika. Sborniki po teorii poeticheskogo iazyka* [Poetics. Proceedings on the Theory of Poetic Language]. St. Petersburg [Petrograd], 18-ia Gosudarstvennaia tipografiia Publ., 1919, pp. 101–114. (In Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 28 февраля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 марта 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.*

*Received by Editor on February 28, 2023
Revised on March 20, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026310-7

Мотив юродства в романе Ф. М. Достоевского “Бесы”

© 2023 г. А. Б. Криницын

Доктор филологических наук
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
derselbe@list.ru

Резюме. В первой части статьи обзревается исследование темы юродства в “пятикнижии” Ф.М. Достоевского и критикуются некоторые слишком широкие его толкования. Вырабатывается собственное понимание данного мотива и его реального места в творчестве писателя. Проводится дифференциация юродивого и юродствующего героя, а также отличие юродства от шутовства. Во второй части рассматривается мотив юродства в романе “Бесы”, поскольку это единственный роман “пятикнижия”, где данный мотив действительно выполняет идейную и сюжетобразующую функции. Выявляется мотив юродства у целого ряда персонажей, таких как Ставрогин и Лизавета Тушина, помимо буквально юродивых (Марья Тимофеевна, Семен Яковлевич). Показывается, как развитие мотива юродства в “Бесах” позволяет Достоевскому передать своё специфическое видение эпохи перемен, поскольку писатель усматривает обусловленность духовных пертурбаций настоящего исторического момента русским национальным характером и глубинными пластами народного сознания – исконной низовой религиозной традицией.

Ключевые слова: юродство, юродивый, Ф.М. Достоевский, роман “Бесы”, А.М. Панченко, шутовство, беснование, народная религиозность.

Для цитирования: Криницын А.Б. Мотив юродства в романе Ф.М. Достоевского “Бесы” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 14–24. DOI: 10.31857/S160578800026310-7

The Motive of Foolishness in the Novel by F. M. Dostoevsky “Demons”

© 2023 Alexander B. Krinitsyn

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
derselbe@list.ru

Abstract. The first part of the article reviews the study of the theme of foolishness in the “Pentateuch” of F.M. Dostoevsky and some of his too broad interpretations are criticized. An own understanding of this motive and its real place in the writer’s work is developed. The differentiation of the holy fool and the foolish hero is carried out, as well as the difference between foolishness and buffoonery. In the second part of the work, the motif of foolishness in the novel “Demons” is considered, since this is the only novel of the “pentateuch” where this motif really performs an ideological and plot-forming function. The motif of holy foolishness is revealed in a number of characters, such as Stavrogin and Lizaveta Tushina, in addition to literally holy fools (Marya Timofeevna, Semyon Yakovlevich). It is shown how the development of the motif of foolishness in “Demons” allows Dostoevsky to convey his specific vision of the era of change, since the writer sees the conditionality of the spiritual upheavals of the present historical moment by the Russian national character and the deep layers of the people’s consciousness – the original grassroots religious tradition.

Key words: foolishness, holy fool, F.M. Dostoevsky, the novel “Demons”, A.M. Panchenko, buffoonery, demonic possession, folk religiosity.

For citation: Krinitsyn, A.B. *Motive jurodstva v romane F.M. Dostoevskogo “Besy”* [The Motive of Foolishness in the Novel by F.M. Dostoevsky “Demons”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 14–24. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026310-7

Тема юродства давно уже обсуждается в достоевсковедении, что свидетельствует о ее важности, однако исследователи по-прежнему расходятся даже в постановке проблемы, не сходясь ни в основополагающих определениях юродства, ни в согласовании круга лиц, к юродивым причисляемых. Дело в том, что в самих текстах Достоевского (прежде всего, в “пятикнижии”) юродивыми именуется слишком многие, подчас совершенно непохожие друг на друга персонажи (как то: Лизавета Ивановна и Соня Мармеладова в “Преступлении и наказании”, князь Мышкин в “Идиоте”, Марья Тимофеевна и Семён Яковлевич в “Бесах”, Лизавета Смердящая, Федор Павлович Карамазов, капитан Снегирев, отец Ферапонт, старец Зосима и Алеша в “Братьях Карамазовых” и др.). При наличии классических работ, где феномен юродства концептуально разрабатывается как неотъемлемый элемент древнерусской религиозной и смеховой культуры ([1]; [2]), подобные номинации героев предоставляют возможность для многочисленных построений, связывающих тему юродства у Достоевского либо с православной (как русской национальной) религиозностью, либо со средневековым карнавальным мироощущением (с опорой на работы М.М. Бахтина).

БАС определяет юродство как: 1) “состояние невменяемости, умопомешательства”; 2) “нарочито ненормальное, неестественное поведение, вызванное чаще всего религиозными мотивами” [3, с. 2003]. По описанию “Толкового словаря” В. Даля, “юродивый — безумный, божевольный, дурачок, отроду сумасшедший, народ считал юродивых Божиими людьми, находя нередко в бессознательных поступках их глубокий смысл, даже предчувствие или предвидение, церковь же признает и юродивых Христа ради, принявших на себя смиренную личину юродства, но в церковном же значении юродивый иногда глупый, неразумный, безрассудный” [4, с. 669]. Таким образом, Даль выделяет два типа юродивых: безумных “отроду” и юродивых “Христа ради”, то есть сознательно разыгрывающих роль, подражая в униженности Христу. Точно так же А.М. Панченко различает юродивых “во Христе” (изначально безумных) и юродивых “Христа

ради” — сознательно избравших юродство как подвижничество.

В исследованиях А.М. Панченко и Г. Федотова [5] более развернуто описывается юродство как социальный и культурно-религиозный феномен. Так, Панченко выделяет следующие функции древнерусского юродивого: *социальная* — восприятие юродства как “общественного служения” и “общественного протеста” [1, с. 110, 139–183]; *этическая* — юродство как обязанность “ругаться миру”, т.е. обличать людские пороки и грехи [1, с. 111]; *религиозная* — юродство как забота юродивого о спасении своей души через своеобразно понятое следование и подражание Христу [1, с. 110].

В работах же достоевистов определения юродству могут даваться самые расплывчатые и разнообразные. Так, для Л.И. Сараскиной юродство у Достоевского — это и “экстраординарное состояние духа человека, дерзающего сказать то, о чем другие молчат”, и “простодушие, бескорыстие, честность, доброта, кротость, совестливость” [6, с. 140]. Вряд ли можно очертить круг “юродивых” в романах “пятикнижия” по столь общим “признакам”.

Причисление к юродивым Мышкина (на основании единичной номинации его таковым в романе) позволяет Е.П. Гуровой сделать смелый вывод: “В романах писателя происходит практически прямое сопоставление-наложение образов **Христа и юродивого**. Юродивый приходит в мир не для того, чтобы обличать, а для того, чтобы искупить грехи людей на земле” [7, с. 139]. Данное отождествление не мешает исследовательнице буквально через абзац утверждать, что “полифонизм, как важнейшая особенность поэтики Достоевского, движущая сила сюжета, предполагает изначальную неразрывную связь образов **юродивого и бесноватого**” [7, с. 139; выделения везде мои. — А.К.]. Означает ли это бесноватость Мышкина или (*horribile dictu!*) самого “Христа”, в статье умалчивается. Итоговый вывод статьи состоит в том, что образы юродивых “поликультурны, вмещают в себя традиции разных культур, что зачастую обуславливает их некоторую противоречивость” [7, с. 143]. Этот вывод также

представляется неосновательным: в течение всей работы говорилось о юродстве как о феномене *одной* — православной культуры, с упоминанием, правда, его византийских корней. (К другим культурам в статье отсылает лишь цитата из Д.С. Мережковского касательно того, что на Востоке эпилептиков почитали как ясновидящих и пророков. Однако попытки обнаружить черты эпилепсии у Хромоножки [7, с. 141] представляются неубедительными, тем более что прямой связи между юродством и эпилепсией нет.)

В.В. Иванов, автор монографии и многочисленных работ на тему юродства у Достоевского, однозначно причисляет к юродивым всех главных героев “пятикнижия” — носителей положительной религиозной идеи — Соню Мармеладову, Мышкина, архиерея Тихона, старца Зосиму на том основании, что все они в тексте были однажды названы “юродивыми”. Их юродство, по В.В. Иванову, заключается в выпадении из социума, причастности к “иерархии духа” и следовании крестному пути Христа, который [путь] также считается Ивановым «максимальным выражением принципа “смеха и глумления”» [8, с. 203], с опорой на 1-е послание к Коринфянам (гл. 1, ст. 18, 21, 22, 23)¹. При подобной интерпретации понятие “юродства” становится тождественным в целом “истинному христианству”, а потому избыточным, в то время как изначальная характеристика юродивых через их специфическое девиантное, “похабное” поведение вообще не учитывается, ибо оно действительно не наблюдается у данных героев и совершенно не укладывается в концепцию В.В. Иванова. Остальных же персонажей с чертами юродства, но не идущих “путем Христа”, исследователь считает “лжеюродивыми”, как, например, о. Феропонта [8, с. 208]. С подобными проблемами (к примеру, с необходимостью совместить в одном ряду, согласно номинации их “юродивыми”, Федора Павловича, старца Зосиму, Алешу и Лизавету Смердящую) сталкиваются и прочие исследователи, берущиеся за внешне столь выигрышную, но на деле коварную тему, что заставляет их, как правило, описывать лишь нескольких, произвольно выбранных героев-“юродивых”, взятых зачастую из разных романов [7].

¹ При этом у ап. Павла речь идет о лишь “безумном” звучании проповеди Христа для мира. Более того, неочевидно, насколько адекватно древнегреч. *μωρία* — ‘глупость, безумие’, переведенное в синодальном переводе как “юродство”, соответствует феномену древнерусского “юродства”, чтобы выстраивать описание последнего, а также понимание “юродства” Достоевским на основании данной цитаты из ап. Павла.

Дополнительным “моментом путаницы” для интерпретаторов юродства у Достоевского становится рассмотрение А.М. Панченко юродства как специфически русского чина *святости*. Механически проецируя материал Панченко на “юродивых” героев “пятикнижия”, многие исследователи забывают, что, с одной стороны, далеко не все “блаженные” на Руси были святыми, и, с другой стороны, “святым” не может считаться ни один герой “пятикнижия”.

На наш взгляд, номинация одного героя другим как “юродивого” (зачастую — единожды) в большинстве случаев не означает авторского согласия с ней. Вспомним, как часто именуют “идиотом” Мышкина, при том что об его идиотизме не может идти речи, невзирая даже на само заглавие романа. Точно так же выражение “юродивый” в устах персонажей — зачастую не более чем презрительное, обидное наименование для верующего христианина, распространенное в “просвещенных” атеистических кругах 1860-х годов.

— Вы... вы... вы маленький юродивый, вот вы кто! — с побледневшим уже лицом и скривившимися от злобы губами отрезала вдруг Катерина Ивановна [9, т. 14, с. 175] (об Алеше).

— Вы правы, но вы грубый циник <...> Все-таки вы чудак и юродивый... — Он [Ставрогин] раздражался всё больше и больше и, странно, не стеснялся в словах [9, т. 11, с. 11] (о Тихоне).

Той же точки зрения придерживается Ф.В. Макаричев, считающий, что, за исключением Хромоножки и Лизаветы Смердящей, в отношении других героев “было бы точнее говорить о мотиве юродства. Мышкин, Алеша Карамазов, Тихон — не являются юродивыми в полном смысле этого слова. Чаще всего черты юродства проявляются у этих героев ситуативно и подмечаются не автором-повествователем, а другими персонажами. Эти замечания носят подчеркнуто субъективный характер и отражают светское и часто просто обывательское понимание этого явления” [10, с. 458–459]. (К сожалению, исследователь сосредотачивается в своей статье преимущественно на теме юродства в “Преступлении и наказании”.)

Обыкновенно обвинение в юродстве следует как реакция на любой нестандартный поступок или непонятные слова от лица верующего с общепринятой “светской” точки зрения. (Зиновий после отказа от выстрела на дуэли: “Вот я раз в жизни взял да и поступил искренно, и что же, стал для всех вас точно юродивый: хоть и полюбили меня, а всё же надо мной, говорю, смеетесь” [9, т. 14, с. 273].)

Синонимами к юродству в гневной речи персонажей становятся также чудачество, шутовство, а иногда и более витиеватые выражения: "Алексей Федорович, – проговорил [Иван] с холодной усмешкой, – я *пророков* и *эпилептиков* не терплю; *посланников божиих* особенно" (курсив мой. – А.К.).

Равным образом не позволяет причислить персонажа к юродивым общая странность поведения, его подчеркнутая религиозность и смиренность. Это несомненное размывание понятия. Достоевский изначально замышляет "странными" практически всех главных героев, что характерно для его психологизма в целом. Редкие исключения, наподобие Разумихина, Радомского, Епанчина и т.д., – нужны как некий эталон общественной нормы, чтобы остальные герои могли ее нарушать своей эксцентричностью.

В то же время, ряд персонажей являются юродивыми в прямом смысле – это Марья Тимофеевна, Семен Яковлевич (списанный с известного московского "блаженного" Корейши), Лизавета Смердящая, отец Ферапонт. Из них Марья Тимофеевна и Лизавета могут считаться юродивыми "во Христе", то есть действительно безумными, а Ферапонт и Семен Яковлевич – юродивыми "ради Христа", то есть сознательно решившими юродствовать. Все четверо и должны в первую очередь быть рассмотрены при желании понять юродство как явление. При этом юродство обоих последних – безблагодатное, близкое к актерству. О том, что "юродству знакомы и подделки", говорит и А.М. Панченко: [существуют] «...лжеюродивые, которые сделали из юродства промысел, дающий пропитание. Они рассчитывают на легковых людей; это они "творяются маломыслы, а потом их видят целоумными"»; «О юродивом же до его смерти ничего определенного сказать нельзя. Может быть, это юродивый "Христа ради", а может быть – мнимоюродивый» [1, с. 138]. Е.Г. Кабакова предлагает называть таких персонажей "юродствующими": «С XVI–XVII веков <...> идея и функции юродства были трансформированы, искажены. "Добровольные юродивые" перестали свое юродство связывать с образом Христа и Его заповедями. В их юродстве возникают корысть, гордыня. Юродивые спускаются в народ и претерпевают процесс вырождения. Именно этих мнимых юродивых мы предлагаем называть "юродствующими"» [11, с. 94].

Однако тут же Е.Г. Кабакова усложняет терминологию, говоря о функциональном «разнообразии модификаций "юродствующего"» (например, юродство Федора Карамазова и Алексея

Кириллова носит религиозно-философский характер; Семен Яковлевич и Лебядкин являют социальное юродство, а Петр Верховенский и фон Лембе – политическое). Таким образом, благодаря вольному употреблению термина, под категорию юродивых начинают подходить все персонажи, имеющие комические черты, и после Хромоножки вторым героем-юродивым, подробно разбираемым в статье, становится... капитан Лебядкин – в силу того, что он беден (ибо юродство "ради Христа" смешивается с "христорадничеством"!) и занимается "лицедейством" [11, с. 98].

Чтобы внести терминологическую ясность, мы предлагаем различать у Достоевского следующие группы персонажей: 1) "юродивых во Христе" (Хромоножка, Лизавета Смердящая), 2) "лжеюродивых" (Ферапонт, Семен Яковлевич), а также внушительное число 3) "юродствующих" героев, не ведущих образ жизни юродивого, но иногда прибегающих, в силу разных причин, к "юродливым жестам". Именно у этой группы вполне могут присутствовать черты *беснования*, в то время как у настоящих юродивых (по описанию А.М. Панченко) совмещение "бесноватости" и "хриstopодобия" невозможно. Наконец, есть целый ряд героев просто 4) *обидно поименованных* "юродивыми" со стороны персонажей, далеко не авторитетных для автора, без проявления у них собственно "юродливых" черт. Последняя группа выводится за рамки темы данной статьи. (При таком разграничении снимается неразрешимое для многих исследователей юродства якобы "противоречие", вынуждающее либо искать черты "бесноватости" у Хромоножки, либо делить добрую половину героев "пятикнижия" на "хриstopодобных" и "лжеюродивых".)

Нам кажется, что при адаптации определений А.М. Панченко к образам "пятикнижия" именно юродливая манера поведения в сочетании с загадочностью и тайной духовной значимостью внешне "неприличного" поступка определяет феномен юродства у Достоевского и дает четкие границы использования данного понятия.

Демонстративное театрализованное поведение вообще характерно для многих героев Достоевского и само по себе является интереснейшим объектом исследования, и юродство представляет лишь один из его модусов, наряду с *шутовством*, *актерством* и *беснованием*. Если *актерство* – неизбежный элемент сознательного юродства (просто актерство само по себе может быть и не в такой агрессивной и сниженной форме), то

беснование трудно отделимо от девиантных выходов безумных юродивых.

Мы не можем согласиться с Р.Я. Клейман, отождествляющей *шутство* и *юрродство*. Так, по ее словам, “в народном сознании шутство — игра — нечистая сила — юродство составляют один семантический ряд, добавим: соотносимый с художественной семантикой Достоевского...” [12, с. 66]. Таким образом, она впадает в иную крайность, чем В.В. Иванов, отождествляя юродство, через шутство, уже не со святостью, но с демонизмом.

Поведение шута своей девиантностью внешне сходно с поведением юродивого. Оба демонстративно нарушают общепринятые правила поведения, издеваясь над нравами социума. С помощью них Достоевский воплощает свой излюбленный принцип режиссирования конклавов (массовых сцен) через разрушение норм повседневного общения вплоть до скандала. Шуты и юродствующие в “пятикнижии” выступают в роли трикстеров, провоцирующих скандал своим агрессивным вызывающим поведением. Разница между ними, однако, состоит в том, что *шут*, для того чтобы рассмешить окружающих, сознательно идет на самоуничтожение, благодаря чему получает возможность с позиции своей “низости” смеяться над остальными. Главный мотив шутства — всегда вопрос большого самолюбия и “стыда себя”. У юродствующего же персонажа вообще нет цели кого-нибудь смешить. Он может вести себя крайне странно и вызывающе, но не ради самоуничтожения, хотя зачастую оскорбляет других. Его цель — завоевать своеобразную эмоционально-духовную власть над окружающими. Юродивый “проповедует” действиями, своим поведением, всем своим образом жизни. Он бросает вызов миру, поучая его своим “юрродливым” жестом и претендуя на роль идеолога. Один и тот же персонаж может в разных сценах избирать либо шутковскую, либо юродливую манеру поведения (например, Петр Верховенский). Отметим также, что шуты в произведениях Достоевского встречаются гораздо чаще.

Наиболее часто лексема юродства встречается в “Братьях Карамазовых”, что заметно и по числу персонажей, так в романе поименованных. Однако центральным мотив юродства оказывается в романе “Бесы”, где он всесторонне разработан. Именно в “Бесах” присутствуют два персонажа, прямо заданные как юродивые, а не просто поименованные таковыми в беседе, — Хромоножка и Семен Яковлевич. Оба они подробно охарактеризованы и выписаны (в то

время как “всамделишные” юродивые “Братьев Карамазовых” лишь бегло упомянуты в предыстории романа, как отец Варсонофий, Лизавета Смердящая и мать Алексея). Также присутствует значительный ряд юродствующих персонажей. Поэтому именно на примере “Бесов” мы и хотим проиллюстрировать специфику юродства у Достоевского.

* * *

Самым важным — равно как и наиболее сложным и загадочным — персонажем-юродивым в “Бесах” является Марья Тимофеевна (Хромоножка). Сквозь ее безумие проступает божеское начало: искренняя вера, мечтательность и детскость. В контраст многим снижающим чертам его облика (худоба, жидкие волосы, неуместные сурьма и белила) Достоевский особенно выделяет ее глаза, которые выражают ее душевную чистоту и глубину:

...тихие, ласковые, серые глаза ее были и теперь еще замечательны; что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и в улыбке ее, удивила меня [9, т. 10, с. 114].

У образа Хромоножки очевидные фольклорные черты, выражающиеся, в частности, в ее речи, перпевающей народные духовные стихи и апокрифы.

Одни исследователи отмечают богородичные коннотации к ее образу. Вяч. Иванов считал ее символическим воплощением “Вечной Женственности в аспекте русской Души” [13, с. 203]².

Л.И. Сараскина, напротив, считает внешнюю некрасивость Хромоножки косвенным признаком душевной порчи и, ставя ее в один ряд с другими *хромными* героями Достоевского, постулирует постоянную “сопряженность хромоты с бесноватостью” [6, с. 135]. Признавая, что “женщина, влюбленная в дьявола”, в то же время наделена заветными для самого Достоевского прозрениями о “Богородице — матери сырой земле”, Л.И. Сараскина находит компромисс в том, что объявляет ее образ амбивалентным, сообразно

² См. также: Булгаков С. Русская трагедия. О “Бесах” Ф. М. Достоевского в связи с инсценировкой романа в Московском Художественном театре // Русская мысль. 1914. Апрель; Аскольдов С. Религиозно-этическое значение Достоевского // Ф.М. Достоевский. Статьи и материалы. Сб. I / под ред. А.С. Долинина. Пб., 1922; Зандер Л.А. Тайна добра (Проблема добра в творчестве Достоевского). Париж, 1960; Мочульский К.В. Достоевский. Жизнь и творчество // Мочульский К.В. Гоголь. Соловьев. Достоевский. М.: Республика, 1995. С. 219–562.

с генеральной линией психологизма Достоевского: «Марья Тимофеевна, в душе которой молитва и преступление, экстатический восторг и “тошное” томление “вместе живут”, олицетворяет стихию человеческую, когда “дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей» [6, с. 146].

Мы не можем согласиться как с “богородичной” трактовкой образа Хромоножки (которая несовместима с ее безумием), так и с признанием ее “одержимой бесами” – ввиду просветленности образа, очевидно выражающего по авторскому замыслу сокровенные интуиции народной веры. Противоречивость образа Марьи Тимофеевны естественно объясняется ее юродством “во Христе” (то есть неподдельным безумием), сочетающим в себе страдание, служение Богу (праведничество, не обязательно дорастающее до святости) с девиантным, вызывающим поведением. С учетом важности ее народного религиозного мировоззрения, ее можно даже признать, невзирая на ее “некнижность”, героем-идеологом³.

Марья Тимофеевна ощущает в себе призвание к глубочайшему, священному горю. По логике ее *идеи*, она “спасает” своим страданием некий сокровенный идеал – обрученного с ней богоравного “светлого князя” (подобно тому как Кириллов надеется победить смерть своим самоубийством, а Иван мечтает совершить “геологический переворот”). Помимо горя внешнего (слабоумная и увечная, она брошена и отвержена мужем, её тиранит, до побоев, брат), она страдает от некоей духовной раны – тоскует о якобы утопленном в пруду ребенке – выдуманном и добровольно взятом на себя смертном грехе. Рискнем провести аналогию со Христом, взявшим на Себя все грехи мира и испытавшим перед смертью самое страшное для человека – богооставленность⁴. Она живет своим горем, питается им духовно и претворяет его в просветленную радость. Примечательно, что когда Ставрогин предлагает ей публично объявить о браке и удалиться вместе в Швейцарию (столь памятную Мышкину), она отказывается от предложения – чтобы не предать свое страдание. Подобный духовный подвиг Достоевский видел и у “великой из великих радостной страдальницы, боговидицы и христоносицы

³ Хромоножку несомненно можно причислить к героям-идеологам, но в ее идее, благодаря народному сознанию, отчетливее проступает мифологическая основа, наличествующая, впрочем, у идей всех героев Достоевского.

⁴ Имеется в виду предсмертный возглас Христа: “а около девятого часа возопил Иисус громким голосом: Или, Или! ламá савахфани? то есть: Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил?” (Мф. 27:46).

матери Марии Египтяныни” [9, т. 14, с. 267], аллюзии на которую в образе Марьи Тимофеевны уже отмечались исследователями⁵.

При визите Шатова и хроникера, то есть фактически наедине с собой (так как она легко *забывает* о гостях), Хромоножка изображается *радостной*, по-детски веселой: “...что-то мечтательное и искреннее светилось в ее тихом, почти радостном взгляде. Эта тихая, спокойная радость, выражавшаяся и в улыбке ее, удивила меня после всего, что я слышал о казацкой нагайке и о всех бесчинствах братца” [9, т. 10, с. 114]. Похожее чувство, согласно словам старца Зосимы, должен был испытывать ветхозаветный Иов, утешившись от, казалось бы, неодолимой скорби после действительной потери детей (“Но можно, можно: старое горе великою тайной жизни человеческой переходит постепенно в тихую умиленную радость” [9, т. 14, с. 265]).

В других случаях – при знакомстве в церкви с генеральшей Ставрогиной, а также во время посещения ее дома, далее на свидании со Ставрогиным в своей комнатке – Марья Тимофеевна, напротив, выказывает черты вызывающего юродства, скача, крича, падая на колени или смеясь невпопад. Вместе с тем, ее поведение остается загадочным: на людях – ибо под ним скрывается тайна ее брака со Ставрогиным, а с ним самим – ибо намекает на какую-то ей одной известную истину о высоком предназначении своего мужа, которому он изменил и вследствие этого переродился до безродного самозванца. Духовное призвание Ставрогина – самая глубокая загадка романа, остающаяся сокрытой. Достоевский никогда не проговаривал однозначно в своих текстах своих сокровенных религиозных идей. Вспомним, как князь Мышкин боится “окарикатурить” идею собой (“Я всегда боюсь моим смешным видом скомпрометировать мысль и *главную идею*. Я не имею жеста. Я имею жест всегда противоположный, а это вызывает смех и унижает идею” [9, т. 8, с. 458]). Таким образом, Мышкин *боится* показаться юродивым. На званом вечере, когда князь впервые высказывается, он все же становится смешон, *нечаянно* разбивая вазу и *невольно* падая в припадке. Эти поступки внешне подобны жестам юродивого, но, как мы видим, не делают его таковым. Как раз разбитие вазы и начало припадка останавливают князя, не позволяя ему донести свою идею. Хромоножке же удастся поведать о сокровенном, но лишь мифом, загадкой и,

⁵ См.: *Смирнов И.П.* Древнерусские источники “Бесов” Достоевского // Русская и грузинская средневековые литературы. Л., 1979. С. 212–220.

как нам кажется, именно благодаря своему юродству. В этом и состоит функция образа и заключается объяснение того, почему для Достоевского необходимо было сделать его юродивым.

Эпизод посещения компании “нигилиствующей” молодежи блаженного Семена Яковлевича на первый раз кажется совершенно избыточным, слишком пространным для не имеющего никакого сцепления с сюжетом.

В отличие от Хромоножки, Семен Яковлевич изображен в романе как лжеюродивый, сделавший из своей популярности выгодное ремесло. Он был списан Достоевским с блаженного Ивана Яковлевича Корейши, представленного в книге И.Г. Прыжова “Двадцать шесть московских лжепророков, лжеюродивых, дур и дураков” (1865). Знакомство Достоевского с этой книгой достоверно установлено и тем более примечательно, что сам Прыжов был членом “пятерки” Нечаева и участвовал в убийстве Иванова, послужившем сюжетной основой романа “Бесы”. Интерес революционеров к народным верованиям и психологии был для писателя знаком, что к народному сознанию нигилисты хотят подобрать ключи для использования его в своих разрушительных целях, и тут юродивые и лжеюродивые, собиравшие толпы почитателей и целые капиталы, были для них показательным примером удачной манипуляции народным сознанием. Важно было то, что “народным пророкам” верили не только необразованные крестьяне, но и богатейшие купцы и купчихи, духовенство и даже титулованная знать. Двадцать шесть юродивых, описанных в книге Прыжова – особо почитаемых *только по Москве*, – указывали на повсеместную распространенность явления и масштаб их популярности. На примере Семена Яковлевича Достоевский демонстрирует простейшие приемы, используемые “блаженными”, чтобы поразить почитателей и утвердить свою славу в их глазах: это разговор загадками (короткими, бессмысленными репликами: “миловзоры, миловзоры” – [9, т. 10, с. 257]), намеренная грубость и нарушение всех приличий (когда посылают по-матерному знатную даму [9, т. 10, с. 260]), агрессивные выходки и алогичная противоречивость в обращении с разными посетителями (когда одному гостю Семен Яковлевич велит наложить в чай тройную долю сахару, а другого обделяет чаем вовсе).

Интересно, что в конце этой сцены манеру поведения Семена Яковлевича неожиданно воспроизводит Лизавета Тушина, приказывающая встать перед “блаженным” на колени своему жениху Маврикию Николаевичу. Последний,

поблуднев, все-таки выполняет ее просьбу, чем подвергает саму Лизу почти в ужас, так что она даже бросается его поднимать. Завершается сцена совсем неожиданно: после того как “блаженный” ругает даму из компании “озорников” по-матерному, все устремляются вон, и тогда в дверях Лиза вдруг сталкивается со Ставрогиным и замахивается рукой для пощечины, от которой Николай Всеволодович едва смог уклониться. (Таким образом, завершение визита Семена Яковлевича завершается для Ставрогина так же скандально, как и расставание с Хромоножкой.)

Таким образом, Лиза фактически сама начинает юродствовать, и даже более истерично, чем лжеюродивый. Это немного скрадывается тем, что по мере развития романного действия “юродливый” жест все чаще выказывается у самых разных персонажей, в результате чего расшатывается норма, и у читателя возникает своеобразное “привыкание” к юродским выходкам. В дальнейшем Лиза продолжает отмечаться экстраординарными поступками в окружении толпы: сначала, когда она (уже сама!) встает на колени в грязь перед почитаемой иконой Богородицы (недавно ограбленной и оскверненной нигилистами) и жертвует ей свои бриллиантовые серьги (народ не выказывает при этом “ни порицания, ни одобрения”), а затем когда вызывающе идет к сожженному дому убитой Хромоножки, где собравшаяся толпа, приняв ее за виновницу злодеяния, растерзывает насмерть. Таким образом, ее юродливый жест у Семена Яковлевича был не случаен и задавал логику ее образа в целом – стремление заменить собой Марью Тимофеевну, законную жену Ставрогина, в его сознании – в том числе и перенимая ее “народные” юродские черты. С одной стороны, они принимают у нее скорее надрывный, не такой безумный характер, с другой – “всенародность” жестов подчеркивает их генетическую связь с юродством.

Если мы обратимся к началу романа, то обнаружим и у самого Ставрогина маркированное “юродливое” поведение. По приезде в город после долгого отсутствия Николай Всеволодович поражает всех неожиданными странными выходками. Вначале он хватается за нос почтенного сановника Гаганова (придравшись к его поговорке, что он никому не позволит “провести себя за нос”), затем публично целует молоденькую жену Липутина (который хвастался модной среди “нигилистов” эмансипированностью), наконец, кусает за ухо губернатора. Во всех этих диких поступках при ближайшем рассмотрении заложен поучающий смысл: высмеиваются как “гоголевская”

пошлость губернского бомонда и власти, так и упоенное упразднение приличий со стороны "нигилистов".

Как оказывается, сами "нигилисты" знают и с успехом применяют тот же набор приемов для манипулирования аудиторией. Петр Верховенский на собрании у "наших" привлекает к себе внимание нарочито грубыми выходками (в рамках пренебрежения "нигилистов" приличиями). Он перебивает выступления других, демонстративно показывает, что их не слушает, требует себе одному коньяк и, наконец, ножницы, чтобы при всех постричь себе ногти. При этом авторитет Верховенского и внимание к нему окружающих только возрастает. Все находят его поведение таинственным и интригующим и оказываются потрясены, когда "загадочный человек слишком вдруг раскрылся" [9, т. 10, с. 315].

Данная сцена объясняет введение в роман Семена Яковлевича, хотя сцена с ним, на первый взгляд, замедляет развитие действия. При сопоставлении с ним окончательно разоблачаются дешевые приемы манипулирования публикой Верховенского и ему подобных "прогрессивных" демагогов. Подобная ассоциация подтверждается и подготовительными материалами к "Бесам", где прототип Семена Яковлевича Корейши прямо соотнесен с нигилистами: «Иван Яковлевич: «Кололацы». У него откровенные кололацы, а у вас <речь идет о Петре Верховенском. — А.К.> те же кололацы, но вы думаете, что величайшая мудрость» [9, т. 11, с. 235]. Повтор непонятного слова "кололацы" (подлинное выражение Корейши) Достоевский в процессе работы над романом заменил на не менее бессмысленное "Миловзоры! Миловзоры!" [9, т. 10, с. 257].

Приемы юродства возникают как средство во что бы то ни стало привлечь на себя внимание и добиться эмоциональной власти над окружением. Для понимания образа Петра Верховенского важно определение его Ставрогиным: "Есть такая точка, где он перестает быть шутком и обращается в... полупомешанного" [9, т. 10, с. 193]. Полупомешанный — это тот юродивый, только в случае Верховенского, желающего разрушить мир, не "во Христе", а "во дьяволе".

Интересен также феномен Степана Трофимовича Верховенского. Он претендует на роль и авторитет духовного вождя, каковым он и был краткое время в 1840-е годы; переживает, что его все больше забывают и перестают воспринимать всерьез. Более того, он чувствует, что в доме генеральши Ставрогиной он все более становится похож на приживальщика. Это настолько пугает

и тяготит его, что он все чаще срывается в своем поведении и, чтобы привлечь на себя внимание, начинает прибегать к весьма эксцентрическим средствам и жестам. Так, при важном госте из Петербурга он громко кричит "Ура!", когда разговор заходит об отмене крепостного права, чем вызывает насмешливую улыбку барона. Во время речи на балу в пользу гувернанток он устраивает скандал, выкрикивает "гост за глупость" "уже в совершенном иступлении, бравируя залу" [9, т. 10, с. 372]. Сразу после сего он уходит из дому, прямо как описанный А.М. Панченко святой юродивый Степан Трофимович Нечаев (созвучье имен крайне выразительно, тем более что прототипом сына Степана Трофимовича Верховенского был студент Нечаев, к тому же учитывая, что от юродивого Степана сохранились письма близким, в том числе брошенной им жене, а Верховенский старший, также бросивший свою жену, наделен болезненной страстью к эпистолярному жанру, — но нет никаких свидетельств того, что Достоевский был знаком с разбираемым Панченко житием). Уход из дому — обязательное начало пути любого юродивого, своего рода инициация. Таким образом, Степан Трофимович *юродствует, именно для того чтобы не быть шутком*: быть смешным для него непереносимо.

Актерство его поведения не противоречит его "юродливому" смыслу. Показательно, что, уйдя из дома и покинув город, Степан Трофимович сразу сходится с простым народом. Его сначала чуждаются как "барина", но, увидев его детскую беспомощность, начинают жалеть — именно как "блаженного". Тут же он сближается со странницей-книгоношей. Перед смертью он приходит к Богу и даже начинает пророчествовать, а именно толкует евангельские строки об исцелении гадаринского бесноватого, вынесенные эпиграфом ко всему роману. Пророческим пафосом он объединяется с Хромоножкой, Петром Верховенским и Кирилловым (все четверо наделяются "юродливым жестом").

Таким образом, юродство в его народном, христианском варианте возносится Достоевским над шутством.

Сложную природу имеет поведение Кириллова перед его "идейным" самоубийством. Герой и раньше был настолько погружен в свою идею, что сделался косноязычным. На своей предсмертной записке он хочет нарисовать рожу с высунутым языком, что было бы характерным юродством. Когда Петр Верховенский отговаривает его, он подписывается с издевательским вывертом: "de Kiriloff, gentilhomme-séminariste russe et citoyen

du monde civilisé!” (“Кириллов, русский дворянин-семинарист и гражданин цивилизованного мира” — *фр.*). Затем следует безобразная и комически-ужасная сцена, когда Кириллов убегает в соседнюю темную комнату с револьвером, но вместо самоубийства долго прячется там за шкафом, а когда Верховенский отправляется на его поиски со свечой, задувает внезапно свечу и изо всех сил кусает его за палец, так что тот убегает в ужасе. Перед нами опять непонятный юродский выверт, связанный с причудливым выражением главной идеи героя. Отметим также сходство девиантных жестов Кириллова с ёрничанием Ставрогина (кусанием за ухо губернатора) в его первое возвращение в город.

Даже Шатов начинает юродствовать (или по крайней мере сам так видит себя — “*пляшущим нагишом*”) в момент, когда начинает исповедовать перед Ставрогиным свою идею о русском народе-богоносце: “Он вскочил с места; **даже пена показалась на губах его**”; “Я верую... — **залепетал в исступлении Шатов**”; “Я для вас теперь полчуса **пляшу нагишом**”; “Шатов **неистово бросился** вслед за ним. — Целуйте землю, облейте слезами, просите прощения! — **вскричал** он, схватывая его за плечо” [9, т. 10, с. 200–202].

Высказанные наблюдения позволяют нам сделать важные выводы: хотя юродивыми в узком смысле народной христианской традиции можно считать только Марию Тимофеевну и Семена Яковлевича, однако практически все значимые герои “Бесов” юродствуют, хотя бы в одной-двух отдельных сценах. Некоторые — осознанно и в манипулятивных целях, другие — из-за нервного срыва, третьи — чтобы любой ценой обратить на себя внимание.

Это создает в “Бесах” особую “юродливую” атмосферу, притом что юродствует каждый персонаж по-своему. В прочих романах “пятикнижия” наблюдаются схожие мотивы в поведении отдельных героев, но нигде более они не складываются в устойчивую модальность системы отношений. Наличие двоих всамделишных юродивых усиливает и организует мотив, задает вектор восприятия юродства как общей линии поведения персонажей.

Почему же писателю понадобилось столь углубленная разработка данного мотива именно в “Бесах”?

Как мы уже обращали внимание, в большинстве случаев юродствуют герои при изложении своих заветных идей, с целью эмоционального воздействия на окружающих. Главной темой

“Бесов” как антинигилистического романа становится идеологическая борьба в обществе и воздействие новомодных разрушительных идей на самые различные слои: от народного до высшего дворянского. Разрушение старых мировоззренческих устоев вносит хаос в сознание и принимает неожиданные беспорядочные формы. Характерен рассказанный анекдот про одного подпоручика (“молодого человека, недавно из Петербурга, всегда молчаливого и угрюмого”), который “не вынес выговора и вдруг бросился на командира с каким-то неожиданным взвизгом, удивившим всю роту, как-то дико наклонив голову; ударил и изо всей силы укусил его в плечо; насилу могли оттащить. Сомнения не было, что сошел с ума, по крайней мере обнаружилось, что в последнее время он замечен был в самых невозможных странностях. Выбросил, например, из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешота и Бюхнера, и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки” [9, т. 10, с. 269]. То есть очевидно умопомешательство на основании увлечения материалистическими теориями и придания им религиозного значения. А очевидно юродские выходки вроде разрубания икон или укушения командира ставят подпоручика в один ряд со Ставрогиным и Кирилловым. Таким образом, юродство становится для Достоевского сопровождением и следствием экзистенциального кризиса, укоренившейся в культурном обиходе формой духовного своеволия и социального протеста.

Были и объективные основания тому, что феномен юродства присутствовал в сознании новоявленных нигилистов. Поскольку социалисты 1860-х годов хотели опереться на все виды противоправительственных движений в обществе, они действительно устанавливали контакты со всевозможными сектантами и старообрядцами (по поручению Герцена этим занимался В.И. Кельсиев, написавший впоследствии много очерков о русских сектантах и, возможно, бывший для Достоевского одним из прототипов Шатова), в среде которых был своеобразный культ юродства.

У героев, обративших в своего рода религию крайние материалистические взгляды, юродство иногда настолько сливается с *беснованием*, что не представляется возможным провести точную границу, особенно когда персонаж находится в состоянии аффекта (подобно Кириллову):

становится невозможным отличить отчаянное ёрничество от помешательства или припадка.

Развитие мотива юродства позволяет Достоевскому передать свое специфическое видение эпохи перемен, когда "все поехало с основ". Во-первых, писатель отмечает крайнюю дезориентированность и неустойчивость общественного мнения, что позволяет им манипулировать "прогрессивным" шарлатанам точно так же, как заправляли с помощью дешевых трюков "лже-юродивые" безграмотной толпой.

Во-вторых, Достоевскому важно подчеркнуть "сектантский" характер "передовых убеждений", когда на веру принимаются готовые формулы, как в самых примитивных религиозных верованиях и суевериях.

В-третьих, отмечается необыкновенное душевное напряжение, ставящее ищущих новую истину людей на грань нервного срыва, не исключаящее подлинного драматизма их переживаний, но в целом создающее в обществе болезненную, истерическую атмосферу. Отсюда появление истериков и кликуш самого разного толка и рода.

В-четвертых, писатель усматривает обусловленность духовных пертурбаций настоящего исторического момента русским национальным характером и глубинными пластами народного сознания — исконной низовой религиозной традицией. В этом смысле очень характерна сцена поклонения Лизы чтимой иконе и реакция на ее поступок простого люда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Лихачев Д.С., Панченко А.М. Смеховой мир Древней Руси. Л.: Наука, 1976. 204 с.
2. Лотман Ю.М. Романы Достоевского и русская легенда // Реализм русской литературы 60-х гг. XIX в. Л.: Наука, 1974. С. 129–141.
3. Словарь современного русского литературного языка: 17 т. Т. 17: X–Я. Л.: Изд-во АН СССР, 1965. 2126 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Прогресс, 1994. Т. 4. 1619 стб.
5. Федотов Г. Святые Древней Руси. М.: Ломоносовъ, 2017. 222 с.
6. Сараскина Л.И. "Бесы": роман-предупреждение. М.: Сов. писатель, 1990. 480 с.
7. Гурова Е.П. Юродивые в романах Ф.М. Достоевского // Вестник Пермского университета: российская и зарубежная филология. 2014. Вып. 3 (27). С. 136–145.
8. Иванов В.В. Юродивый герой в диалоге иерархий Достоевского // Проблемы исторической поэтики. 1994. Вып. 3. С. 201–209.
9. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
10. Макаричев Ф.В. Юродство и юродивые в произведениях Ф.М. Достоевского // Проблемы истории, филологии, культуры. 2003. № 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurodstvo-i-yurodivye-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo> (дата обращения: 19.12.2022).
11. Кабакова Е.Г. Юродивые и "юродствующие" в романе Ф. М. Достоевского "Бесы" // Вестник Челябинского университета. Сер. 2. 1997. № 1. С. 92–104.
12. Клейман Р.Я. Сквозные мотивы творчества Достоевского в историко-культурной перспективе. Кишинев: Штиинца, 1985. 201 с.
13. Иванов В.И. Основной миф в романе "Бесы" // Иванов В.И. Лик и личины России: Эстетика и литературная теория. М.: Искусство, 1995. С. 304–311.

REFERENCES

1. Likhachev, D.S., Panchenko, A.M. *Smekhovoj mir Drevnej Rusi* [The Laughter World of Ancient Russia]. Leningrad, 1976. 204 p. (In Russ.)
2. Lotman, Ju.M. *Romany Dostoevskogo i russkaya legenda* [Dostoevsky's Novels and Russian Legend]. *Realizm russkoj literatury 60-kh gg. XIX v.* [Realism of Russian Literature of the 1860s]. Leningrad, 1974, pp. 129–141. (In Russ.)
3. *Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka v 17 t.* [Dictionary of the Modern Russian Literary Language in 17 Vols.]. Leningrad, 1965, Vol. 17. 2126 p. (In Russ.)
4. Dahl, V.I. *Tolkovij slovar zhivogo velikoruskogo yazyka in 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language in 4 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1994, Vol. 4. 1619 p. (In Russ.)
5. Fedotov, G.P. *Svyatyje Drevnej Rusi* [Saints of Ancient Russia]. Moscow, 2017. 222 p. (In Russ.)
6. Saraskina, L.I. "Besy": roman-preduprezhdenie ["Demons": A Warning Novel]. Moscow, 1990. 480 p. (In Russ.)
7. Gurova, E.P. *Yurodivye v romanah F.M. Dostoevskogo* [Holy Fools in the Novels of F.M. Dostoevsky]. *Vestnik Permskogo universiteta: rossijskaya i zarubezhnaya filologiya* [Bulletin of Perm' University: Russian and Foreign Philology]. 2014, Vol. 3 (27), pp. 136–145. (In Russ.)
8. Ivanov, V.V. *Yurodivyj geroy v dialoge ierarhij Dostoevskogo* [Holy Fool Hero in Dostoevsky's Dialogue of Hierarchies]. *Problemy istoricheskoj poetiki* [Problems of Historical Poetics]. 1994, Issue 3, pp. 201–209. (In Russ.)

9. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochinenij in 30 t.* [Complete Works in 30 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
10. Makarichev, F.V. *Yurodstvo i yurodivye v proizvedeniyakh F.M. Dostoevskogo* [Holy Foolishness and Holy Fools in the Works of F.M. Dostoevsky]. *Problemy istorii, filologii, kultury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2003, No. 13. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yurodstvo-i-yurodivye-v-proizvedeniyah-f-m-dostoevskogo> (from: 19.12.2022). (In Russ.)
11. Kabakova, E.G. *Yurodivye i “yurodstvuyushchie” v romane F. M. Dostoevskogo “Besy”* [Holy Fools and “Foolish” in F.M. Dostoevsky’s Novel “Demons”]. *Vestnik Chelyabinskogo universiteta. Seriya 2* [Bulletin of the Chelyabinsk University. Ind. 2]. 1997, No. 1, pp. 92–104. (In Russ.)
12. Klejman, R.Ja. *Skvoznye motivy tvorчества Dostoevskogo v istoriko-kulturnoj perspective* [Cross-Cutting Motives of Dostoevsky’s Creativity in the Historical and Cultural Perspective]. Kishinev, 1985. 201 p. (In Russ.)
13. Ivanov, V.I. *Osnovnoj mif v romane “Besy”* [The Main Myth in the Novel “Demons”]. Ivanov, V.I. *Lik i lichiny Rossii: Estetika i literaturnaya teoriya* [The Face and Faces of Russia: Aesthetics and Literary Theory]. Moscow, 1995, pp. 304–311. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 14 февраля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 26, 2023

Revised on February 14, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026311-8

Трансформация портрета Обломова в двух редакциях романа И. А. Гончарова: о литературной полемике с “физиологиями” Ф. В. Булгарина

© 2023 г. И. А. Беляева

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51,
ведущий научный сотрудник
Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
belyaeva-i@mail.ru

Резюме. В статье рассматривается ситуация, связанная с изменениями в портрете Обломова в двух редакциях романа, 1859 и 1862 гг., признанных в настоящее время каноническими. Наряду с существующими объяснениями исчезновения из второй редакции портрета метафоры “вольной мысли”, которая связывается с устранением романтической стилистики или же с поспешностью работы писателя при подготовке издания 1862 г., в статье выдвигается другая версия трансформации текста. Она мотивируется литературной полемикой Гончарова с той линией “физиологического” направления в литературе середины XIX в., которая была представлена в очерках Ф.В. Булгарина. В статье показывается, что в обеих ранних редакциях романа, первоначальной и 1859 г., присутствуют метафоры “сонного ума” и “вольной мысли”, которые были представлены в одном из очерков, входивших в издание “Комары: Всякая всячина Фаддея Булгарина” (1842) под названием “Беглая мысль”. В ранней редакции портрета Обломова считывается ситуация, описанная в этой “физиологии”, когда проживающий в Петербурге “хозяин” “ума” и “мысли” лишь сосуществует со своим сонным умом, а мысль его и вовсе покидает и путешествует “вольной птицей” по другим домам Петербурга, наблюдая везде “мертвое царство”. В очерке предлагается натуралистический срез города. Интерес к Булгарину со стороны Гончарова расценивается автором статьи не как случайное явление, а связывается с полемикой двух линий “натурализма” в литературе 1840-х годов и с иронической тактикой гончаровского нарратива. Немалую роль играют также личные мотивы, негативное отношение Гончарова к личности Булгарина как писателя и критика. Гончаров и в других своих сочинениях и письмах 1830–1850-х годов нередко воспроизводит стилистику Булгарина, и всегда булгаринские подтексты работают у него на создание иронического модуса, а само повествование Гончарова выдержано в полемическом ключе. Эти примеры также систематизируются в статье. В целом, вектор полемики с Булгариным, по мнению автора статьи, должен быть распространен и на роман “Обломов”, работа над которым началась еще в 1840-е годы, в период коммерческого успеха физиологических предприятий Булгарина. Попытка Гончарова элиминировать булгаринские “следы” во второй редакции портрета Обломова, а затем возвращение к ним в более поздних изданиях романа рассматриваются в статье как своего рода “органическое противоречие” в поэтике и издательской тактике писателя, которые, вероятно, требуют еще научной рефлексии.

Ключевые слова: И.А. Гончаров, “Обломов”, Ф.В. Булгарин, физиология, натуральная школа.

Для цитирования: Беляева И.А. Трансформация портрета Обломова в двух редакциях романа И.А. Гончарова: о литературной полемике с “физиологиями” Ф.В. Булгарина // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 25–34. DOI: 10.31857/S160578800026311-8

Transformation of Oblomov's Portrait in Two Editions of I. A. Goncharov's Novel: About Literary Discussion with "Physiologies" of F. V. Bulgarin

© 2023 Irina A. Belyaeva

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia,
Leading Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
belyaeva-i@mail.ru

Abstract. The article discusses the situation associated with changes in the portrait of Oblomov in two canonical editions of the novel, 1859 and 1862. Along with the existing explanations for the disappearance of the "free thought" metaphor from the second edition of the portrait, which is associated with the elimination of romantic style or with the writer's haste in preparing the 1862 edition, the article puts forward another version of the transformation of the text. It is motivated by Goncharov's literary controversy with that line of the "physiological" direction in the literature of the middle of the 19th century, which was presented in the essays of F.V. Bulgarin. The article shows that in both early editions of the novel, the initial and 1859, there are metaphors of "sleepy mind" and "free thought", which were presented in one of the essays included in the publication "Mosquitoes, or All sorts of things by Thaddeus Bulgarin" under title "Running Thought". In the early version of Oblomov's portrait, the situation described in this "physiology" is read, when the "owner" of "mind" and "thought" living in St. Petersburg only coexists with his sleepy mind, and his thought completely leaves him and travels like a "free bird" to other houses of St. Petersburg, observing the "dead kingdom" everywhere. The essay offers a naturalistic section of the city. The interest in Bulgarin on the part of Goncharov is regarded by the author of the article not as an accidental phenomenon, but is associated with the controversy of two lines of "naturalism" in the literature of the 1840s and with the ironic tactics of Goncharov's narrative. A significant role is also played by personal motives, Goncharov's negative attitude towards Bulgarin's personality as a writer and critic. Goncharov in his other writings and letters of the 1830–1850s often reproduces the style of Bulgarin, and Bulgarin's subtexts always work for him to create an ironic mode, and Goncharov's narration itself is sustained in a polemical manner. These examples are also systematized in the article. And in general in the opinion of the author of the article, the vector of controversy with Bulgarin should also be extended to the novel "Oblomov", work on which began in early of 1840s, in the period of commercial success of Bulgarin's physiological enterprises. Goncharov's attempt to eliminate Bulgarin's "traces" in the second edition of Oblomov's portrait, and then return to them in later editions of the novel, is considered in the article as a kind of "organic contradiction" in the writer's poetics and publishing tactics, which probably require additional scholarly reflection.

Key words: I.A. Goncharov, "Oblomov", F.V. Bulgarin, physiology, natural school.

For citation: Belyaeva, I.A. *Transformatsiya portreta Oblomova v dvukh redaktsiyakh romana I.A. Goncharova: o literaturnoy polemike s "fziologiyami" F.V. Bulgarina* [Transformation of Oblomov's Portrait in Two Editions of I.A. Goncharov's Novel: About Literary Discussion with "Physiologies" of F.V. Bulgarin]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 25–34. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026311-8

История текста романа "Обломов", особенно на фоне "Обыкновенной истории", автограф и черновые материалы которой неизвестны, выглядит благополучно. В первом научном издании романа, увидевшем свет в 1987 г. [1], и в соответствующих томах нового академического собрания сочинений и писем Гончарова, которые были подготовлены коллективом авторитетных текстологов ИРЛИ РАН ([2]; [3]; [4]), генезис текста прослежен скрупулезно, с учетом разных редакций, черново-го автографа и иных публикаций.

В ряду существенных трансформаций текста романа особую роль играют две редакции — 1859 и 1862 годов.

Как отмечается в издании "Обломова" в серии "Литературные памятники", текст романа, неоднократно переиздававшийся при жизни Гончарова, существует фактически в двух редакциях. Одна из них зафиксирована в первой журнальной публикации и в отдельном издании 1859 г., а затем воспроизведена в двух полных собраниях сочинений 1880-х годов, вторая "представлена

только в отдельном издании 1862 года” [1, с. 6]. Именно эта редакция и была выбрана в качестве канонического текста в научном издании романа “Обломов” в 1987 г. При этом подчеркивалось, что Гончаров к 1862 г. “не только проделал большую творческую работу по усовершенствованию текста романа, но и освободил его от значительного количества смысловых опечаток”, не учтенных в более поздних изданиях 1880-х годов [1, с. 6]. Однако в новом академическом издании было решено вернуться к тексту “Обломова” в публикации 1887 г., во многом, хотя и далеко не во всем, повторявшему редакцию 1859 г. Тем самым вопрос о каноническом тексте романа разрешился уже в пользу первой редакции. Но существование двух разных редакций — 1859 и 1862 годов, по-своему канонических, — остается фактом непреложным. А если это так, то остаются и вопросы о значительных разночтениях в этих двух редакциях, которые большей частью, конечно, уже становились предметом изучения. Многие уже объяснено, но, как нам представляется, далеко не все.

Самые серьезные изменения в редакции 1862 г. претерпела первая часть. Эти изменения, с учетом в том числе черновой редакции, детально описаны и проанализированы Б.В. Томашевским, Л.С. Гейро, другими гончароведами, а также составителями примечаний к академическому изданию сочинений писателя. В целом они объясняются трансформацией замысла романа и прежде всего изменениями в подаче главного героя. «В лице первоначального Обломова, — пишет В.А. Недзвецкий, — представал характер не столько самобытный и неповторимый, сколько усредненный и стереотипный, масштаба не бытийного и универсального, а, по классификации Гончарова, “местного” и “частного»» [5, с. 11]. “Частность” Обломова, представленного в рукописной редакции, была уже в основном преодолена в окончательном тексте романа, который сформировался к 1859 г. В редакции же 1862 г. были предприняты в этом направлении, как полагает ряд исследователей, дополнительные шаги.

Так, по мысли Б.В. Томашевского, сопоставившего портрет Обломова в черновой рукописи и двух печатных редакциях, в первом случае читатель имеет дело с “полным подчеркнuto физиологических подробностей описанием” героя, в издании 1859 г. наблюдается также романтическая вычурность, даже гротескность, “характерная для натуралистической школы 1830-х годов”, которая в издании 1862 г. сменяется установкой “на реалистический характер изложения” [6, с. 116, 117]. Эта точка зрения, в целом

поддержанная авторитетным текстологом и гончароведом Л.С. Гейро в издании 1987 г., в не разделяется редакторами новейшего академического издания. Портрет героя “Обломова” в издании 1862 г., полагают они, стал “вдвое короче”, оказавшись тем самым менее “живописным” и “художественным” [4, с. 105]. К тому же в этом новом варианте были замечены некоторые семантические “нестыковки”, в том числе связанные со словом “беспечно”, и можно говорить о разрушении ряда “сцеплений” с портретами других персонажей [4, с. 105, 106].

В любом случае, какую редакцию ни считать канонической — здесь главное слово за текстологами, — вопрос об изменениях портрета Обломова в двух вышеназванных редакциях далеко не закрыт. Мы позволим себе представить еще одну возможную причину его трансформации. На наш взгляд, тут дело не только в стилистической правке Гончарова, желавшего в портрете Обломова приглушить неистовый романтизм “натуральной школы”, но и в литературной позиции писателя, обусловленной полемикой с писателями-физиологами 1840-х годов, не относящимися к так называемой школе В.Г. Белинского.

Важно принять в расчет тот факт, что работа над романом “Обломов” продолжалась как минимум с 1846 по 1857 г. Это зафиксировано в черновом автографе, или, как его называл сам Гончаров, в “собственноручной полной первоначальной черновой рукописи” [3, с. 443], представленной им в 1888 г. в Публичную библиотеку¹. То есть роман корнями уходит в 1840-е годы, поэтому едва ли литературная ситуация этого десятилетия, одного из самых сложных и одновременно продуктивных периодов для русской литературы, не сказалась в романе. Тогда, в эпоху поиска нового художественного языка, способного решать в литературе антропологические и социологические задачи, литературный круг Белинского, к которому до некоторой степени был близок и Гончаров, был далеко не единственным,

¹ «Начата в конце сороковых годов — окончена в 1857 году и напечатана в “Отечественных записках” 1859 года»; «первая часть написана была в 1846 году, после того как я сдал в редакцию “Современника” первый свой роман (“Обыкновенную историю”). После с лишком 10-летнего перерыва я в 1857 году дописал уже обдуманый и выношенный в голове роман “Обломов”» [3, с. 443]. Черновой автограф определяется, согласно его содержанию и сортам бумаги, относящейся к 1848–1849, 1852 и 1857–1858 гг. [4, с. 5], соответствующей хронологией. Автограф начала “Сна Обломова”, изданного в “Литературном сборнике” (1849), “без заглавия”, с подписью автора и «пометой в конце текста: “Из неизданного романа. Октябрь, 1848 г.”» [4, с. 5], также актуализирует 1848 год.

предлагающим новое слово. Более успешным, по крайней мере если говорить о коммерческой составляющей задачи масштабного изучения социума, общей для многих писателей, выглядел, например, Ф.В. Булгарин, отсылки к стилистике которого слышны в портрете гончаровского героя.

Основные “булгаринские” наслоения в портрете Обломова представлены в редакции 1859 г., когда, казалось бы, влияние Булгарина на широкий круг читателей постепенно утрачивалось. Однако, по мнению А.И. Рейтблата, “даже в середине 1850-х гг., когда в столицах литературная репутация Булгарина была уже невысока, в провинции он продолжал пользоваться доверием” [7, с. 119]. В любом случае, для Гончарова и в середине 1850-х годов имя это было актуально, хоть и в прямо противоположном, или в негативном, смысле, о чем речь пойдет ниже. К тому же “булгаринский подтекст” в “Обломове” может быть объяснен личными причинами.

Сначала напомним, как выглядел портрет героя в “Отечественных записках” 1859 года:

В Гороховой улице, в одном из больших домов, на родонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, но с отсутствием всякой определенной идеи, всякой сосредоточенности в чертах лица. **Мысль гуляла вольной птицей по лицу, порхала в глазах, садилась на полуотворенные губы, пряталась в складках лба, потом совсем пропадала, и тогда во всем лице теплился ровный свет беспечности.** С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока [8, с. 1 (выделено нами. — И.Б.)].

Здесь хочется обратить внимание на “мысль”, гуляющую “вольной птицей по лицу” героя, которая в первоначальной редакции первой части отсутствовала, а вместо нее почти ту же функцию как бы случайной гостьи выполнял “ум”. Описание Обломова в первоначальной редакции, где герой, по словам В.А. Недзвецкого, представлял “усредненным” и “стереотипным”, звучало, как уже отмечалось, более натуралистично, даже можно сказать физиологично:

В Гороховой улице, в одном из больших домов, на родонаселения которого стало бы на целый уездный город, лежал утром в постели, на своей квартире, Илья Ильич Обломов. Это был человек лет тридцати пяти от роду, полный, гораздо полнее, нежели обыкновенно бывают люди в эти лета. Независимо от этой благоприобретенной полноты, кажется, и сама природа не позаботилась создать его постройнее. Голова у него была довольно большая, [туловище] плеча широкие, грудь крепкая и высокая: глядя на такое могучее туловище, непременно ожидаешь, что оно поставлено на соответствующий ему солидный пьедестал, — ничего не бывало. <...> [Туловище] Подставкой служили две

коротенькие, слабые, как будто измятые чем-то ноги. Цвет лица у Ильи Ильича [не имел никаких ярких оттенков] ни румяный, ни смуглый, ни положительно бледный, а так себе, безразличный. Взгляд беспечный, рассеянно переходивший от одного предмета к другому, иногда усталый, больше апатический. Волосы уж редели на маковке. Можно было предвидеть, что этот человек обрзгнет и опустится совсем, но теперь его от этого пока спасали еще лета. Впрочем, <...> оклад [лица] и черты лица у него были довольно приятные, мягкие. **Нельзя сказать, чтоб на этом лице не сквозило ума, только ум, по-видимому, не был постоянным и самовластным хозяином физиономии Обломова: он, как церемонный гость, приходил, кажется, посидеть у него в глазах, в улыбке, чтобы озарить на время покойные черты лица, [почти не сообщая им игры и движения], а потом вдруг, при появлении первой тучки, выбежавшей на лицо от внутреннего волнения, тихонько пропадал, точно так же, как пропадает и гость, пользуясь приходом другого. Ум не отстаивал своей позиции и не боролся с беспокойными пришельцами, он бежал. И тогда лицо Обломова волновалось то нерешительностию, то тревогой и испугом, смотря по тому, какое чувство наполняло его душу. Ум появлялся опять не прежде, как когда налетевший ураган исчезал с лица сам собою. Но и волнения, так же как ум, ненадолго напечатлевались на лице Ильи Ильича: оно тотчас принимало свой обычный характер беззаботности, покоя, по временам счастливого, а чаще равнодушного, похожего на усыпление** [3, с. 5–7 (выделено нами. — И.Б.)].

В этом описании героя слово “ум” представляет своего рода опорную точку и уподобляется “церемонному гостю”, тем самым оказываясь как бы не очень нужным хозяину. Конечно, здесь вспоминается парадигма “ума” и “сердца”, которая, по верной мысли А.М. Буланова, представляла оппозицию рационального и эмоционального [9]. Однако, возможно, что у “ума” и “мысли” (не сердца!) как его разновидности из двух ранних редакций романа есть и иные координаты. Мы предложили бы увидеть в них отсылки к актуальной для 1840-х годов “физиологии”, опубликованной Булгариным под названием “Беглая мысль” в книге “Комары: Всякая всячина” (1842). Нельзя забывать, что в 1840-е годы Булгарин был успешным автором в этом новом для русской литературы жанре, прежде всего коммерчески успешным — неслучайно его “Картинки русских нравов”, одной линейки с “Комарами”, выходили сериями, равняясь на французские образцы, и неплохо раскупались. Но не только это было важно. Булгарин в немалой степени представлял собой оппозицию, или альтернативу, тому направлению “натуральной школы”, которое нам сейчас представляется магистральным², тогда как для среднего и одновременно широкого круга чи-

² О Булгарине как авторе “физиологий” и проблеме его включенности в общее направление литературы 1840-х годов, именуемое “натуральной школой”, см.: [10].

тателей 1840-х годов, а в провинции, вероятно, и позже, он значил очень много — как журналист и как романист в первую очередь, но и как “физиолог”, или последователь новых, пришедших из Франции литературных веяний.

Итак, “Беглая мысль” была опубликована Булгариным в “Комарах”. Стоит напомнить, что это было за издание.

“Комары” представляли собой красиво изданную книгу, изящно оформленную комариными силуэтами. Предполагалось, как и в случае с “Картинками”, несколько выпусков, или комариных “роев”, но ограничилось всего одним. Читателю предлагалась книга — для отдыха, “без притязания на премудрость, на философию, на славу”, но с долей критики, “ведь и КОМАРЫ... кусаются”, а “правильнее: щиплют, как каждая правда” [11, с. 18, 19].

“Комары” состояли из четырех “физиологий” (“Нищий, или история богатства”, “Метемпсихоза, или душепревращение”, “Беглая мысль” и “Путешествие к антиподам на целебный остров”), большого корпуса Всякой всячины, или сатирических физиологических миниатюр под названиями “Комарики” и “Комариные вести из разных стран мира”. Все это венчалось “Золотым правилом”, которое гласило: “Чем познается умный человек? Он понимает шутку, и не гневается за нее” [11, с. 259]. Читатель, видимо, должен был в себе узнать такого человека, и едва ли ему это было неприятно.

Центральной, с точки зрения композиции, в книге оказалась история про “беглую мысль”, которая была дочкой впавшего в спячку “ума” и убежала от своего хозяина, тогда как “ум” остался. Но он добровольно ушел в тень, потому что “любил своего хозяина” и не хотел для него лишних проблем (в очерке лейтмотивом проходит мысль о том, что человеку “горе от ума”). “Говорят, — замечает ум, — что я вижу далеко и насквозь — ну что за беда, да ведь язык-то не в моей власти, а во власти моего хозяина” [11, с. 100].

Действие “физиологии” разворачивается в “театре”, который представляет собой “внутренность благоустроенной головы”, обитающей в одном из петербургских домов. То есть перед читателем возникал своего рода вариант “петербургского” сюжета, который при желании можно было воспроизвести (отчасти эту ситуацию мы и наблюдаем у Гончарова), подобно “петербургскому” же сюжету о найме квартиры. Далее у Булгарина история развивается следующим образом: мысль “влетает в голову”, изрядно попутешествовав

по свету. Не найдя в целом свете себе места, она возвращается и, “не замечая ума <т.е. своего отца. — И.Б.>, садится”. В свою очередь, “ум встает с места, подкрадывается к мысли и хватает ее за крылья” [11, с. 101 (курсив наш. — И.Б.)]. Тут вспоминается “вольная птица” в портрете Обломова из редакции 1859 г.

Собственно, болгаринская “физиология” представляет собой беседу повидавшей многое мысли-беглянки (она же дочь ума) и оседлого сонного ума, который “лежит в углу” головы своего хозяина и сетует на то, что не может ему пригодиться и вынужден “лежать и спать без просыпа, как хореки” [11, с. 100].

Если допустить, что сама ситуация в болгаринском тексте и в романе Гончарова актуализирует проблему “человек и метаморфозы с ним в Петербурге”, то элементы ее описания недвусмысленно совпадают у обоих в детализации поведения “ума” и “мысли” как “беглых”, покидающих своего хозяина, или как “непрощенных гостей”. А если еще и вспомнить, что “беглая мысль” у Булгарина рассказывает своему “папеньке-уму”, что она пыталась осесть в голове у одного “великого мужа”, или “энциклопедиста”, у вельможи и светского человека, у поэта и даже у группы “писак”, в которых угадывается указание на представителей нового направления в литературе, интересующихся описанием так называемых важных предметов, таких как “стакан, бутылка, самовар, тележка, галоши, перчатки, собачонка” [11, с. 113], то аналогия с визитерами Обломова как представителями разных сфер жизни Петербурга (и с его размышлениями о них) тоже напрашивается сама собой.

Те потенциальные человеческие особи, в которых хотела поселиться убежавшая в очерке Булгарина мысль, оказывались на самом деле “трупами” с “мертвыми мыслями” [11, с. 107]. В целом, мир Петербурга предстает у Булгарина царством мертвых людей, и живой беглянке-мысли там нет места. У Гончарова также звучит мотив мертвого города, а Обломов, один из всех имеющий живую душу, недоволен тем, что люди в Петербурге похожи на мертвецов.

Ты, верно, нарочно, Андрей, — говорит уже во второй части романа Обломов, — посылаешь меня в этот свет и общество, чтоб отбить больше охоту быть там. Жизнь: хороша жизнь! Чего там искать? интересов ума, сердца? Ты посмотри, где центр, около которого вращается всё это: нет его, нет ничего глубокого, задающего за живое. Всё это мертвецы, спящие люди, хуже меня, эти члены света и общества! Что водит их в жизни? Вот они не лежат, а спуют каждый день, как мухи, взад и вперед, а что толку? Войдешь в залу и

не налюбуйешься, как симметрически рассажены гости, как смиренно и глубокомысленно сидят — за картами. Нечего сказать, славная задача жизни! Отличный пример для ищущего движения ума! Разве это не мертвец? [2, с. 173].

Важно, что в обеих ранних редакциях романа, первоначальной и 1859 года, “ум” и “мысль” покидают Обломова. “Он бежал”, — сказано будет о “церемонном госте”, или уме, оставившем своего хозяина в первоначальной редакции. У Булгарина, конечно, немного не так — у него “ум” спал, но фактически он и не принимал участия в жизни хозяина, а значит метафорически — удалился. “Мысль” же в редакции 1859 г. — “совсем пропала” и только оставляла после себя “свет беспечности”. Это даже получается ближе к булгаринскому варианту.

В любом случае, с высокой степенью вероятности мы можем предположить, что Гончаров отсылал читателя к известному претексту, должно быть, не совсем еще забытому читателем и в середине 1850-х годов, хотя в это время былая слава Булгарина уже была не та. Гончаров играет узнаваемыми формулами “из Булгарина”, представляющими собой совсем иную линию физиологического нарратива, нежели ту, которой придерживались сторонники “школы” Белинского. И хотя к самому критику и его идеям Гончаров относился во многом спокойно, но в начале своей литературной деятельности, т.е. в 1840-е годы, он искренне разделял неприятие булгаринской манеры, иронически дистанцируясь от нее. Почему подобный полемический дискурс сохраняется у Гончарова и в 1850-е годы, однозначно ответить сложно. Здесь можно допустить, что инерция противостояния двух стилистик в физиологической технике актуализировалась для Гончарова в том числе и по личным причинам, или же булгаринский подтекст выступал у него как инструмент иронии, в том числе самоиронии. Можно также добавить, что в 1850-е годы он нередко вспоминает Булгарина в своих сочинениях.

Булгарин очевидно не был литературным образцом для Гончарова, скорее — антипримером. К тому же его обидно задел неблагоприятный отзыв “Северной пчелы” об “Обыкновенной истории”. В фельетоне “Журнальная всякая всячина” Булгарин писал о Гончарове как о явно переоцененном писателе: “Теперь ударили в барабан о третьем гении, Господине Гончарове, напечатавшем в *Современнике* повесть *Обыкновенная история*. В муравейнике больше крика об этой повести, чем было крика в Европе при появлении первой поэмы Байрона и первого романа

Вальтер Скотта” [12, с. 322]. О том, что Гончаров не то чтобы не забыл обиды, а испытывал по отношению к Булгарину неприятие, свидетельствует его письмо к супругу сестры М.М. Кирмалову от 17 декабря 1849 г., в котором он комментировал уже присланные родственнику пластические карикатуры на современных писателей — в том числе он отправил в Симбирск свою собственную статуэтку и статуэтку Булгарина (они и сейчас хранятся в доме-музее Гончарова в Ульяновске). Высказывание Гончарова в адрес очевидно уважаемого М.М. Кирмаловым Булгарина довольно резкое:

Булгарина вышла тоже другая статуэтка: старая свинья разворчалась на свое безобразие, как будто художник виноват — и начала блевать на него хулу из своего подлого болота — “Северной пчелы”, что-де и все труды художника никуда не годятся, да и дорого-то он продает и т.п. Художник переделал его, и он тотчас же начал толковать, что и художник очень хороший, и статуэтки продаются как нельзя дешевле. Фу-ты, мерзавец какой! А ты его в поэты произвел! Эх, махнул! Булгарин поэт! Сказал бы ты это здесь хоть на улице, то-то бы хохоту было. Новая статуэтка его похожа только на человека и довольно благовидна, оттого на Булгарина и не похожа. Прежняя, которая у тебя, как карикатура (ведь это все карикатуры), выражает его как нельзя более. Булгарин имеет редкое свойство походить наружно и на человека, и вместе на свинью. Художник схватил это как нельзя лучше — и, кроме свиньи и человека, изобразил и Булгарина [13, с. 87].

Несмотря на очевидное неприятие Гончаровым Булгарина как человека и как писателя, сочинения последнего регулярно составляли полемический контекст его сочинений. Ранняя проза Гончарова, как отмечают комментаторы академического издания, отличалась подобной полемичностью, она была “не менее цитатна, чем гончаровские романы”, причем “цитатный ряд” составляли “не только неизменные для Гончарова литературные авторитеты” [14, с. 622], но и те писатели, которые эстетически были ему не близки, в том числе Булгарин, а также А.А. Орлов, О.И. Сенковский и др. Так, в “Счастливой ошибке” (1839) есть отсылка к “сочинениям Фиглярина”, которые героиня, как замечает повествователь, “никогда не читала: Боже ее сохрани!” [14, с. 83], а в “Лихой болести” (1838) Гончаров иронически воссоздал саму стилистику Булгарина. Описание харчевни³ из этой повести

³ Комментаторами в академическом издании Гончарова не отрицается гипотеза об отсылке описания харчевни в “Лихой болести” к очерку Булгарина “Русская ресторация” [14, с. 644], который, однако, вероятнее всего, датируется 1842 годом, т.е. написан уже после гончаровской повести: «Очерки русских нравов», где опубликована “Русская ресторация”, прошли цензуру 22 декабря 1842 года; можно

дополняется упоминанием имен “двух плодovitых писателей, одного московского, а другого санкт-петербургского, О-ва и Б-на <имеются в виду Орлов и Булгарин. — И.Б.>, обладающих всеми нужными сведениями по этому предмету”, которые “давно готовят большое сочинение” на эту тему [14, с. 61].

И позже, в 1850-е годы, когда слава Булгарина несколько поуменилась — хотя, повторимся, в провинции он еще чрезвычайно популярен, — подобная тактика полемического плана по отношению к нему у Гончарова сохраняется, а может быть, даже и усиливается. Он не забывает Булгарина и использует его сочинения в качестве иронического претекста во «Фрегате “Паллада”», например, при описании Лондона, как полагают комментаторы академического тома. Гончаров воспроизводит булгаринскую стереотипную манеру описания Англии и англичан из его очерка “Лев и шакал”, входившего в книгу “Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого” (1843). Эта книга, конечно же, примыкала к “Комарам” и “Картинкам”. Там были представлены разные социальные и национальные зарисовки, или срезы. Об англичанах говорилось следующее:

Наслаждением англичанин называет только то, что сильно потрясает душу и волнует кровь: адские драмы Шекспира, звериную травлю, кулачный бой, бешеные конские скачки, охоту на медведей, бурю и странствования между дикими народами, в горах и пустынях. Англичанин не любит тонких душистых вин и нежных французских соусов и предпочитает им ром, спиртной портвейн, херес, мадеру и полусырое мясо. Превратив всю Англию в красивый сад, англичанин пренебрегает природой и живет летом в городе, а зимою и осенью в деревне. Только одни англичане могли дать нравственное значение слову *excentric*, потому что только Англия могла произвести людей, которых мы называем *эксцентрическими*, т.е. образцовыми чудаками... [17, с. 88].

Гончаров же спрессовывает булгаринское описание, тем самым ставя под сомнение справедливость содержащихся в нем характеристик. «Ведь

предположить, что “Русская ресторация” была написана за несколько дней до этого, во всяком случае после постановки “Женитьбы” (9 декабря) и, вероятно, после рецензии на нее Зотова (16 декабря)» [15, с. 302]. Однако, по утверждению К. Кумпан, в “Русскую ресторацию”, особенно в части описания трактирной обстановки, вошли фрагменты более раннего очерка Булгарина “Отрывки из тайных записок станционного смотрителя на Петербургском тракте, или Картинная галерея нравственных портретов”, который был опубликован сначала в “Северной пчеле” за 1831 год [16], а затем в Сочинениях Булгарина (СПб., 1836. Ч. 2) (см.: [7, с. 534]). Вот этот текст вполне мог быть знаком автору “Лихой болести”, написанной в 1838 году.

это выйдет вот что, — читаем у Гончарова своего рода реплику в адрес Булгарина, — “Англия страна дикая, населена варварами, которые питаются полусырым мясом, запивая его спиртом; говорят гортанными звуками; осенью и зимой скитаются по полям и лесам, а летом собираются в кучу; они угрюмы, молчаливы, мало общительны. По воскресеньям ничего не делают, не говорят, не смеются, важничают, по утрам сидят в храмах, а вечером по своим углам, одиноко, и напиваются порознь; в будни собираются, говорят длинные речи и напиваются сообща» [18, с. 61].

К началу 1850-х годов относится и один из самых любопытных стилистических экспериментов Гончарова, который может быть прочитан в русле иронической стратегии писателя, где также фигурирует Булгарин. Так, в письме к Е.П. и Н.Ап. Майковым от 20 ноября (2 декабря) 1852 г. из Портсмута Гончаров комментирует свою, как он называет, “тираду о дружбе” как “просто пародию на Карамзина и Булгарина”⁴ [13, с. 113].

⁴ “Дружба, как бы сильна ни была, не могла бы удержать меня, да *истинная, чистая дружба* никого не удержит и не должна удерживать от путешествий. Влюбленным только позволительно рваться и плакать, потому что там кровь и нервы <...>. Дружба же чувство покойное: оно вьет гнездо не в нервах, не в крови, а в голове, в сознании и, царствуя там, оттуда уже разливает приятное успокоительное чувство на организм. Вы можете страстно влюбиться в мерзавца, а я в мерзавку, мучиться, страдать этим, а все-таки любить; но вы отнимете непременно дружбу у человека, как скоро он окажется негодеем, и не будете даже жалеть. — Дружбу называют обыкновенно чувством бескорыстным, но настоящее понятие о дружбе до того затерялось в людском обществе, что это сделалось общим местом, пошлой фразой, и в самом-то деле бескорыстную чистую дружбу еще реже можно встретить, нежели бескорыстную, или истинную что ли, любовь, в которой одна сторона всегда живет на счет другой. Так и в дружбе у нас постоянно ведут какой-то арифметический расчет, вроде памятной или приходно-расходной книжки, и своим заслугам, и заслугам друга, справляются беспрестанно с кодексом дружбы <...>. Остается только положить жалованье — и затем прибить вывеску: здесь нанимаются друзья. Напротив, про неиспытанного друга часто говорят — этот только приходит есть да пить, а чуть что, так и того... и даже ведь не знаешь его, каков он на деле. Им нужны дела в дружбе — и они между тем называют дружбу бескорыстной, — что это? проклятие и дружба, такое же непонимание и непризнание прав и обязанностей ее, как и в любви? Нет, я только хочу сказать, что, по-моему, истинная, бескорыстная и испытанная дружба та, когда порядочные люди, не одолжив друг друга ни разу, разве как-нибудь ненарочно, и не ожидая ничего один от другого, живут целые годы, хоть полстолетия вместе, не неся тягости уз, которые несет одолженный перед одолжившим, и наслаждаясь дружбою, как прекрасным небом, чудесным климатом без всякой за это кому-нибудь платы. <...> Отправляясь с этой уверенностью и надеждой воротиться, мог ли я плакать, жалеть о чем-нибудь? Тем более не мог, что, уезжая от друзей, я вместе с тем покидал и кучу надоевших до крайности

Здесь интересно не столько объединение двух несопоставимых для Гончарова писательских имен, сколько сам факт присутствия в поле зрения литератора и путешественника стилистической модели Булгарина.

Поэтому в сущности нет ничего удивительного, что болгаринская стилистика могла интересовать Гончарова и во время работы над “Обломовым” уже во второй половине 1850-х годов, возможно, что по инерции прошлого. Отсюда в скором времени возникает желание переделать портрет героя, чтобы, возможно, эту инерцию преодолеть. Причем не только с целью сделать его “более реалистичным” и отказаться от романтической вычурности, сколько ввиду неактуальности самой полемики или стилистической игры. К тому же Булгарина не станет как раз в сентябре 1859 г., уже после публикации журнального варианта романа. Так был ли смысл “сражаться с покойником” на литературном поле для Гончарова и дальше? Видимо, нет. И в редакции 1862 г. в портрете Обломова все уже принципиально изменится: не будет ни сонного ума, ни мысли, “гуляющей вольной птицей по лицу”. Вместо последней “гулять беспечно по стенам” будут глаза, что и вправду менее метафорично. В редакции романа 1862 г. читаем:

Это был человек лет тридцати двух-трех от роду, среднего роста, приятной наружности, с темно-серыми глазами, гулявшими беспечно по стенам, по потолку, с тою неопределенною задумчивостью, которая показывает, что его ничто не занимает, ничто не тревожит. С лица беспечность переходила в позы всего тела, даже в складки шлафрока [1, с. 7].

Трудно сказать, выиграл ли портрет Обломова и роман в целом от подобного сокращения. Комментаторы нового академического издания полагают, что скорее утратил, поскольку портрет, по их мнению, переделывался “в очевидной спешке” и писатель даже “не заметил”, что «слово “беспечно” относится к глазам, а не к лицу, как в прежнем тексте, а «за новым текстом следовали “старые” слова: “С лица беспечность переходила...”» [4, с. 105]. Поэтому в дальнейшем, как

занятий и лиц, и наскучившие одни и те же стены, и ехал в новые, чудесные, фантастические миры, в существование которых и теперь еще плохо верю <...>. — Так, пожалуйста, не жалейте обо мне и запретите жалеть Языкову, которого самого и семью отчасти сливаю в уме (видите, в уме, ведь не ошибся, не сказал: в сердце) с Вашей, хотя знаю, что он любит меня не так, как Вы, а иначе, и любит потому, что не может почти никого не любить, стало быть, по слабости характера; он даже изменит мне по-женски, посадит кого-нибудь другого на мое место. Но это ничего: я только приеду и опять найду тотчас свое место и в сердце у них, и за круглым столом” [13, с. 111–113].

следует из комментариев, Гончаров в изданиях романа, вышедших при его жизни, восстановил первоначальный вариант портрета Обломова. Но отметим, что было это уже в 1880-е годы, когда болгаринские контексты в принципе едва ли кому были интересны (и маловероятно, что считывались).

Остается вопрос со “сцеплением” портрета героя из первой части романа с портретом Агафьи Матвеевны Пшеницыной [4, с. 106], когда она потеряла Обломова, которое усматривают комментаторы в академическом издании. Там тоже о мысли сказано, что она “садится невидимо на ее лицо”, а глаза, напротив, теряют былую “беспечность”⁵. В свете болгаринских контекстов, конечно, это “сцепление” выглядит двусмысленным и отчасти излишне комичным, поскольку подобный эффект тут едва ли нужен. Возможно, что автором и предполагалось некоторое “снижение” героини через ассоциации с “Беглой мыслью” Булгарина. Все-таки именно Агафья Матвеевна стала фактически невольной убийцей Обломова (неслучайно она видится герою зловещей красавицей Милитрисой Кирбитьевной, которая, как известно, в повести о Бове Королевиче посылает своего мужа на верную гибель и думает отравить сына). Очевидно, что образ Пшеницыной должен трактоваться в двойной перспективе, с учетом как положительных, так и отрицательных коннотаций (см.: [19]). Хотела она того или нет, но Пшеницына дело смерти довела до конца, запоев и закормив своими “наркотическими” дарами уже “распавшегося с миром навсегда” Обломова [2, с. 470, 482]. Но возможно, что болгаринский сюжет о беглой мысли (гуляющей по лицам петербуржцев) здесь и не имелся в виду. Однако любой читатель, сколь-либо знакомый с “Комарами” Булгарина, не может не провести такой параллели.

Таким образом, загадка портрета Обломова и исчезнувшей по какой-то причине “вольной мысли” с лица героя, а потом вернувшейся обратно, остается. И тем притягательней, беспокойней

⁵ После потери Обломова Пшеницына меняется: она “...не по-прежнему смотрит вокруг беспечно перебегающими с предмета на предмет глазами, а с сосредоточенным выражением, с затаившимся внутренним смыслом в глазах. Мысль эта села невидимо на ее лицо, кажется, в то мгновение, когда она сознательно и долго глядявалась в мертвое лицо своего мужа, и с тех пор не покидала ее. Она двигалась по дому, делала руками всё, что было нужно, но мысль ее не участвовала тут. Над трупом мужа, с потерей его, она, кажется, вдруг уразумела свою жизнь и задумалась над ее значением, и эта задумчивость легла навсегда тенью на ее лицо” [2, с. 488].

и неочевидней оказывается сам текст романа, про который нам иногда кажется, что мы уже знаем все.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гончаров И.А.* Обломов: Роман в четырех частях / Изд. подгот. Л.С. Гейро. Л.: Наука, 1987. 694 с. (Лит. памятники).
2. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 4: Обломов: Роман в четырех частях. СПб.: Наука, 1998. 493 с.
3. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 5: Обломов: Роман в четырех частях. Рукописные редакции / Текст подгот. Т.И. Орнатская; Ред. тома В.А. Туниманов (гл. ред.). СПб.: Наука, 2003. 610 с.
4. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 6: Обломов: Роман в четырех частях. Примечания / Ред. тома Т.А. Лапицкая, В.А. Туниманов (гл. ред.); Сост. примеч.: А.Г. Гродецкая, С.Н. Гуськов, Н.В. Калинина, Т.И. Орнатская, М.В. Отрадин, А.В. Романова, В.А. Туниманов. СПб.: Наука, 2004. 616 с.
5. *Недзвецкий В.А.* Роман И.А. Гончарова "Обломов": Путеводитель по тексту. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. 224 с.
6. *Юров Б.* <Томашевский Б.В.> Как работал Гончаров // Литературная учеба. 1931. № 9. С. 108–119.
7. *Рейтблат А.И.* Фаддей Венедиктович Булгарин: идеолог, журналист, консультант секретной полиции. М.: НЛО, 2016. 632 с.
8. *Гончаров И.А.* Обломов // Отечественные записки. 1859. № 1. С. 1–142.
9. *Буланов А.М.* "Ум" и "сердце" в русской классике: Соотношение рационального и эмоционального в творчестве И.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. 157 с.
10. *Степанова А.С.* Физиологические очерки Ф.В. Булгарина и натуральная школа // Профессорский журнал. Серия: Русский язык и литература. 2021. № 1(5). С. 2–11.
11. *Булгарин Ф.В.* Комары: Всякая всячина. СПб.: Тип. Journal de St.-Petersbourg, 1842. 262 с.
12. *Булгарин Ф.В.* Журнальная всякая всячина // Северная пчела. 1847. № 81. С. 321–323.
13. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 15: Письма. 1842 – январь 1855. СПб.: Наука, 2017. 549 с.
14. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 1. СПб.: Наука, 1997. 832 с.
15. *Кумпан К.А.* Борец с "высшими взглядами": По поводу одного намека в очерке Булгарина // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. М.: Новое изд-во, 2008. С. 276–302.
16. <*Булгарин Ф.В.*> Отрывки из тайных записок стационарного зрителя на петербургском тракте, или Картинная галерея нравственных портретов // Северная пчела. 1831. № 78–80, 94, 108.
17. *Булгарин Ф.В.* Лев и шакал // Булгарин Ф.В. Очерки русских нравов, или Лицевая сторона и изнанка рода человеческого. СПб.: Тип. А. Праца, 1843. С. 81–98.
18. *Гончаров И.А.* Полн. собр. сочинений и писем: В 20 т. Т. 2. СПб.: Наука, 1997. 746 с.
19. *Гродецкая А.Г.* Милитриса Кирбитьевна в "Обломове", или об органично противоречивом в поэтике Гончарова // Русская литература. 2012. № 2. С. 34–39.

REFERENCES

1. Goncharov, I.A. *Oblovov: Roman v chetyrekh chastyakh* [Oblovov: A Novel at 4 Parts]. Ed. prepared L.S. Geiro. Leningrad, Nauka Publ., 1987. 694 p. (Serie "Literary monuments"). (In Russ.)
2. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 4: Oblovov* [Complete Works and Letters in 20 Vols. Vol. 4: Oblovov]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998. 493 p. (In Russ.)
3. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T.5: Oblovov: Roman v chetyrekh chastyakh. Rukopisnyye redaktsii* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 5: Oblovov: A Novel in 4 Parts. Handwritten Editions]. Text prepared. T.I. Ornatskaya; Ed. Volumes of V.A. Tunimanov (Chief Editor). St. Petersburg, 2003, Nauka Publ., 610 p. (In Russ.)
4. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 6: Oblovov: Roman v chetyrekh chastyakh. Primechaniya* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 6: Oblovov: A Novel in 4 Parts. Notes]. Ed. Volumes of T.A. Lapitskaya, V.A. Tunimanov (Chief Editor); Comp. Note: A.G. Grodetskaya, S.N. Guskov, N.V. Kalinina, T.I. Ornatskaya, M.V. Otradin, A.V. Romanova, V.A. Tunimanov. St. Petersburg, Nauka Publ., 2004. 616 p. (In Russ.)
5. Nedzvetsky, V.A. *Roman I.A. Goncharova "Oblovov": Putevoditel po tekstu* [I.A. Goncharov's Novel "Oblovov": Guide to the Text]. Moscow, 2010. 224 p. (In Russ.)
6. Yurov, B. <Tomashevsky, B.V.> *Kak rabotal Goncharov* [How Goncharov Worked]. *Literaturnaya uchyeba* [Literary Studies]. 1931, No. 9, pp. 108–119. (In Russ.)

7. Reitblat, A.I. *Faddey Venediktovich Bulgarin: ideolog, zhurnalist, konsultant sekretnoy politzii* [Faddey Venediktovich Bulgarin: Ideologist, Journalist, Secret Police Consultant]. Moscow, 2016. 632 p. (In Russ.)
8. Goncharov, I.A. *Otechestvennyye zapiski* [Domestic Notes]. 1859, No. 1, pp. 1–142. (In Russ.)
9. Bulanov, A.M. “Um” i “serdtse” v russkoy klassike: *Sootnosheniye ratsional’nogo i emotsional’nogo v tvorchestve I.A. Goncharova, F.M. Dostoyevskogo, L.N. Tolstogo* [“Mind” and “Heart” in Russian Classics: The Ratio of Rational and Emotional in the Works of I.A. Goncharov, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy]. Saratov, 1992. 157 p. (In Russ.)
10. Stepanova, A.S. *Fiziologicheskiye ocherki F.V. Bulgarina i naturalnaya shkola* [Physiological Essays by F.V. Bulgarin and Natural School]. *Professorskiy zhurnal. Seriya: Russkiy yazyk i literatura* [Professor’s Journal. Series: Russian Language and Literature]. 2021, No. 1(5), pp. 2–11. (In Russ.)
11. Bulgarin, F.V. *Komary: Vsyakaya vsyachina* [Mosquitoes: All Sorts of Things]. St. Petersburg, 1842. 262 p. (In Russ.)
12. Bulgarin, F.V. *Zhurnalnaya vsyakaya vsyachina* [Magazine Things]. *Severnaya pchela* [Northern Bee]. 1847, No. 81, pp. 321–323. (In Russ.)
13. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 15: Pis’ma. 1842 – janvar’ 1855* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 15: Letters. 1842–January 1855]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2017. 549 p. (In Russ.)
14. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 1* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 1]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 832 pp. (In Russ.)
15. Kumpan, K.A. *Borets s “vysshimi vzglyadami”: Po povodu odnogo namyeka v ocherke Bulgarina* [A Fighter with “Higher Views”: About one Hint in Bulgarin’s Essay]. *I vremya i mesto: Istoriko-filologicheskiy sbornik k shestidesyatiletiyu Aleksandra L’vovicha Ospovata* [Both Time and Place: Historical and Philological Collection for the Sixtieth Birthday of Alexander Lvovich Ospovat]. Moscow, 2008, pp. 276–302. (In Russ.)
16. Bulgarin, F.V. *Otryvki iz taynykh zapisok stantsionnogo smotritelya na peterburgskom trakte, ili Kartinnaya galereya npravstvennykh portretov* [Excerpts from the Secret Notes of the Stationmaster on the St. Petersburg highway, or the Picture Gallery of Moral Portraits]. *Severnaya pchela* [Northern Bee]. 1831, No. 78–80, 94, 108. (In Russ.)
17. Bulgarin, F.V. *Lev i shakal* [Lion and Jackal]. *Bulgarin, F.V. Ocherki russkikh npravov, ili Litsevaya storona i iznanka roda chelovecheskogo* [Essays on Russian Morals, or the Front Side and the Wrong Side of the Human Race]. St. Petersburg, 1843, pp. 81–98. (In Russ.)
18. Goncharov, I.A. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 20 t. T. 2* [Complete Collection of Works and Letters in 20 Vols. Vol. 2]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 746 p. (In Russ.)
19. Grodetzkaya, A.G. *Militrisa Kirbityevna v “Oblomove”, ili ob organichno protivorechivom v poetike Goncharova* [Militrisa Kirbityevna in “Oblomov”, or about the Organically Contradictory in Goncharov’s Poetics]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2012, No. 2, pp. 34–39. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 26 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 февраля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 26, 2023

Revised on February 20, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026312-9

Литература vs психопатология (Об автобиографическом подтексте повести Достоевского “Двойник”)

© 2023 г. С. А. Кибальник

Доктор филологических наук,
ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
kibalnik007@mail.ru

Резюме. В статье вскрывается автобиографический подтекст повести Достоевского “Двойник”. Показано, что она создавалась в атмосфере постепенного назревания разрыва молодого писателя с кружком Белинского. В разных главах этой повести преломились различные моменты в развитии отношения в нем к Достоевскому – от восторга и восхищения до скепсиса и отторжения. Его разрыву с этим кружком, последовавшему после появления “Послания Белинского к Достоевскому”, предшествовало длительное развитие накопившихся противоречий, которое, очевидно, приходится на ноябрь – декабрь 1845 г. Оно происходило как раз в тот период, когда Достоевский писал последние главы повести, в которых Голядкин-младший проявляет все свое коварство по отношению к Голядкину-старшему. При этом в Голядкине-младшем есть черты, которые, по-видимому, представляют собой аллюзии на некоторые особенности личности молодого Тургенева. Развитие конфликта Достоевского с кружком Белинского, очевидно, обогащало его хронику развития патологического состояния Голядкина-старшего психологическими открытиями.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда, проект № 21-18-00481: «Русские писатели и медицина: Биографические и творческие “пересечения” (1820–2020)».

Ключевые слова: Достоевский, психопатология, “Двойник”, повесть, сумасшествие, И.С. Тургенев, кружок В.Г. Белинского.

Для цитирования: Кибальник С.А. Литература vs психопатология (Об автобиографическом подтексте повести Достоевского “Двойник”) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 35–42. DOI: 10.31857/S160578800026312-9

Literature vs Psychopathology (On the Autobiographic Subtext of Dostoevsky’s Tale “The Double”)

© 2023 Serguei A. Kibalnik

Doct. Sci. (Philol.)
Leading Resercher at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
kibalnik007@mail.ru

Abstract. The article shows that Dostoevsky’s tale “The Double” was created in an atmosphere of gradual maturation of Dostoevsky’s break with Belinsky’s circle. In different chapters of this tale, various moments in the development of his attitude towards Dostoevsky were refracted – from delight and admiration to skepticism and rejection. The final break between Dostoevsky and Belinsky’s circle, which followed after the appearance of “Belinsky’s Message do Dostoevsky”, was preceded by a long development of accumulated

contradictions, which, obviously, falls on November – December 1845. Thus, it took place just at the time when Dostoevsky was writing the last chapters of his story, in which Golyadkin Jr. shows all his cunning towards Golyadkin Sr. At the same time, there are features in Golyadkin Jr. that, apparently, contain allusions to some features of the personality of the young Turgenev, known to us from the reviews of memoirists. “The Double” itself is not a monument to a mental crisis or a manifesto of a psychopathological state, but an attempt by the writer to figure out how and why all this happened to him, and thereby overcome that happened through literary creativity.

Acknowledgements. This study was funded by the Russian Science Foundation, project № № 21-18-00481.

Key words: Dostoevsky, psychopathology, “The Double”, tale, madness, Ivan Turgenev, Belinsky’s circle.

For citation: Kibalnik, S.A. *Literatura vs psihopatologia: Ob avtobiograficheskom podtekste povesti Dostoevskogo “Dvoinik”* [Literature vs Psychopathology (On the Autobiographic Subtext of Dostoevsky’s Tale “The Double”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 35–42. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026312-9

1

Как известно, кое-кто из первых рецензентов повести Достоевского *Двойник* воспринимал ее как **“сочинение патологическое, терапевтическое, но нисколько не литературное:** это история сумасшествия, разанализированного, правда, до крайности, но тем не менее отвратительного, как труп” [1, с. 30]; (здесь и далее все выделения мои. – С.К.).

Так, даже В.Г. Белинский после своего достаточно хвалебного отзыва о повести, опубликованного вскоре после ее выхода – в 1846 г. в “Отечественных записках” (в № 3; см.: [2, т. 9, с. 563–566]), несколько позднее в статье “Взгляд на русскую литературу 1846 года” в первом номере “Современника” за 1847 г. писал: **“Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умиленных, а не в литературе, и находится в заведовании врачей, а не поэтов”** [2, т. 10, с. 40–41]. По-видимому, именно из такого представления о “Двойнике” впоследствии развилась его интерпретация в экзистенциальном и фрейдистском ключе (см., напр.: [3]; [4]).

Между тем, довольно тесно общавшийся с Достоевским в период создания им этой повести Белинский в своем вышеупомянутом хвалебном отзыве писал о ней исключительно как о литературном произведении. При этом он, быть может, примешивал к своему разбору личные впечатления от знакомства с автором, отношения с которым к этому времени были уже разорваны:

Герой романа – г. Голядкин – один из тех **обидчивых, помешанных на амбиции людей**, которые так часто встречаются в низших и средних слоях общества. **Ему все кажется, что его обижают и словами, и взглядами, и жестами, что против него всюду составляются интриги, ведутся подкобы. <...> ...болезненная обидчивость и подозрительность его характера есть черный демон его жизни, которому суджено сделать ад из его существования** [2, т. 9, с. 563].

Современные исследователи нередко спорят о том, какая именно установка реализована в художественной структуре повести: “психопатологическая” или “установка на действительное существование двойника” ([5, с. 120]; [6, с. 31–53]). Между тем, вопрос о “двойнике”, судя по всему, разрешается просто. Как полагал еще Белинский, “наружное сходство” Голядкина-младшего с Голядкиным-старшим “совсем не так велико и поразительно, как показалось оно ему в его расстроенном воображении” [2, т. 9, с. 565]¹.

По-видимому, то, что Голядкин-младший представляется Голядкину-старшему его двойником, скорее и есть один из симптомов развивающейся в нем болезни. Ведь в повести изображается именно то, как герой ее постепенно сходит с ума: “Подозрительность Голядкина, его неуверенность в самом себе и смятение перед возникшими обстоятельствами свидетельствуют лишь о предрасположенности героя к психическому заболеванию, но не о самой болезни” [8, с. 9, 77].

Именно в таком состоянии нервного расстройства, как известно, все более оказывался сам Достоевский по мере усиления напряженности в отношениях с членами кружка Белинского и вплоть до того момента, когда он попал в Петропавловскую крепость [9, т. 2, с. 212].

2

В исследовательской литературе неоднократно “делались указания на отдельные черты (мнительность, обидчивость, болезненная застенчивость),

¹ Между прочим, именно в таком виде этот мотив разрабатывал впоследствии В.В. Набоков в своем романе “Отчаяние” (1938): Герману только кажется, что Феликс – его двойник, все остальные такого сходства между ними не усматривают (см.: [7, с. 340, 458]).

позволяющие в той или иной мере **психологически сблизить главного героя Двойника с создателем этой повести**» [10, т. 1, с. 713]. В связи с этим особое значение приобретают личные обстоятельства, в которых создавался «Двойник».

Повесть писалась в атмосфере постепенно назревавшего разрыва Достоевского с кружком Белинского. В редакции 1846 года из четырнадцати ее глав безумие по-настоящему охватывает сознание героя, начиная с одиннадцатой главы. Еще в главе восьмой Голядкин-старший намеревался жить с Голядкиным-младшим «как братья родные» [10, т. 1, с. 520].

Если обратиться к хронологии работы Достоевского над повестью, то мы увидим, что пока Достоевский работал над ее первой половиной, никакого конфликта между ним и кружком Белинского еще не было. Так, 16 ноября 1845 г. он писал брату:

Белинский любит меня, как нельзя более. На днях воротился из Парижа **поэт Тургенев** (ты, верно, слышал) и с первого раза **привязался ко мне такую привязанностию**, такую дружбой, что **Белинский объясняет ее тем, что Тургенев влюбился в меня** [11, т. 28, кн. 1, с. 115].

То есть Достоевский с Тургеневым, как Голядкин-старший с Голядкиным-младшим, жили в то время «как братья родные».

Разрыв между Достоевским и кружком Белинского, судя по всему, произошел уже в январе 1846 г. — после того, как Достоевскому стало известно сочиненное Тургеневым, Некрасовым и Панаевым «Послание Белинского к Достоевскому»². Следовательно, заключительные главы «Двойника» его автор создавал в ситуации обострившегося конфликта с основными участниками кружка Белинского³.

Между прочим, в стихотворной строке XII главы «Двойника» — «Дайте руку на разлуку и т.д.» — есть «измененная цитата из второй части (строфа LIII, стихи 1223–1224) поэмы И.С. Тургенева «Андрей» <...>, составленная из смежных конечных рифмующихся полустихий: «Андрей, прощайте.

² Как отмечают комментаторы академического издания сочинений И.С. Тургенева, «дата написания стихотворения может быть уточнена, так как в стихе 28 упоминается «Двойник» Достоевского как произведение еще неизданное. Так как «Двойник» появился во второй (февральской) книжке «Отечественных записок» за 1846 год, послание могло быть написано лишь в самом начале января этого года» [12, с. 607]. По мнению Б.Н. Тихомирова, краткая редакция «Послания...» могла быть написана во второй половине января — феврале или даже марте 1846 г. [13, с. 164].

³ До 24 января Достоевский заканчивал работу, передавал в «Отечественные записки» и читал корректуру повести [11, т. 28, кн. 1, с. 117, 430], [14, т. II, с. 106].

Дайте руку / Не на свиданье — на разлуку...» [10, т. 1, с. 746].

Поскольку номер «Отечественных записок», в котором была напечатана поэма Тургенева, вышел в свет 2 января 1846 г., то, как отмечают комментаторы нового академического издания ПСС Достоевского, «допустимо предположение, что цитата была вставлена оскорбленным Достоевским в текст «Двойника» на последнем этапе работы над ним с намерением придать ей пародийно-полемический смысл, который должен был быть понятным в кругу насмешников» [10, т. 1, с. 746].

Это предположение представляется нам весьма вероятным. Более того, в тексте поэмы Тургенева есть и другие вещи, которые, очевидно, также отразились в «Двойнике». Так, в строках главы XI поэмы — «...наш Андрей, наш бедный друг / (Коварный друг!) глядел не то Фоблазом, / Не то Маниловым...» [12, с. 145] — мы находим сравнение Андрея с Фоблазом, которое в «Двойнике» пушено в ход Голядкиным-младшим по отношению к Голядкину-старшему: «— **Это наш русский Фоблаз, господа; позвольте вам рекомендовать молодого Фоблаза**, — запищал господин Голядкин-младший...» [10, т. 1, с. 567]⁴.

Обращает на себя внимание и сюжетная роль Андрея в поэме как «коварного друга» Фаддея Сергеича [12, т. 1, с. 145], готового соблазнить его жену Авдотью⁵ Павловну.

В Голядкине-младшем и без этого есть некоторые черты, которые, по-видимому, содержат аллюзии на личность Тургенева, как, например, манера героя Достоевского завершать рукопожатие самым оскорбительным образом:

Чтоб только отвязаться, сунул герой наш в простертую ему руку фанатика два пальца своей руки; но тут... тут бесстыдство господина Голядкина-младшего превзошло всяческую человеческую меру. Схватив два пальца руки господина Голядкина-старшего и сначала пожав их, недостойный тут же, в глазах господина Голядкина, решился повторить свою утреннюю бесстыдную шутку. <...> Он уже **прятал платок, которым обтер свои пальцы, в карман**, когда господин Голядкин-старший опомнился [10, т. 1, с. 578].

Возможно, не в последнюю очередь это описание в гротескной форме отсылает именно к Тургеневу.

⁴ Впоследствии аналогичным образом Тургенев будет называть Достоевского «нашим де Садом» [15, т. 13, кн. 2, с. 49, 51].

⁵ Это имя тургеневской героини, возможно, представляет собой аллюзию на Авдотью Панаеву (с 1837 г. замужем за И.И. Панаевым), которая только в 1846 г. стала гражданской женой Некрасова и которой увлекались как Тургенев, так и Достоевский.

Привычка Тургенева целоваться при встрече в близких знакомых на французский манер⁶ впоследствии станет предметом откровенной пародии в “Бесах”:

– А-а! – приподнялся Кармазинов с дивана, утираясь салфеткой, и с видом чистой радости полез лобызаться⁷ <...>. Но Петр Степанович помнил по бывшему уже опыту, что лобызаться-то лезет, а сам подставляет щеку... [10, т. 10, с. 285].

Возможно, молодому Тургеневу была свойственна довольно пренебрежительная манера здороваться за руку, которую Достоевский в “Двойнике” гиперболизировал.

Как известно из мемуаров А.Я. Панаевой, молодому Тургеневу были присущи барствость и хвастовство, за которые Белинский не раз “с досадой говорил ему”: “Когда вы, Тургенев, перестанете быть Хлестаковым?” [15, с. 99]. Если вчитаться в рассказ Панаевой о том, как готовился разрыв Достоевского с кружком Белинского, то нетрудно усмотреть известный параллелизм в отношениях с окружающими Голядкина-старшего:

По молодости и **нервности** он <Достоевский. – С.К.> **не умел владеть собой** и слишком явно высказывал свое авторское самолюбие и самомнение о своем писательском таланте. <...> С появлением **молодых** литераторов в кружке беда была попасть им на зубок, а Достоевский, как нарочно, давал к этому повод своею **раздражительностью и высокомерным тоном**, что он несравненно выше их по своему таланту. И пошли перемывать ему косточки, **раздражать его самолюбие уколами в разговорах**; особенно на это был мастер Тургенев – он нарочно втягивал в спор Достоевского и доводил его до высшей степени раздражения. Тот лез на стену и защищался азартно иногда нелепые взгляды на вещи, которые сболтнул в горячности, а Тургенев их **подхватывал и потешался** [16, с. 148, 149].

Временами Панаева рассказывает о Достоевском почти в тех же выражениях, в каких сам Достоевский повествовал в “Двойнике” о Голядкине-старшем:

Достоевский заподозрил всех в зависти к его таланту и почти в каждом слове, сказанном без всякого умысла, находил, что **желают** умалить его произведение, **нанести ему обиду**. Он приходил к нам **с уже накипевшей злобой, придирался к словам**, чтобы **излить на завистников всю желчь, душившую его**. Вместо того, чтобы снисходительно смотреть на **больного, нервного**

⁶ Ср. слова в письме Достоевского к А.Н. Майкову от 16 (28) августа 1867 г.: “Не люблю тоже его аристократически-фразерское объятие, с которым он лезет целоваться, но подставляет Вам свою щеку...” [11, т. 28, кн. 2, с. 210].

⁷ Ср. призыв Голядкина-младшего Голядкину-старшему: “Поцелуемся, душака!” – продолжал он с нестерпимой фамильярностью, подвигаясь к предательски оскорбленному им человеку» [10, т. 1, с. 567].

человека, его еще сильнее раздражали насмешками. <...> Когда Тургенев, по уходе Достоевского, рассказывал Белинскому о резких и неправильных суждениях Достоевского о каком-нибудь русском писателе, то Белинский ему замечал:

– Ну, да вы хороши, **сцепились с большим человеком, подзадориваете его**, точно не видите, что **он в раздражении, сам не понимает, что говорит** [16, с. 149, 150]⁸.

Окончательному разрыву, последовавшему после появления “Послания Белинского к Достоевскому”, предшествовало длительное развитие накопившихся противоречий, которое, очевидно, приходится на ноябрь – декабрь 1845 г. Следовательно, оно происходило как раз в тот период, когда Достоевский писал последние главы своей повести, в которых Голядкин-младший проявляет все свое коварство по отношению к Голядкину-старшему.

Между прочим, сходные «комические сюжетные и стилистические аналогии с повестью Достоевского “Двойник”» отмечены и в незавершенной автобиографической повести Некрасова “В тот же день часов в одиннадцать утра...”: “...рассказ о переживаниях Глажиевского, связанных с посещением Мерцалова, заставляет вспомнить описание состояния Голядкина накануне визита к доктору Крестьяну Ивановичу” [18, т. 8, с. 770].

3

Достоевскому очень скоро пришлось убедиться в справедливости “общего мнения” о молодом Тургеневе как о человеке, о котором даже его доброхоты отзывались как о “никогда **не имеющем в своем распоряжении искреннего слова и чувства...**” [19, с. 357].

В то же время, себя Достоевский всегда готов был обвинить в каких угодно грехах, кроме неискренности:

...к нему можно было прямо прийти и сказать: “Федор Михайлович, я вас ценю и уважаю потому-то и потому-то”. Он непременно дружески протянет руку и ответит: “Спасибо! И я люблю вас, потому что уж если вы пришли и сказали мне это так просто и чисто-сердечно, то, стало быть, **вы человек добрый и прямодушный**” [9, т. 2, с. 343]⁹.

⁸ Разумеется, нельзя исключить возможность влияния на позднейший мемуарный рассказ Панаевой изображения раздражительности Голядкина-старшего в “Двойнике”, но скорее здесь может сказываться знакомство Панаевой с литературными памфлетами Некрасова (см.: [17, с. 223]) и с его незавершенной автобиографической повестью “В тот же день часов в одиннадцать утра...” (см. о ней ниже).

⁹ “Достоевский и Голядкин – тоже двойники”, – отмечал еще Н.Е. Осипов [20, с. 89].

Однако именно как гораздо более светский, обходительный и умелый в обращении с людьми, но неискренний и коварный человек Голядкин-младший противопоставлен Голядкину-старшему в повести “Двойник”. Что же касается Голядкина-старшего, то он как раз с самого начала и далее на протяжении всей повести ставит себе в заслугу то, что он “не интриган”¹⁰.

Вначале он противопоставляет себя в таком качестве племяннику своего начальника Андрея Филипповича Владимиру Семеновичу, успешно соперничающему с ним в искании руки Клары Олсуфьевны:

Не интригант — а этим тоже горжусь. **Действую не втихомолку, а открыто, без хитростей...** <...> **Иду я, Крестьян Иванович,** — стал продолжать наш герой, — **прямо, открыто и без окольных путей,** потому что их презираю и предоставляю это другим. <...> Полусллов не люблю; мизерных двуличностей не жалею; **клеветою и сплетней гнушаюсь. Маску надеваю лишь в маскарад,** а не хожу с нею перед людьми каждодневно [10, т. 1, с. 480].

В тех же примерно выражениях, что и своему доктору Крестьяну Ивановичу, Голядкин декларирует это отцу девушки, руки которой он добивается, и сослуживцам-регистраторам:

Я сам **дело начистоту и открыто веду,** Олсуфий Иванович”; “**Есть люди, господа, которые не любят окольных путей и маскируются только для маскарада.** <...> **Не интригант** и этим горжусь. В дипломаты бы я не годился [10, т. 1, с. 483, 487].

При этом с самого начала Голядкину-старшему представляется, что против него существует заговор:

— У меня есть враги, Крестьян Иванович, у меня есть враги; у меня есть злые враги, которые **меня погубить покаялись...** — отвечал господин Голядкин боязливо и шепотом; <...> Да, Крестьян Иванович, **заплели они сплетню.** <...> Что они выдумали, чтоб убить человека? <...> Да, Крестьян Иванович, **чтоб убить человека, нравственно убить человека** [10, т. 1, с. 481, 483].

Таким образом, в воображении Голядкина-старшего фигура его противника, человека прямо противоположного склада, — лицемера и интригана — намечается задолго до появления Голядкина-младшего.

Последний же очень скоро обнаруживает себя своего рода материализацией самых худших опасений героя:

...предательски поруган тем, кого еще вчера считал первейшим и надежнейшим другом своим... Тут господину Голядкину-старшему показалось, что **вероломный**

¹⁰ Это даже отметил Белинский в своем отзыве о “Двойнике”: “Г-н Голядкин в восторге от одной своей добродетели, которая состоит в том, что он **ходит не в маске, не интриган, действует открыто и идет прямою дорогою**” [2, т. 9, с. 563].

друг его улыбается, что он бегло и плутовски мигнул всей окружавшей их толпе, что есть что-то злое в лице неблагопристойного господина Голядкина-младшего... [10, т. 1, с. 531, 604–605].

При этом Голядкин-младший постоянно демонстрирует умение создавать себе сторонников, в окружении которых он постоянно находится:

...сказал словцо одному, пошептался о чем-то с другим, почтительно полизался с третьим, адресовал улыбку четвертому, дал руку пятому...; ослабившись, вертясь, семеня, с улыбочкой, которая так и говорила всем “доброго вечера”, втерся он в кучку чиновников, тому пожал руку, этого по плечу потрепал, третьего обнял слегка... [10, т. 1, с. 532, 566].

Не напоминает ли это дар Тургенева окружать себя приспешниками, который отмечали в нем многие мемуаристы и который впоследствии Достоевский изобразил в Зверкове и К° из “Записок из подполья”? (см. об этом: [21, с. 77–86]). При том что у самих приспешников Тургенева не было особых иллюзий относительно объекта их поклонения. Так, П.В. Анненков, вспоминая о Тургеневе, постоянно поминает о “развязности его речей, видной роли, которую он всегда предоставлял себе в рассказах и какой-то **кажущейся, фальшивой расточительности, побуждавшей его не отставать от затейливых походов и удовольствий...**” [19, с. 370]. Он приводит немало примеров того, как Тургенев “**удерживал за собой право играть доверием людей, не чувствуя, по-видимому, никакой вины на своей совести за проделки подобного рода**” [19, с. 361].

4

Среди черновых набросков к предполагавшейся переработке повести, возможно, не случайно есть и такой: “Г. Голядкин погибает под чашей горестей и пишет письмо к Голядк<ину>-младшему, своему смертельному врагу, о руке помощи (рыцарское письмо). (Я у Бекетовы<х>. **Иду к Тург<еневу>.**)” [10, т. 1, с. 607].

Комментаторы второго академического издания полагают, что Достоевский «...намеревался здесь, по-видимому, использовать эпизод из своей жизни, описанный Д.В. Григоровичем в его воспоминаниях и связанный с ухудшением отношений между Достоевским и кружком “Современника”, в котором сыграла свою роль и сочиненная И.С. Тургеневым при участии Н.А. Некрасова эпиграмма на Достоевского “Послание Белинского к Достоевскому” (“Витязь горестной фигуры...”» [10, т. 1, с. 751].

Что касается времени появления этой эпиграммы, то не исключено, однако, что она относится

к лету или даже к осени того же года. Д.В. Григорович вспоминал:

При встрече с Тургеневым, принадлежавшим к кружку Белинского, Достоевский, к сожалению, не мог сдержаться и дал полную волю накипевшему в нем негодованию <...> После сцены с Тургеневым произошел окончательный разрыв между кружком Белинского и Достоевским; он больше в него не заглядывал. На него посыпались остроты, едкие эпиграммы, его обвиняли в чудовищном самолюбии... (цит. по: [10, т. 1, с. 751]).

Приведенные выше фразы из воспоминаний Григоровича также могли бы служить комментарием к отношениям Голядкина-старшего с Голядкиным-младшим. Очевидно, сходным образом осмыслял в конце 1840-х годов свой разрыв с кружком Белинского и сам автор “Двойника”. Не только отдельные детали в отношениях Достоевского с Тургеневым, но и, по-видимому, весь характер этих отношений отозвались в истории коварного предательства Голядкина-младшего по отношению к Голядкину-старшему.

Отозвались они и в некоторых других, последующих произведениях Достоевского — в частности, в “Неточке Незвановой” (1849) в словах скрипача Б. Ефимову о том, что “когда ты хоть немного достигнешь цели <...> твои будущие товарищи <...> с злою радостью будут поднимать каждую ошибку твою...” [10, т. 2, с. 233].

5

Таким образом, повесть Достоевского “Двойник” создавалась в атмосфере постепенного назревания разрыва Достоевского с кружком Белинского. В разных главах этой повести преломились различные моменты в развитии отношения его членов к Достоевскому — от восторга и восхищения до скепсиса, насмешки и отторжения. Сам же “Двойник” — не памятник душевного кризиса или манифест психопатологического состояния, а попытка писателя разобраться в том, как и почему все это с ним произошло, и тем самым преодолеть случившееся посредством литературного творчества.

Возникает вопрос, в какой мере развитие сюжета повести было предопределено изменениями в личных отношениях Достоевского с кружком Белинского. Что же, Достоевский в истории Голядкина-старшего всего лишь следовал реальной истории своего конфликта с Тургеневым и К? Ответить на этот вопрос с полной определенностью затруднительно.

Тем не менее, представляется, что прежде всего Достоевский следовал внутренней логике развития психопатологического состояния, в котором он находился, которое наблюдал и анализировал. А она заключается в том, что окружающие

при этом начинают демонизироваться, независимо от того, в какой мере они дают реальные основания для этого. В “Двойнике” Достоевский изображает то, что с человеком делает его “болезненно раздраженное самолюбие” [10, т. 3, с. 12], которое — на сей раз в соединении с личной “ничтожностью” — станет предметом его изображения в романе “Село Степанчиково и его обитатели” (1859). Однако развитие конфликта Достоевского с кружком Белинского, очевидно, обогащало его хронику развития патологического состояния Голядкина-старшего психологическими открытиями.

Вслед за Н.Е. Осиповым [20] и другими представителями психоаналитического литературоведения И.М. Кадыров убежден, что эту повесть **“можно воспринимать как литературную трансформацию личного опыта самого Достоевского, личность которого была отмечена значительным внутренним дуализмом”**. При этом он соглашается с Л. Брегером в том, что когда психоаналитическая критика обращается с литературным текстом как с симптомом, а с его автором — как с пациентом, то это “наихудший вариант применения” подобного метода: «Брегер убежден, что **в своих произведениях Достоевский в первую очередь сам выступает в качестве автора-психоаналитика, проводящего блестящий анализ и самоанализ**¹¹. <...> в “Двойнике”, как и в других работах, **писатель высвечивает и пародирует свои собственные проблематичные стороны, доводя их до гротеска**» [22].

Мучительные переживания Достоевского по поводу его разрыва с кружком Белинского, как известно, продолжались и после создания “Двойника”, подпитываясь то и дело появляющимися в печати фельетонами против Достоевского “Нового Поэта” (И.И. Панаева) (см.: [23]). Это продолжалось вплоть до апреля 1849 г., когда он был заключен в Петропавловскую крепость.

При этом даже написанный Достоевским в крепости рассказ “Маленький герой” внешне совершенно безмятежный, внутренне направлен против Панаева: в любовном треугольнике “М-ме М. — мсье М. — Н-ий” в общих чертах воспроизведен аналогичный реальный треугольник в редакции “Современника”: Авдотья Панаева — Иван Панаев — Некрасов (см.: [24, с. 228])¹².

¹¹ Этому способствовало знакомство Достоевского со специальной медицинской литературой “о болезнях мозга и нервной системы, о болезнях душевных и о развитии черепа по старой, но в то время бывшей в ходу системе Галла”, которое отмечал врач С.Д. Яновский, познакомившийся с писателем вскоре после появления в печати “Двойника” [10, т. 1, с. 239].

¹² Соответственно, рассказ, посвященный “первой любви” ребенка (очевидно, для затемнения автобиографического

Представители психоаналитической критики единомышленно полагали повесть Достоевского “Двойник” “литературной трансформацией личного опыта” самого писателя. Теперь, мне кажется, об этом можно говорить не только в абстрактно-психологическом, но и в конкретно-автобиографическом смысле.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Григорьев А.А. “Петербургский сборник” // Финский вестник. 1846. № 9. Отд. V, с. 28–32.
2. Белинский В.Г. Полн. собр. сочинений: В 13 т. М.: Изд-во АН СССР, 1953–1959.
3. Чиж В.Ф. Достоевский как психопатолог. Очерк. М.: Унив. тип., 1885. 123 с.
4. Reber N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E.T.A. Hoffmann, Gießen, 1964. 240 p.
5. Захаров В.Н. Трагедия Голядкина (о повести Достоевского “Двойник”) // О традициях и новаторстве в литературе. Вып. 4. Уфа, 1976. С. 115–129.
6. Захаров В.Н. Гениальный “Двойник”: почему критики не понимают Достоевского? // Неизвестный Достоевский. 2020. № 3. С. 31–53.
7. Набоков В.В. Собр. сочинений: В 4 т. Т. 3. М.: Правда, 1990. 480 с.
8. Захаров В.Н. Система жанров Достоевского: Типология и поэтика. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. 208 с.
9. Ф.М. Достоевский в воспоминаниях современников: В 2 т. М.: Худож. лит., 1990.
10. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений и писем: В 35 т. Художественные произведения. Т. 1–3. СПб.: Наука, 2013–2015.
11. Достоевский Ф.М. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
12. Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 28 т. Сочинения: В 12 т. Письма: В 18 т. 2-е изд. М.; Л.: Наука, 1960–1968.
13. Тихомиров Б.Н. Стихотворное “Послание Белинского к Достоевскому”. Итоги и проблемы изучения // Новые архивные и печатные источники научной биографии Ф.М. Достоевского: Коллективная монография. 2-е издание. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. С. 150–168.
14. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. Т. 1: 1821–1864. СПб.: Академический проект, 1993. 530 с.
15. Тургенев И.С. Полн. собр. сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 12 т. Письма: В 18 т. 2-е изд. Л.; СПб.: Наука, 1978–.

подтекста героем его сделан одиннадцатилетний мальчик), в действительности оказывается памятником влюбленности Достоевского в Авдотью Панаеву.

16. Панаева А.Я. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1986. 416 с.
17. Чуковский К. Плеяда Белинского и Достоевский [Вступ. очерк к “Каменному сердцу”] // Некрасов Н.А. “Тонкий человек” и другие неизданные произведения. Собрал и пояснил К. Чуковский. М.: Федерация, 1928. С. 5–22.
18. Некрасов Н.А. Полн. собр. сочинений: В 15 т. Л.: Наука, 1981–2000.
19. Анненков П.В. Литературные воспоминания. М.: Правда, 1989. 688 с.
20. Осипов Н.Е. “Двойник”: “Петербургская поэма” Ф.М. Достоевского // О Достоевском: Сб. статей. Прага, 1929/1933/1936. М.: Русский путь, 2007. С. 74–90.
21. Кибальник С.А. Криптографические образы И.С. Тургенева в творчестве Ф.М. Достоевского 1860-х годов // Филологические науки. 2019. № 3. С. 77–86.
22. Кадыров И.М. “Двойник” Ф.М. Достоевского: попытка психоаналитической интерпретации // Консультативная психология и психотерапия. 2002. Т. 10. № 1. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2002/n1/Kadyrov_full.shtml
23. Дауговиш С. Превращение “маленького гения” в “маленького героя” (И. Панаев и Ф. Достоевский) // “Педагогика” Ф.М. Достоевского. Колонна: Коломенский гос. пед. ин-т, 2003. С. 62–65.
24. Peace R. Dostoevsky’s “Little Hero” and “The Knight of the Sad Countenance” // Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday. Oslo, 1997. P. 221–237.

REFERENCES

1. Grigoryev, A.A. “*Peterburgskiy sbornik*” [“The St. Petersburg Collection”]. *Finskiy vestnik* [Finnish Bulletin]. 1846, No. 9, Part V, pp. 27–32. (In Russ.)
2. Belinsky, V.G. *Polnoye sobraniye sochinenij v 13 t.* [Complete Works in 13 Vols]. Moscow, Izd-vo AN SSSR Publ., 1953–1959. (In Russ.)
3. Chizh, V.F. *Dostoevskiy kak psikhopatolog. Oчерk.* [Dostoevsky as a Psychopathologist. An Essay]. Moscow, 1885. 123 p. (In Russ.)
4. Reber, N. Studien zum Motiv des Doppelgängers bei Dostojewskij und E.T.A. Hoffmann. Gießen, 1964. 240 S. (In Germ.)
5. Zakharov, V.N. *Tragediya Goliadkina (o povesti Dostoevskogo “Dvoynik”)* [Golyadkin’s Tragedy (on Dostoevsky’s Tale “The Double”)]. *O traditsiyah i novatorstve v literature* [About Traditions and Innovation in Literature]. Ufa, 1976, Issue 4, pp. 115–129. (In Russ.)
6. Zakharov, V.N. *Genialnyi “Dvoynik”: pochemu kritiki ne ponimayut Dostoevskogo?* [The Ingenious “Double”: Why Critics Don’t Understand Dostoevsky?]. *Neizvestnyi*

- Dostoevsky* [Unknown Dostoevsky]. 2020, No. 3, pp. 31–53. (In Russ.)
7. Nabokov, V.V. *Sobraniye sochineniy v 4 t.* [Complete Works in 4 Vols.]. Vol. 3. Moscow, Pravda Publ., 1990. 480 p. (In Russ.)
 8. Zakharov, V.N. *Sistema zhanrov Dostoevskogo. Tipologiya i poetika* [Dostoevsky's System of Genres: Typology and Poetics]. Leningrad, 1985. 208 p. (In Russ.)
 9. *F.M. Dostoevsky v vospominaniyah sovremennikov v 2 t.* [F.M. Dostoevsky in Memoirs of Contemporaries in 2 Vols.]. Moscow, Hudozhestvennaya literature Publ., 1990. (In Russ.)
 10. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 35 t. Khudozhestvennyye proizvedeniya. T. 1–3* [Complete Works: in 35 Vols. Artistic Works. Vol. 1–3]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2013–2015. (In Russ.)
 11. Dostoevsky, F.M. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30 t.* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1972–1990. (In Russ.)
 12. Turgenev, I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 28 t.* [Complete Works: in 28 Volumes]. *Sochineniya: V 15 t. Pisma: V 13 t.* [Artistic Works: in 15 Vols. Letters: in 13 Vols.]. Leningrad, Nauka Publ., 1960–1968. (In Russ.)
 13. Tikhomirov, B.N. *Stikhotvornoye "Poslaniye Belinskogo k Dostoevskomu". Itogi i problemy izucheniya* ["The Poetic "Belinsky's Message to Dostoevsky". Results and Issues of its Studies]. *Novyye arhivnyye i pechatnyye istochniki nauchnoy biografii F.M. Dostoevskogo. Kollektivnaya monografiya. 2-e izd.* [New Archival and Printed Sources of the Scientific Biography of F.M. Dostoevsky: A Collective Monograph. 2nd Edition]. St. Petersburg, RHGA Publ., 2021, pp. 150–168. (In Russ.)
 14. *Letopis zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 t.* [The Chronicle of F.M. Dostoevsky's Life and Works Activity]. Vol. 1: 1821–864. St. Petersburg, Akademicheskii proekt Publ., 1993. 530 p. (In Russ.)
 15. Turgenev, I.S. *Polnoye sobraniye sochineniy i pisem v 30 t. Sochineniya v 18 t. Pisma: V 12 t.* [Complete Works in 30 Vols. Artistic Works: in 18 Vols. Letters: in 12 Vols.]. Leningrad, St. Petersburg, Nauka Publ., 1978–. (In Russ.)
 16. Panaeva, A.Ja. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1986. 416 p. (In Russ.)
 17. Chukovskiy, K. "Pleyada Belinskogo i Dostoevskiy" (*Vstupitelny ocherk k "Kamennomu serdtsu"*) ["Belinsky and Dostoevsky's Galaxy" (An Introduction to "The Stone Heart")]. Nekrasov, N.A. *Tonkiy chelovek i drugiye neizdannyye proizvedeniya. Sobral i poyasnil K. Chukovskiy* ["The Thin Man" and Other Unpublished Works. Collected and Explained K. Chukovsky]. Moscow, Federatsiya Publ., 1928, pp. 5–22. (In Russ.)
 18. Nekrasov, N.A. *Polnoye sobraniye sochineniy v 15 t.* [Complete Works in 15 Vols]. Leningrad, Nauka Publ., 1981–2000. (In Russ.)
 19. Annenkov, P.V. *Literaturnye vospominaniya* [Literary Memoirs]. Moscow, Pravda Publ., 1989. 688 p. (In Russ.)
 20. Osipov, N. "Dvoynik": "Peterburgskaya poema" *F.M. Dostoevskogo* ["The Double: St. Petersburg Poem"]. *O Dostoevskom. Sbornik statey. Praga, 1929/1933/1936* [About Dostoevsky: Collection of Articles. Prague, 1929/1933/1936]. Moscow, Russkiy put Publ., 2007, pp. 74–90. (In Russ.)
 21. Kibalnik, S.A. *Kriptographicheskiye obrazy I.S. Turgenyeva v tvorchestve F.M. Dostoevskogo 1860-h godov* ["The Cryptographic Images" of I.S. Turgenev in F.M. Dostoevsky's Works of the 1860s]. *Filologicheskiye nauki* [Philological Sciences]. 2019, No. 2, pp. 77–86. (In Russ.)
 22. Kadyrov, I.M. "Dvoynik" *F.M. Dostoevskogo: popytka psihoanaliticheskoy interpretatsii* [Dostoevsky's "The Double": An Attempt of Psychoanalytic Interpretation]. *Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya* [Counseling Psychology and Psychotherapy]. 2002, Vol. 10, No. 1. URL: https://psyjournals.ru/mpj/2002/n1/Kadyrov_full.shtml (In Russ.)
 23. Daugovish, S. *Prevrashcheniye "malenkogo genia" v "malenkogo geroya" (I. Panaev i F. Dostoevskiy)* [The Transformation of "Little Genius" in "Little Hero" (I.I. Panaev and F.M. Dostoevsky)]. "Pedagogiya" *F.M. Dostoevskogo* ["Pedagogy" of F.M. Dostoevsky]. Kolomna, 2003, pp. 62–65. (In Russ.)
 24. Peace, R. Dostoevsky's "Little Hero" and "The Knight of the Sad Countenance". *Life and Text: Essays in Honour of Geir Kjetsaa on the Occasion of his 60th Birthday*. Oslo, 1997, pp. 221–237.

Дата поступления материала в редакцию: 21 декабря 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on December 21, 2023

Revised on January 27, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026313-0

История замысла, создания, публикации и критической рецепции романа Любови Гуревич “Плоскогорье”

© 2023 г. М. В. Михайлова

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
mary1701@mail.ru

Резюме. В статье дается общая характеристика творческого облика Л.Я. Гуревич (1866–1940) и предпринята попытка объяснить, с чем связан ее отказ от продолжения писательской карьеры и переход в критический цех. Анализ откликов на роман “Плоскогорье” (1897) позволяет предположить, что абсолютно произвольная трактовка замысла, превратное толкование содержания и резкие нападки были болезненно восприняты молодой писательницей. Непонимание написанного, просвечивающее даже в благожелательных отзывах, противоречивые рекомендации, сосредоточенность на второстепенных моментах выявляют, помимо всего, слабые места методологии критических направлений в целом (особенно народнической и марксистской ветвей). Но также обнаруживается и общая недоброжелательность “мужской” критики по отношению к женскому творчеству, что не могла не почувствовать автор романа. Кроме того, отзывы позволяют сделать вывод о неудачном способе продвижения романа самой писательницей, а также о сходных приемах, которые использовали критики для принижения значимости женских текстов. Тем не менее, разнообразные истолкования идейного смысла романа дают возможность прочитать его как бы разными глазами и сделать вывод о том, какова могла быть реакция на роман в читательской среде.

Благодарность. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект “Женщина-автор: писательские стратегии и практики в эпоху модерна”, № 23-28-00348) в ИМЛИ РАН.

Ключевые слова: Л.Я. Гуревич, журнал “Северный вестник”, рецепция, “мужская критика”, роман “Плоскогорье”, А.Л. Волынский, идеализм.

Для цитирования: Михайлова М.В. История замысла, создания, публикации и критической рецепции романа Любови Гуревич “Плоскогорье” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 43–57. DOI: 10.31857/S160578800026313-0

A History of Design, Creation, Publication, and Critical Reception of Lyubov Gurevich’s Novel “Flatland” (“Ploskogorye”)

© 2023 Maria V. Mikhailova

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
mary1701@mail.ru

Abstract. The article attempts to characterize L.Y. Gurevich’s (1866–1940) creative persona and explain the reasons behind her refusal to continue her career as a writer and her transition to “the guild of critics.” A study of contemporary responses to the novel *Ploskogorye* (*Flatland*, 1897) suggests that their utterly arbitrary interpretation of the central idea, misinterpretation of the content and harsh criticism seemed to be painful to

the young writer. The incomprehension of the critics, which could be found even in well-intentioned reviews, their contradictory remarks and focus on secondary aspects reveal, among other things, shortcomings of the methodology of criticism in general (especially in populist and Marxist criticism). Moreover, it also demonstrates male critics' common unfriendliness towards women's writing, which the author of the novel could not help but feel. In addition, the reviews allow us to look at the unsuccessful method of promoting the novel by the writer herself and similar ways that critics used to diminish the importance of works written by female authors. Nevertheless, various interpretations of the novel make it possible to read it from different perspectives and conclude how readers might have reacted to it.

Acknowledgements. The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (the project “A Woman Author: Writing Strategies and Practices in the Modern Era”, No. 23-28-00348) at the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences.

Key words: L.Y. Gurevich, the magazine *Severnny Vestnik*, reception, “male criticism,” novel *Ploskogorye* (*Flatland*), A.L. Volynsky, idealism.

For citation: Mikhailova, M.V. *Istoriya zamysla, sozdaniya, publikacii i kriticheskoj recepcii romana Lyubovi Gurevich “Ploskogorye”* [A History of Design, Creation, Publication, and Critical Reception of Lyubov Gurevich's Novel “Flatland” (“Ploskogorye”)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 43–57. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026313-0

С именем Любови Яковлевны Гуревич (1866–1940) в истории литературы связаны два важных факта. Первый – это история существования и попыток сохранения важнейшего для первых шагов русского символизма журнала “Северный вестник”, редактором и издателем которого она стала в 1891 г., продержав его на плаву до 1898 г. Это были годы решительного переформления направления издания, и без указания на ее деятельность на этом посту не обходится ни одно упоминания о журнале¹.

Второй – это продолжавшаяся почти в течение двух десятков лет в советское время работа над книгами К.С. Станиславского, которому она помогала и как редактор, и как собеседник при создании его книг. Результатами явились: творческий портрет “К.С. Станиславский” (1929), а также издания “К.С. Станиславский. Беседы” (1939), “К.С. Станиславский. Художественные записи 1877–1892” (1939), к которым ею писались предисловия и осуществлялось редактирование. Был составлен и подготовлен к печати сборник “О Станиславском. Сборник воспоминаний

(1863–1938)” (1948). В предисловии ко второму изданию книги “Моя жизнь в искусстве” К.С. Станиславский в 1928 г. писал: “Особенную же благодарность выражаю Л.Я. Гуревич, которая взяла на себя все работы в непривычном мне деле подготовки книги к печати как при первом, так и при втором ее издании и этим оказала мне истинно дружескую помощь” [1, с. 20]. Интерес к театру проявился у Гуревич начиная с середины 1900-х годов, когда она стала постоянно печатать отзывы на спектакли в газете “Речь”, журнале “Русская мысль” и др., причем центральное место обычно занимал анализ постановок в МХТ. До сих пор ее вклад в театроведение считается очень значительным.

Однако все же и дореволюционная ее деятельность была достаточно разнообразна. Феминистские “наклонности” привели ее во “Все-российский союз равноправия женщин” (1905), боровшийся за предоставление женщинам избирательного права, о чем она писала еще в журнале “Союз женщин” (1897. № 1, 2). Гуревич была делегатом Первого Всероссийского женского съезда (1908). Политической зрелостью отмечено ее описание трагических событий Кровавого воскресенья в очерке “Народное движение в Петербурге 9-го января 1905 г.” (1906).

Гораздо менее известно ее беллетристическое наследие, хотя в свое время она выпустила две книги – роман “Плоскогорье” (1897) и сборник “Седок и другие рассказы” (1904). Отзывов в целом они получили немного, книги не привлекли широкого внимания, хотя в близких Гуревич кругах о романе говорили. Но главным образом потому,

¹ Максимов Д.Е. “Северный вестник” и символисты // Евгеньев-Максимов В., Максимов Д. Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 85–128; Курьяновский П.В. История журнала “Северный вестник” // Уч. записки Ивановского пед. ин-та. 1970. Т. 59; Крутикова Л.В. “Северный вестник” // Очерки по истории русской журналистики и критики. Т. 2. Л., 1965. С. 394–412; Гречишкин С.С. Архив Л.Я. Гуревич // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома: 1976. Л., 1978. С. 3–29; Иванова Е.В. “Северный вестник” // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX – начала XX века. 1890–1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 91–128.

что многие были посвящены в обстоятельства его написания, тесно связанные с той ролью, которую сыграл критик Аким Волынский в жизни автора. Вся литературная общественность знала, какие отношения связывают Гуревич и Волынского, какие конфликты ей пришлось сглаживать и тогда, когда она настояла практически на передаче руководства критическим отделом этому критику (здесь пришлось серьезно столкнуться с Н.К. Михайловским), и тогда, когда из журнала ушли обиженные им супруги Мережковские, и тогда, когда последние усилия по спасению ежечасника при переговорах с П.Б. Струве не увенчались успехом. Превращение "Северного вестника", по сути, в первый декадентский журнал и формирование репутации Волынского — это особая страница истории русской журналистики.

Впоследствии сама Гуревич в написанной специально для "Русской литературы XX века. 1890—1910" под ред. С.А. Венгерова (1914) «Истории "Северного вестника"» подробно рассказала об атмосфере, сложившейся во время работы над романом "Плоскогорье". Она объяснила, в каком тяжелом состоянии пришлось ей приняться за роман (уход в мир иной близких людей — Н.С. Лескова, Н.Н. Ге, юриста О.М. Лихтенштадта, незадавшиеся контакты с Чеховым, решение М.Н. Альбова отказаться от редакторской роли и т.п.). К тому же редакционный портфель был пуст, надеяться было не на кого, Волынский с Мережковскими отбыл в Италию собирать материал о Леонардо да Винчи. По-прежнему загруженная редакционной работой, Гуревич не могла отдаться писанию романа полностью. "И не зная, как иначе выпутаться", она «взяла стенографистку и стала диктовать ей главу за главой, не имея даже возможности в течение дня что-либо обдумать и привести в порядок. С осени роман стал печататься в "Северном вестнике"² прямо с рукописи стенографистки, почти без поправок <...>» [2, с. 247]. Вскоре была выпущена книга. Однако потом "при первой возможности" автор "изъяла ее из продажи", т.к. считала роман недоработанным, несмотря на имевшие место и "благоприятные отзывы" [2, с. 247].

Мемуаристка в данном случае допускает некоторые неточности. Во-первых, роман в 1897 г. был издан дважды³. Вначале были опубликованы

первые две части с прологом в виде «Приложения к журналу "Северный вестник"»⁴. Все пять частей романа были изданы позже, приблизительно в апреле 1897 г., что подтверждается дарственной надписью на одном из экземпляров⁵. Помимо этого, роман читался в дружеском кругу еще до напечатания его в журнале, что следует из обращенного к автору письма поэта Константина Льдова, на которого роман произвел "отличное впечатление". "Не знаю, что будет дальше, — пишет он, — но вполне уверен в выдающейся талантливости автора выслушанного мною отрывка". И добавляет: "Нечего и говорить, что начало романа куда выше Ваших прежних произведений. Меня чрезвычайно интересует продолжение романа. Я был бы Вам очень благодарен, если бы Вы приступили к дальнейшему чтению как можно скорее" [3, с. 4].

На публикацию первых двух частей не обратили внимания. А вот полное издание романа приковало взоры критиков. И вот почему. Ему было предпослано предисловие, которое сыграло с автором злую шутку, т.к. большинство негативных отзывов было связано именно с ним. Оно возмутило почти всех. На нем мы остановимся несколько более подробно, потому что копия ломались в основном из-за содержащихся в нем пассажей, которые бесконечно цитировались и, опираясь на которые, критики делали выводы относительно замысла произведения и его исполнения.

Надо сказать, что худшего продвижения и популяризации романа нельзя было и придумать. Предисловие было написано в виде прямого *письма-обращения* к Акиме Волынскому, критику, побиваемому камнями едва ли не представителями всех критических лагерей, поднимаемому на смех за его высокопарные изъяснения, велеречивые заклинания, парадоксальные утверждения и выпады, идущие вразрез с традиционными мнениями и установками. Волынский реабилитировал то, что русской демократической общественностью порицалось (творчество Н. Лескова и "Выбранные места..." Н.В. Гоголя), и вообще изничтожил революционеров-демократов как критиков, объявив их нерадивыми учениками,

⁴ В московских библиотеках имеются три экземпляра этого издания, но ни одного полного.

⁵ Текст, состоящий из 5 частей, имеется в библиотеке Пушкинского Дома в двух экземплярах. С разными инскриптами. Один обращен к С.А. Венгерову: "Глубокоуважаемому Семену Афанасьевичу Венгерову на добрую память от автора. 25 апр. 1897". Другой — к Я.П. Полонскому: "Дорогому Якову Петровичу Полонскому, высокочтимому и любимому поэту от искренне преданного автора. 6 мая. 1897".

² См.: Северный вестник. 1896. № 9—12; 1897. № 1—4.

³ Надо сказать, что наличие двух изданий одного года — усеченного (171 с.) и полного (359 с.) — не учтено ни в одном библиографическом описании. Имеются только соответствующие карточки в РНБ. И то, и другое издание было напечатано в типографии М. Меркушева, отчего, возможно, и возникла библиографическая путаница.

не разбирающимися в эстетике. Послание Гуревич шокировало своей откровенностью, ибо содержало признание в самых глубоких чувствах. Автор заявляла о влиянии на нее идей Волынского, которые указали ей путь к постижению новых философских откровений. Они объявлялись ею истиной в последней инстанции. Это был какой-то новый жанр перевода в публичный дискурс личных взаимоотношений. Похоже, что решение о написании такого прямого обращения было принято в самый последний момент, так как под письмом стоит дата 7 апреля. А уже 25 апреля она, как мы помним, дарит книгу С.А. Венгеру. Вполне возможно, что этим письмом Гуревич надеялась вернуть Волынского, может быть, просто усостить или напомнить о себе, поэтому не давала себе отчета в последствиях подобного действия. Это был крик, призыв, явленный в словах благодарности и почитания.

О том, что она хотела с самого начала работы над романом посвятить его Волынскому, Гуревич заявляет в начале посвящения. Затем обосновывает причины такого решения. Писательница пускает читателя в свою творческую лабораторию, рассказывая, как еще пятнадцать лет назад не объединенные фабулой в ее сознании стали возникать отдельные фигуры и сцены. Но они никак не складывались в нечто цельное. Это, считает она, было связано с пониманием ею мироустройства как разделенного на две несоприкасающиеся сферы. Земная жизнь была резко отделена от идеального мира, который никоим образом не участвовал в ее созидании. Поэтому беллетристика, призванная, по убеждению многих, “отражать жизнь”, ее раздражала, она чувствовала ее бездейственность. И только благодаря знакомству с Волынским на нее излился “новый свет”. Его философия позволила ей соединить реальную жизнь с миром идей: “бездонная пропасть открылась за каждым явлением”. И в итоге возникло новое мирозерцание, усвоенное ею “с радостью”, “вошедшее в душу как истина простая, почти очевидная” [4, с. II]. И это новое миропонимание повлияло на ее творчество, ей захотелось описать жизнь ничтожных, мелких людей, не озаренных светом открывшейся ей теперь истины. В основу романа был положен тезис о “человеческой ограниченности и слепоте”. И герои “приобрели выразительность, когда я поняла, что они слепые <...>” [4, с. III]. Тут же автор попыталась сформулировать и свои творческие принципы, но сделала это не совсем удачно (и к этому тоже придрались критики): “Я поняла, что образы фантазии должны быть орудием для выражения определенных идей <...>” [4, с. III].

Тем не менее, основная мысль произведения была выражена достаточно внятно: его герои не переживали “умственного перелома”, они не становились *посвященными*. И хотя они предаются “умствованиям”, но их умные разговоры остаются всего лишь исключительно “бытовым явлением”. Однако предощущение “невидимого света” [4, с. III] оказывается порой доступно и этим слепцам.

Помимо рассказа о замысле и воплощении, Гуревич упоминает и о чисто психологических проблемах, которые в ее жизни также разрешились благодаря участию Волынского, об обретенном ею при знакомстве с его теорией “душевном равновесии”. Завершает она свое письмо-обращение словами благодарности человеку, перевернувшему ее знание о действительности, человеку, “который никогда не скрывает своих прямых мнений и впечатлений”: “... Вы сумели обновить мои наиболее глубокие интересы и стремления, подавленные ошибочными взглядами, дали мне силу трудиться даже при обстоятельствах, стесняющих свободу литературных занятий <...>” [4, с. III].

Насколько обдуманым был этот порыв, можно только гадать. Но то, что именно Волынский провоцировал ее бесстрашие, — несомненно. Но она за него и поплатилась. Книгу начали рассматривать почти исключительно под углом зрения мыслей, выраженных в посвящении, причем поняли содержание романа почти превратно, вменив автору в вину то, от чего она откешивалась, что как раз не хотела запечатлеть. С нее начали спрашивать так, как будто она дала некие обещания, но их не выполнила, хотя в предисловии Гуревич предлагает всего лишь интерпретацию собственного текста, рассказывает о намерениях, а не об осуществлениях. Словно все разом забыли, что саморефлексия писателя совершенно не обязательно полноценно реализуется в его произведениях.

Этим предисловием не преминули воспользоваться в первую очередь противники Волынского, защищавшие реализм, получившие возможность вновь выступить против заявленной им эстетической теории. Практически все рецензенты постоянно обращались к предисловию как к расшифровке замысла, как к идеям, полностью явленным в тексте. Это, конечно, предопределило угол рассмотрения романа, в котором стали вычитывать именно идеи ненавистного критика.

Сгруппировать появившиеся критические отзывы, вычленив сходные идеи, обнаружить горизонтальные связи не так легко, ибо, читая их,

понимаешь, насколько трактовка зависит от методологической установки критика, от его личных вкусов и пристрастий. Кроме того, не следует забывать, что перед нами "мужская критика", пишущая о первых шагах женщины в словесном искусстве.

Наиболее непримиримыми оказались критики-народники, что понятно, так как они как представители ненавистного Волынскому позитивистского мышления нередко становились объектом его критики. Особенно агрессивно оказался настроен А.М. Скабичевский, что вполне согласуется с его принципиальным неприятием женского творчества в целом. Он относился к произведениям, написанным женщинами, всегда свысока и имел в своем багаже несколько весьма суровых приговоров [5]⁶. И хотя на определенном этапе он поместил характеристику женского творчества в своей "Истории новейшей русской литературы. 1848—1903" и даже отметил успехи писательниц в *психическом анализе* [6], но подчеркнул, что их внимание к интимным чувствам определяет бедность наблюдений ими окружающего мира. Вот и теперь критик уверяет, что перед нами "развертывается самый зауряднейший и шаблоннейший роман женского пера, один из тех бесконечных дамских романов, которыми наполняется наша беллетристика многие и многие уже лета" [7, с. 2]⁷. Это такие "грибы-поганки", которые, разлагаясь, удобряют почву и способствуют появлению следующего поколения поганок. Такая уничижительная тирада в адрес женщин-авторов в устах Скабичевского неудивительна, т.к. для него несомненно, что ничего оригинального женщины создать не могут, а процесс творчества протекает у них следующим образом: "Будучи еще в средних классах гимназии <...>, барышни наши начинают уже зачитываться романами и переводными, и оригинальными, а наиболее всего дамскими, и если одна из таких барышень обладает живою восприимчивостью, воображением и маленьким даром бегло излагать свои мысли, то <...> она и сама приступает к опытам написать нечто подобное". Потому-то и выходят из-под их пера "отражения отражений". И, передергивая признание Гуревич, что еще пятнадцать лет назад в ее воображении вставляли ее героини, рецензент определенно заявляет, что на

самом деле это были фигуры и сцены "из массы прочитанных ею романов".

Вся рецензия написана в издевательском ключе: Волынский назван "всесильным магом", который смог произвести "чудесный умственный переворот" в душе Гуревич, а сам роман рассматривается исключительно как проекция идей Волынского. Естественно, что критик пережил "горькое разочарование", ибо надеялся увидеть в нем отблески "того духовного света", который преобразил Гуревич, но там его не оказалось. И дабы сделать наглядным свое недоумение, он прибегает к сравнению прочитанного с блюдом, приготовленным "доморощенным поваром Варфоломеем", который обещал кулинарные изыски под французскими наименованиями, а в итоге предложил "ординарные российские щи с промозглой капустой". В "Плоскогорье" рецензент разглядел только любовную линию (отношения Андрея Тропинина и Нины Загряжской), которую и поднес читателям весьма тривиально — как цепь очарований и разочарований людей, находящихся на разных ступенях социальной лестницы. При этом критик безоговорочно отнес героиню к добродетельным персонажам, в герою акцентировал порочные задатки. Но так как содержание романа Скабичевский передает неточно (у него Андрей умирает от чахотки, а Нина получает от тетки какую-то заграничную "педагогическую командировку"), то создается впечатление, что критик только его пролистал.

Завершает рецензию Скабичевский высмеиванием знаний Гуревич по географии, ибо "сравнение жизни человеческой с плоскогорьем в смысле поднятия путника на высокую гору, на которой оказывается вдруг плоская вершина, никуда не годится". По его мнению, плоскогорья — это "выпуклости на земной коре", которые повышаются совершенно незаметно. Чтобы смягчить свой приговор, Скабичевский снисходительно похлопывает Гуревич по плечу, отмечая "бойкое перо, недурной язык, живую наблюдательность мелких деталей <...>, умение вести сцены и разговоры". Это позволяет ему отнести ее к разряду "заурядных романисток" типа О. Шапир и М. Крестовской с той лишь разницей, что те ведут свое повествование "бесхитростно", а Гуревич выступила с "претензиями" на открытие "мерцания вечного света".

Еще более жестко отозвался о романе А.И. Богданович, находившийся в это время на распутье: он начал изолироваться от народнических кругов, с которыми ранее был тесно связан, стал испытывать тягу к марксизму, но марксистские

⁶ См. его обзор творчества М. Крестовской в: Марья Всеволодовна Крестовская. Сочинения М.В. Крестовской. 4 тома. СПб. 1888—1896 гг. Артистка, роман ее же. СПб. 1896 г. // Скабичевский А. Соч.: В 2-х т. Т. 2. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1903. С. 639—666.

⁷ Здесь и далее приводятся цитаты из указанной статьи.

идеи выражались в его статьях главным образом в критике “обветшалого народничества” и отказе от идеализации крестьянина. Но народническая закваска давала себя знать: он оказался нетерпим ко всем модернистским новациям в литературе. И это очевидно сказалось при характеристике романа. Богданович объединяет себя с “заурядным читателем” (это характерный для критика прием) и его глазами предлагает посмотреть на произведение, которое производит двойственное впечатление: с одной стороны, нарисована широкая картина жизни, с другой — просвечивает тенденция, но что это за тенденция остается тайной. И почти сразу же нивелирует этот в общем нейтральный посыл, заявляя об отсутствии у автора художественного таланта: у Гуревич, “нет *слога*”, ее язык “бесцветный, тягучий <...>, с массой повторений” [8, с. 59]. Но дальнейшее объяснение претензий выявляет эстетические принципы критика, не приемлющего воздушного, акварельного почерка автора, который заменяет описания пейзажей “нагромождением массы отдельных черточек, штрихов, не обладая присущей только художнику способностью схватывать главные, характерные черты <...>” [8, с. 59]. То есть именно импрессионистичность зарисовок природы (в чем как раз Гуревич достаточно сильна) осуждается критиком. То же относит он и к характерам, которые “бледны” и “смутны”. Богданович упрямо настаивает на отчетливой типизации, понимая под нею нечто затвердевшее, устойчивое, отшлифованное временем и явно не подозревает, что впервые замеченные писателем типы могут быть *становящимися, формирующимися, неотчетливыми*.

Но если упрек в невыразительности еще можно отнести к главным героям (что, однако, возможно, и входило в задачу Гуревич, стремившейся запечатлеть колеблющихся и порывисто-нерешительных людей), то подобного нельзя сказать о второстепенных лицах, которых критик тоже посчитал “деревянными манекенами” [8, с. 60]. Но они-то как раз писательнице безусловно удались. Чего стоит один дядюшка Нины, Павел Иванович, сначала тайно и робко влюбленный в племянницу, а потом пустившийся во все тяжкие пропойца, окончательно потерявший себя человек, кончающий самоубийством. Или Нинина хлопчущая о курсах для девиц тетушка Вера Ермолаевна, нелепая эмансипэ 80-х годов, обеспокоенная тем, что учиться на курсы идут одни дурнушки.

Причину безжизненности и вялости романа критик видит в том, что самому автору, как и его героям, не открылась цель жизни. Из дальнейшей его аргументации следует, что цель эта

заключается в проведении в жизнь “простых житейских дел”. Как мы знаем, сам Богданович был сторонником теории “малых дел”, поэтому его и возмутило порицание, которое он расслышал в авторском тоне по отношению к занятой «“низменными” делами» в виде устройства народных школ подруге главной героини. И роман его не устроил именно потому, что Гуревич, будто бы «осуждая “низменное” отношение к простому житейскому делу», не указала, что же она подразумевает под «“высоким” отношением к жизни» [8, с. 62]. Ведь для него Андрей и Нина, отказывающиеся от ежедневной скрупулезной работы, — бездельники по определению. Иными словами, как чаще всего и бывало у критиков, желающих вычитать в книге рецепт того, как надо жить, их недоумение вызывало отсутствие указующего перста, отсутствие героев, могущих служить примером, неготовность к осуждению того, что надо с их точки зрения осудить. Потому и назвал Богданович роман Гуревич “томительно-тягостным” [8, с. 62], не вызывающим у читателя желания ощутить “родственную связь” с его персонажами, которые в свою очередь не внушают “ни интереса, ни сожаления, ни участия” [8, с. 60].

Критик явно настаивает на необходимости эмоционального восприятия текста, подспудно ожидая именно такого эффекта от произведения, написанного женщиной. И вполне возможно, что реплику в одной из появившихся позже рецензий стоит расценить как возражение Богдановичу. Анонимный рецензент журнала “Новое слово”, желая защитить роман, написал, что многие из его знакомых «рыдали, читая некоторые места “Плоскогорья”» [9, с. 64]. Однако к такой защите можно применить слова Грибоедова: “Не поздоровится от этаких похвал...” — так как эту цитату тут же подняли на смех. И напрасно, поскольку есть свидетельства, что у некоторых читателей слезы действительно вызывало чтение этого романа. В этом признавалась автору Мария Ливеровская, женщина высокообразованная, закончившая с золотой медалью Смольный институт, ставшая известной переводчицей (знала 17 языков!), получившая звание сначала магистра, а потом и профессора романо-германской филологии. «Дорогая Любовь Яковлевна, — писала она, — только что кончила читать Ваше “Плоскогорье” и не могу удержаться от нескольких слов... — благодарности.

Вы заставили меня пережить давно забытые впечатления. Я читала, уйдя вся в книгу, ничего не видела и не слышала, что кругом творится! <...>.

Некоторые места захватывали меня до волнения, над одной страницей я плакала... [10, л. 5].

За эти годы, когда я читала новую литературу, я переживала только мучительную тоску и, иногда, негодование. Ваша милая, теплая и такая чистая книжка снова сделала меня ребенком, заставила плакать, волноваться, думать и жить жизнью Ваших героев» [10, л. 5 (об.)]. И далее еще раз корреспондентка акцентировала отличие пафоса романа от современной литературы: «такие вот детские слезы, <...> никто нам не дает из новых» [10, л. 6].

Существует еще один очень подробный разбор романа, так и не увидевший свет, а потому и не прочитанный ни автором, ни современниками. Это отзыв В.Г. Короленко, оставшийся в архиве писателя и озаглавленный весьма красноречиво «“Молодые стремления” в освещении “философского идеализма”». Его публикатор М.Г. Петрова выдвигает две причины такого решения: сочувствие молодой женщине, по сути, брошенной Волынским вместе с погибающим журналом на произвол судьбы, и плохое состояние здоровья самого Короленко. Петрова приводит его ответ приблизительно 1913 года на одно из писем Гуревич, где он сожалеет, что она бросила “писать художественные вещи”, а надо бы продолжать, так как у нее есть “несомненный талант” [11, с. 56]. Собственно, это он отмечал и в рецензии, написанной 15 лет назад: у автора “здоровое чутье природы”, лица нарисованы отчетливо, “сохраняют свои основные черты” [11, с. 57], слог “ясный, свободный и простой”, картины набросаны “мастерски” [11, с. 59]. Однако, думается, что было еще что-то, остановившее Короленко. Отзыв получился объемным, а это значит, что роман задел писателя за живое и показался ему полноценным выразителем того настроения, которое получало все большее распространение в обществе. И, возможно, писатель почувствовал, какое сильное озлобление по отношению к новейшей философии индивидуализма, которую он интерпретирует исключительно как презрение к общественной морали и принципам гуманности, прочитывается в отзыве, и ему показалось, что свое неприятие надо преподнести как-то иначе.

Но, создавая рецензию на конкретное произведение, Короленко на самом деле направлял свои стрелы против символизма и декадентства, которые и питаются теми “мозговыми линиями”, которые открыл Волынский. Однако он с удивлением замечает, что роман лишен примет новаций: перед нами привычный русский реализм. Короленко рассматривает “Плоскогорье”

как пример борьбы, совершающийся в душе Гуревич, которая как редактор декадентского журнала, пропагандирующего новые приемы, вступает в борьбу с Гуревич-писательницей, которая осталась привержена традиции. Заметим, что в отличие от предыдущих критиков Короленко сразу отмечает возможность рассмотрения романа как любовной истории, переводя анализируемый текст в сферу освоения более значимых проблем, которые, как мы понимаем, ему кажутся вполне подвластными женскому перу. Также он встраивает роман в панораму идейных споров между “отцами” и “детьми”, которые ведутся в русском обществе и русской литературе с незапамятных времен. Однако местоположение спорщиков постоянно меняется: то старики брюзжат, недовольные всем новым, то молодежь демонстрирует преждевременное “старчество”. То есть критик с самого начала подходит к роману как идеологическому произведению, рисуя столкновение сторон. Молодежь, по его мнению, сохраняет мечтательность, старики демонстрируют цинизм. Но здесь писательницу подстерегала неудача: она не сумела превратить своих героев в “значительные образы”, не “установила перспективу”, не овладела “художественной мыслью” [11, с. 59].

Главную тему романа он формулирует следующим образом: ранние мечты гибнут в столкновении с жизненной пошлостью. Такое противостояние, на взгляд Короленко, ярко демонстрирует спор, происходящий между Андреем, Ниной и неким Колонтаровым, которого он называет “циником и мефистофелем” [11, с. 58]. (Такое определение представляется нам натяжкой.) Но выбранный подход сразу загоняет нарисованных Гуревич героев в определенные рамки. Следовательно, все выходящее за их пределы будет безжалостно отсекается. Так и происходит.

Казалось бы, Короленко вполне обоснованно предъявляет автору в первую очередь эстетические, а не идеологические требования, что почти всегда звучало в опубликованных рецензиях. Но и он совершает ту же ошибку, что и другие рецензенты, постоянно апеллируя к предисловию как выношенному эстетическому обоснованию созданного текста. А оно, как уже было указано, не совсем точно расставило точки над *i*, было написано под влиянием сложившихся обстоятельств, а не в результате обдуманного решения.

Итак, сделав главной темой романа гибнущие под “ударами судьбы” мечты, Короленко подробно разбирает “состав” мечтаний каждого из главных героев. Особенно достается Нине, которую Короленко упорно именуется Ниночкой, как бы

подчеркивая ее душевную незрелость. Пробуждающуюся женственность героини Гуревич действительно описывает подробно (и внимание к ощущению подростком своего тела выглядит довольно интересно на фоне в целом “бестелесной” русской литературы того времени), но Короленко она кажется избыточной, дающей совершенно искаженное представление о мечтах благонравной идейной девицы. Он довольно язвительно обыгрывает этот пласт романа, говоря, что авторскую версию об одиночестве Ниночки, страдающей от того, что ее не понимают, приходится отставить, так как “о крови (имеется в виду пульсирующий под кожей кровоток, который видит Нина на своей обращенной к солнцу руке. — М.М.), о полковнике, об открытых воротничках и о приеме мужчин” [11, с. 60] девочка могла поговорить с любой женщиной в самой глухой усадьбе. Столь же ядовито рассуждает Короленко и о намерении Нины уехать в Петербург, которое внезапно посетило ее, когда приехавший в усадьбу знаменитый адвокат рассказал о девушке, которая была замешана в известном процессе и решила на визит к высокопоставленному чиновнику. Самой ей не пришло в голову поступить на курсы в столице (эту мысль случайно подсказал ей дядя), зато она хочет всего лишь быть такой же, как “эта красивая, стройная девушка в свистящем шелковом платье” [11, с. 61]. Мечты девушки о платье не дают Короленко покоя. Он все время вспоминает о нем, явно желая доказать ограниченность и пустоту Нины. На его взгляд, мечты Нины сводятся к мечтаниям «о свистящем фаяе и о том, что там “ее оценят”» [11, с. 61]. А потому все происшедшее в романе Короленко подытоживает в словах: “Мы не станем изображать, как все это произошло, какое платье было на Нине и т.д. <...> надемся, что и платье было хорошо, и описано все это г-жей Гуревич превосходно” [11, с. 62].

Также он постоянно обыгрывает словосочетание “смутное ощущение невидимого света” из предисловия. И это позволяет ему призвать к ответу Андрея Тропинина. Он находит для него параллель в русской литературе. Это “человек из подполья” Достоевского, обладатель “дрянного самолюбия”, делающий “злые глупости” [11, с. 62]. Андрей выступает у Короленко “исключительной гадиной” [11, с. 63], перед которой меркнет даже мерзость “человека из подполья”. И рецензент вынужден признать, что, обладая “непосредственным художественным чутьем” [11, с. 62], Гуревич сумела создать образ дрянного и слабого человека, совершающего один дурной поступок за другим. Но Достоевский — в этом

убежден Короленко — определенно осуждает своего героя. А вот у Гуревич такого осуждения нет. Она даже зачем-то «покрывает внутреннюю гниль своего героя разными “золотистостями” ненужных описаний» [11, с. 64]. И опять-таки ожидая, что автор хотела показать “смутное ощущение невидимого света”, он уверяет, что “по какому-то странному недоразумению” Гуревич “свернула в сторону и везет совсем не туда, куда обещала” [11, с. 62].

Почему-то Короленко уверен, что писательница хотела нарисовать и героиню, которая вызывала бы восторг у читателя, которую безоговорочно можно было бы назвать положительной. Понятно, что писателю хочется видеть в героине идейную девушку, решительно и обдуманно порывающую с прежней жизнью. Поэтому он как бы предлагает Гуревич заинтересоваться разочарованными курсистками, которых она обошла вниманием (он бы им посвятил страницы), поэтому он не замечает иронии автора по отношению к ним и к Нининой тетушке, видящей свою миссию в создании хорошей репутации открываемых ею курсов. Он презрительно отзывается о нелепом кокетстве Нины с не нужным ей поклонником (что в свою очередь точно характеризует поведение скучающей, не знающей, чем заняться, девушки). Но в том-то и дело, что в голове героини Гуревич как раз намешано все: и по-детски проявляемое недовольство окружающими, и готовность спорить с ними по любому поводу, и желание иметь платье из фая, и дерзкое желание настоять на своем. Нина подвержена перепадам настроений, живет спонтанно, повинувшись минутным капризам. Поэтому писательница и охарактеризовала своих героев как “слепых” людей, не имеющих высоких целей. Короленко же хочет видеть перед собой роман о крушении идей и о прозрении.

Не принял Короленко и окончание романа, завершающегося смертью Андрея. Здесь он солидаризируется со Скабичевским, уверяя, что Гуревич действовала по *старым рецептам*: “больница, смерть, траурная колесница, Нина в черном платье <...>” [11, с. 63]. Он даже отнес к самому “крупному художественному греху” автора “описанные прекрасно в деталях” [11, с. 63] похороны! К этим “деталю” может быть причислен и рассыпающийся в банальностях над могилой знаменитый адвокат, речь которого Короленко почему-то воспринял всерьез (“адвокат заливается над могилой, и мы обязаны слушать почтительно” [11, с. 63]), в то время как Гуревич с нескрываемой иронией воспроизводит его тирады о бедном трудолюбивом мальчишке, задавленном суетливой

и сумрачной жизнью. Но это ведь пародийный пересказ трафаретного сюжета о погибшем даровании, который как раз и хотела в своем романе опровергнуть писательница, показывая, что отнюдь не только среда, но и психические срывы, и психологические особенности человека, и даже физическое недомогание могут стать препятствиями на пути к духовному выздоровлению.

Короленко-критику кажется, что в конце рецензии он разрешает свои недоумения по поводу несогласованности обещанного и осуществленного. Причина, по его мнению, заключалась в том, что герои Гуревич воображают, что они необыкновенные люди, презирающие остальных как мещан. Вот потому-то Ниночке и нужна любовь «только необычная, не как у всех, а с вывертом, с обстановкой, от которой кто-нибудь ахнет; так, как «никогда не бывает»» [11, с. 64]. И тут он оказывается близок к истине, так как и Андрей, и Нина действительно были подхвачены вихрем презрения к мещанству, увлеклись модой на людей, порывающих с воспитавшей их средой, готовящих себя к чему-то, что они и определить толком не могли, людей мечущихся и недовольных, но не дающих себе труда представить свое будущее. Это были дерзкие «лишние люди» из интеллигентной среды 80-х годов, подготовившие «кризис» 90-х годов, но сами потерявшиеся. Действительно можно согласиться с Короленко, который назвал их поведение «трагедией странных ошибок» [11, с. 65]. Но рецензент считает, что Гуревич обещала писать о людях, озаренных светом надежды, а потому еще большая ошибка совершена самим автором, «уверенным, что он «дал своим героям ощущение высшего света»» [11, с. 65].

Думается, анализ статьи позволил развенчать убеждение Короленко, что в намерение Гуревич входило показать этот «невидимый свет». И верным оказалось наше предположение, что для Короленко роман Гуревич был только предлогом для доказательства тезиса об опасности «декадентской поэзии с ее необычными формами и исканием «новой красоты», демонстрирующей «обстановочный внешний протест против «мещанства»» [11, с. 65]. Рецензия написана с целью противопоставить мнимым противникам буржуазности работу людей, искренне и непосредственно «преданных высшим человеческим интересам» [11, с. 65], не заботящихся о том, как их следует называть, и не стремящихся стать героями и борцами с «мещанством». Следовательно, роман Любви Гуревич стал разменной монетой в жестком споре сторонников реализма и демократических

идеалов с новым искусством и пропагандирующими его людьми.

Однако были все же критики, позитивно воспринявшие «Плоскогорье». Понимание, какую злую шутку с Гуревич сыграло письмо-предисловие, проявил автор анонимной рецензии в «Новом слове». Он взял роман под защиту, напомнив прежде всего, какими «пренебрежительными насмешками» [9, с. 64] он был встречен. И этот критик правильно увидел причину неудачи автора в неуместном предисловии, в котором содержатся не только «похвалы и излияния» г-ну Волынскому, но и навязывание героям некоей «тревожности» и «смутного ощущения невидимого света». Он остановился на эстетических качествах произведения, причислив автора к «тургеневской школе» [9, с. 67] и указав, что этой школе обязана Гуревич лучшими страницами романа, а никак не философским статьям А.Л. Волынского, в чем хочет уверить читателей. Он оценил яркую образительность второстепенных фигур, о которых остальные критики почти всегда умалчивали, но которые как раз дают представление об общественной атмосфере и временных кумирах.

Критик построил свою рецензию на выявлении несоответствия между попытками автора объяснить смысл созданного и тем, что можно обнаружить на самом деле. Но для этого он намеренно (или бессознательно) приземляет содержание произведения, говоря о нем как о «бесхитром рассказе о жизни и страданиях «неудачников»» [9, с. 64], что и обеспечивает, на его взгляд, эмоциональное восприятие текста, делает его близким всем. В качестве главной он выделил любовную линию, но передает нюансы любовных отношений героев не совсем точно, упрощая характеры, лишая сложности переживания. Критик мыслит довольно стереотипно, исповедуя эстетику разночинно-демократической литературы и принципы «натуральной школы». Он склонен обвинить в случившемся «мелкую жизненную борьбу» [9, с. 66], хотя и пишет о «вине» Тропинина, о его «недостаточно стойком» характере. Но упоминает об этом как-то вскользь, как о чем-то несущественном, вновь переводя разговор на тему мелкой будничной жизни, которая и делает людей такими неудачниками.

Гораздо более интересно его суждение о характере Нины. По сути, он в нескольких словах описывает народившийся новый женский тип: «Высота женской натуры пока должна измеряться не столько активной, сколько *потенциальной*, скрытой силой, которая проявляется через любимого мужчину, удесятерая силы последнего»

[9, с. 66]. Но это возможно, считает он, лишь в том случае, когда мужчина стоит “на одной высоте с такою женщиной”, когда он способен “понимать и осуществлять ее идеалы”. Рецензент приводит в пример жену Джона Стюарта Милля, которая постоянно толкала “мужа вперед” [9, с. 66]. Приведенные слова предлагают интерпретировать женские образы XIX в. совсем иначе, чем это обыкновенно делается. Женщина не муза, не идеал, а мотор, двигатель, без которого мужчина остается инертным. Критик “Нового слова”, таким образом, опровергает традиционное представление об этапах раскрепощения женщины. И драматизм в финале, считает он, возникает как раз потому, что Андрей оказался не на высоте Нины. И еще на одну причину их несовместимости указал он (ее упускали из виду остальные!). Это брошенная жена Андрея Аня. Рецензент сочувственно приводит авторское рассуждение о том, какими незримыми нитями мы связаны с покинутыми и не нужными нам людьми, и указывает на него как на глубочайшее наблюдение Гуревич. И сам добавляет, что эта неустрашимая связь с прошлым и есть “одно из вечных <...> страданий человеческой личности” [9, с. 67]. Он же оказался едва ли не единственным, кто внимательно проследил судьбу сестры Андрея Фенички. И хотя и здесь критик оправдывает жестокость Андрея, не пожелавшего помочь сестре, зато точно передает ощущение того ужаса, который обступает живущую не разумом, а чувствами доверчивую Феню.

Внимательно и доброжелательно отнесся к роману и Е.А. Соловьев-Андреевич, напечатавший в газете “Новости” весьма лестный отзыв. Критик к моменту написания рецензии уже испытал серьезное влияние марксизма, поэтому акцентировал внимание на социальном происхождении героев, условиях существования, перспективах классового конфликта⁸. Какие-то подтверждения своей теории о “философии свободы”⁹ он, видимо, постарался почувствовать и в этом произведении. Но рецензия, к счастью, оказалась выходящей за рамки “борьбы партикулярной фуражки с кокардой” [12, с. 1], как впоследствии охарактеризовал его книгу К. Чуковский. Ему

⁸ Подробнее о критической позиции Е.А. Соловьева-Андреевича см.: Михайлова М.В. Забытое имя: Евгений Соловьев-Андреевич (1867–1905). У истоков марксистской литературной теории // Соловьев (Андреевич) Е.А. Опыт философии русской литературы. Избранные труды. М.: Мост Колеров, 2020. 576 с. (Исследования по истории русской мысли. Т. 25).

⁹ Самой известной книгой Е.А. Соловьева-Андреевича была “Опыт философии русской литературы” (1905).

настолько понравился роман, что он отнес его к “превосходным” [13, с. 2] явлениям литературы. И в другой своей статье он отозвался о нем как о “выдающемся” [14, с. 2] произведении. Отсюда следует, что талант Гуревич был признан им безоговорочно. Он посвятил роману подвальный разворот в газете “Новости” сразу после его издания в апреле 1897 года, где дал первой книге Гуревич, на наш взгляд, все же завышенную оценку, обнаружив в романе простоту, соразмерность, единство настроения. Особенно понравились ему “петербургские” главы, посвященные соединению Нины и Андрея (на наш взгляд, довольно слабые). Они показались ему “самыми мучительными и лучшими” [15, с. 3] (имелась в виду, правда, сцена объяснения Андрея с находящейся на краю пропасти сестрой).

Он так же, как и многие рецензенты, критиковавшие роман, приводит цитаты из предисловия. Но если для большинства оно представляло нелепость, алкание каких-то несуществующих идей, то для него за словами об обнаружении писательницей ведущей идеи в жизни стоял поиск смыслов. Многолетняя работа над романом свидетельствует, по его мнению, не о неоформленности замысла, а об огромной требовательности автора к себе. И самое важное: он поверил Гуревич, что та хотела изобразить “слепых людей”, ищущих дорогу к свету и счастью, но избравших неверное направление. А поверив, он смог выстроить свою рецензию как анализ того, как представляет Гуревич эту “слепоту”, насколько ей удалось это показать... Поэтому он и расслышал в повествовании сострадательную ноту по отношению “к несчастным слепцам”. Но все же ведущим, как видится ему, оказался суровый, хотя и “печальный тон” [15, с. 2], очень подходящий для воспроизведения жестоких подробностей жизни. И “в этой суровости”, в “верности жизненной правде и заключается главное достоинство” [15, с. 3] романа.

Критик считает нужным довольно подробно остановиться на событиях, определивших судьбу главного героя, оставляя в стороне рассказ о жизни его сестры, который, признает он, не менее важен, но преподнесен Гуревич несколько шаблонно (при этом, заметим от себя, писательнице удалось глубоко проникнуть в душу простолунки). Он подробно характеризует психологию юноши: завышенная самооценка и рано развившееся самолюбие заставляют его особенно остро переживать и грубость обстановки, и холодность окружающих. Критик находит определение для такого типа: это скрытный мечтатель, чьи мечты книжные, никак не соотносятся с жизнью. Но это

одновременно и точно воссозданный Гуревич тип невольного лжеца, готового приукрасить себя и свое существование, лишь бы завоевать авторитет в глазах окружающих. Андрей готов выдавать желаемое за действительное, вырастая в своих собственных глазах, восхищая Нину. Критик объясняет такое поведение "страхом жизни", давая этому явлению социологическое объяснение: бедность и отъединенность от людского сообщества.

Завязка произведения — знакомство Андрея с девушкой дворянского происхождения Ниной Загряжской. Их взаимный неподдельный интерес друг к другу подогревается тем, что они представители разных социальных миров. А еще оба мечтают о славе, известности, преклонении. Однако каждый из них рисует в своем воображении образ Другого, не совсем соответствующий реальности. Нина видит в избраннике человека труда и упорства, он в ней — доверчивую и наивную душу. Кажется, что Соловьев-Андреевич склонен *оправдывать* поступки Тропинина (его вечное недовольство, равнодушие к жене), но на самом деле критик *объясняет* их, исходя из качеств природы героя, взращенных, пусть и частично, средой и обстоятельствами жизни. Отсюда неспособность Андрея к самоотречению, отсутствие в нем добродушия и иронии. Иными словами, можем сделать вывод мы, Гуревич сделала попытку нарисовать самовлюбленного эгоиста, ополчившегося в озлоблении на весь мир. Но значит ли это, что эгоисты не страдают, задается вопросом рецензент. Нет, отвечает он себе. Их страдания остры и глубоко, подчас невыносимы. Соловьев-Андреевич не досказывает своей мысли, хотя читателю становится почти ясно, что перед нами вариант "подпольного человека", мучителя и жертвы в одном лице.

Но таков герой в первой половине романа. Вторая половина заставляет критика с иными критериями подойти к рассмотрению его психологии. После того, как Андрей использовал самое жестокое средство — бежал от окружающей рутины, оставив без средств существования жену и маленького ребенка, в Петербург, Соловьев-Андреевич начинает рассматривать его поведение с точки зрения психопатологии. Это несколько неожиданный поворот. Вряд ли что-то подобное хотела нарисовать автор. Зато сам критик явно увлечен своим открытием. Он подробно развивает идею, что Андреем овладевает *mania*, подавляющая все остальные "стороны душевной жизни" [15, с. 3]. Таковой становится жажда успеха. Теперь юноша совсем не знает ни жалости, ни сострадания, голос совести совершенно умолкает. Вот

это и есть, по мнению критика, "полная слепота" [15, с. 3]. Трудно сказать, согласилась бы с ним Гуревич, но важно то, что он выделил в замысле автора главное — *слепоту людей*. Соловьев-Андреевич, возможно, и не улавливает религиозный подтекст романа, хотя и пишет о "голоде сердца", то есть тотальном одиночестве, восторжествовавшем в современном христианском мире. На самом деле Гуревич ведет речь, конечно, о духовной слепоте, о греховном состоянии, из которого, вспоминая покинутую жену, только на смертном одре начинает выходить Андрей. И Нина, самозабвенно ухаживающая за умирающим, оказывается только стоящей на пороге просветления. Ей предстоит еще долгий путь освобождения от гордыни.

Соловьев-Андреевич, однако, предпочитает исследовать личность героя, отталкиваясь от физиологических проявлений болезни. (Андрей умирает от туберкулезного менингита. И если все остальные критики подсмеивались над его постоянной головной болью, Соловьев-Андреевич увидел в этом точно зафиксированный автором симптом.) В итоге в трактовке критика Андрей предстает как "живой мертвец, человек, загнивавший себя идеей неудачи и бессилия, <...> как прежде он гипнотизировал себя идеей успеха" [15, с. 3]. Это уже тень, призрак, которому мучительно дается каждый день. Холодная и черствая жизнь заканчивается на больничной койке в бреду и ночных кошмарах. А поведение Нины, ранее отдавшей ему "в каком-то тревожном героическом порыве" [15, с. 3], критик рассматривает как проявление традиционной женской жертвенности, принявшей форму "страстной готовности излечить его от самого себя" [15, с. 3]. Довольно нетривиально интерпретирует Соловьев-Андреевич и причины, по которым Андрей принял жертву Нины. Он прочитывает в этом и месть людям, которые когда-то оттолкнули его, и "взрыв больного животного чувства", и "последнюю вспышку самосохранения". Но о любви речи нет. "... ему нужна была сиделка, а не любящая женщина" [15, с. 3], — таков вердикт рецензента.

Отыскал рецензент в романе и недостатки. Это "соединение" двух сюжетов — один о брате, другой о сестре — в одном произведении! Промахом автора считает он и пропуск в описании студенческого периода в жизни Андрея, которые пришлось на середину восьмидесятых. Воспроизведение студенческой атмосферы, на его взгляд, могло бы дополнительно объяснить отдельные черточки в характере героя (критик не удержался и сам дал

яркую картину студенческой жизни того времени, участником которой был).

О романе отозвался и собрат Соловьева-Андреевича по критическому цеху — Владимир Михайлович Шулятиков, уже не просто испытавший влияние марксизма, но проводивший довольно четкую марксистскую линию в критике, причем в ее самом прямолинейном вульгаризирующем варианте. К достоинству его отклика следует, однако, отнести то, что он рассмотрел роман в рамках “женской” литературы (он берет в кавычки этот эпитет, понимая, что терминологически понятие не до конца устоялось, хотя им и пользуются с 40-х годов XIX в.), то есть объединил произведение Гуревич с работами еще двух писательниц. На этом основании он обозначил некоторые особенности, присущие женской литературе 90-х годов в целом, и высказал свои пожелания относительно ее развития в дальнейшем.

Критик не вдавался в подробности настроений, не касался импульсов, побудивших Гуревич взяться за перо, не замечал ни эстетических достоинств, ни промахов, хотя несколько его замечаний все же можно отнести к области поэтики: “Г-жа Гуревич проявляет склонность к философским обобщениям; ее роман — плод долговременной рефлексивной работы; он написан очень умно и с большим тактом, но от него веет холодом. Заметна в романе также склонность к декадентским мотивам” [16, с. 3]¹⁰. Не обратив внимания на предисловие, Шулятиков предложил под определенным углом зрения расшифровать авторскую позицию, имея в виду тот набор признаков, которые должны присутствовать в современной женской литературе. Констатируя происходящие в обществе изменения (на общественной арене возникла “новая женщина”, которая начинает трудиться, чтобы стать материально независимой¹¹), Шулятиков ждет от современных романисток ее изображения, но ни у одной из них (анализируются также романы К. Ельцовой и Т. Барвенковой) этого и не находит. Роман Гуревич для него всего лишь “поэма любви”, раскрывающая “жизнь сердца”, то есть заведомо устаревший, отражающий прежнюю фазу существования женщины, «когда завоевание семейного счастья было единственным требованием большинства женщин, когда радикалками считались те женщины, которые, стремясь завоевать себе счастье, проповедовали свободу чувства; когда авторы

романов наделяли своих героинь лишь двумя качествами: способностью “сильно” любить и способностью энергично бороться за свое счастье против всевозможных препятствий и светских предрассудков». Почему же не изображают писательницы «девушек, живущих “новыми” идеями, принципами, убеждениями, кровных детей известной социальной и культурной обстановки»?

Тем не менее, он уверен, что Гуревич пыталась нарисовать именно “новую женщину”, однако почему-то не уделила внимания “описанию того общества, среди которого развивалась” героиня, «описанию процесса того экономического крушения семьи Загряжских, которое сделало Нину “новой женщиной”, не рассказала о характере ее “умственных интересов”. Тут Шулятикова осеняет догадка: возможно, Гуревич хотела нарисовать не тип женщины, стремящейся вырваться из силков экономической зависимости, а новый *психологический* женский тип, чья любовь “мучительна и болезненна” в отличие от не знающих колебаний девушек 60-х годов. Героини анализируемых романов «страдают вечной душевной раздвоенностью, вечно колеблются между самыми противоположными настроениями и идеями, вечно ведут войну сами с собой, вечно жалуются на свое слабование и бессилие; родовые и кастовые инстинкты сохраняют над ними могущественную власть и только после самой упорной борьбы уступают поле сражения “новым” стремлениям». То есть критик увидел новаторство писательниц именно в воспроизведении новой психологии, в углубленном психологизме. Однако финал прочитал опять-таки предельно прямолинейно: читатель расстается с Ниной, преисполненной «“новыми” стремлениями». Что это за “новые” стремления, Шулятиков не объяснил. Неужели о работе, способной обеспечить ей материальную независимость? Зато резюме прозвучало как квинтэссенция вульгарного социологизма: в романе “вопрос о самостоятельном труде женщины не получил должного освещения”, автор не подчеркнул “с должной силой тех форм борьбы за существование, которые разлучили” влюбчивых девушек «с уютными “дворянскими гнездами”». На самом же деле мы оставляем героиню, погруженную в раздумья над прошедшими годами, только что встретившуюся лицом к лицу со смертью. Какой урок вынесет она, нам остается только гадать...

Как видим, роман оказался не прочитан или прочитан весьма своеобразно даже теми критиками, которые решили поддержать Гуревич. И думается, что это не могло не огорчить автора. Однако он дал импульс к наблюдению над

¹⁰ Далее цитаты приводятся по указанному изданию.

¹¹ Шулятиков связывает ее появление, как и вообще все процессы в мире, с новыми способами ведения хозяйственной деятельности.

творческой эволюцией писательницы. Свой отзыв на следующее произведение Гуревич, рассказ "Тоска", состоящий, как ему показалось, из "отрывков, без конца и начала" [13, с. 2], Соловьев-Андреевич уже мерил высшей мерой, потому и остался им недоволен. На сборник малой прозы, выпущенный в 1904 г., «"Седок" и другие рассказы» [17] отозвался В. Боцяновский. Он, сравнив рассказ Чехова "Тоска" и рассказ Гуревич "Седок", уловил в ее поэтике чеховские нотки, однако не заметил, что автор попыталась создать символично-условную фигуру, где "седоком" является не конкретный человек, а все обстоятельства, все условия, которые загоняют извозчика Ивана в угол, не давая ощутить себя человеком. Поэтому, когда Ивана в беспамятстве отвозят в участок, можно сказать, что всевластный Седок довершил начатое дело. Однако Боцяновскому рассказ показался "несложным", состоящим из одного "описания" [18, с. 3]. И критик произносит приговор: за простые и несложные сюжеты нельзя братья писателям с небольшим дарованием, какой и является Гуревич. Думается, такая твердость в отстаивании своей позиции проистекала у Боцяновского еще и от того, что рассказ похвалил В. Брюсов, усмотревший в образе всеильного Седока, понукающего возницу, символику, хотя и отметивший, что автор прибегнул к ней скорее из желания "не быть шаблонным" [19, с. 503]. Боцяновский же, как известно, был приверженцем реалистического искусства.

Отозвалась на рассказы Гуревич и отслеживающая проявления женской специфики в литературе Е.А. Колтоновская. Однако отзыв вышел снисходительно-формальным, вероятнее всего, потому, что Колтоновской был не близок тип героини, к которому, как ей показалось, сама Гуревич испытывала симпатию: "нежные, поэтические, глубоко женственные натуры, способные беззаветно любить и находящие себе полное выражение только в любви" [20, с. 130]. Чувствуется, что проза Гуревич ее не задела, что такое "типично-женское настроение" вызывает внутреннее сопротивление критика, тем более что даже мужчины в исполнении писательницы выходят "слишком женоподобны" [20, с. 131]. Но все же ею отмечены изящество книжки, искренность тона, тонкий психологизм, но ни глубины замысла, ни яркой изобразительности она не обнаружила.

Интересна оценка прозы Гуревич Ф. Батюшковым. Чуткость критика позволяет ему понять, что автор не придерживается принципов старой "реалистической школы", рисуя не "уголки жизни", а "уголки души" [21, с. 116], то есть решаются

психологические задачи. Он рассматривает созданное Гуревич как "изящные, тонкой ажурной работы наброски", как нечто, призванное вызвать у читателя определенное настроение. Поэтому Батюшков справедливо не останавливается на темах, которые банальны, понимая, что "вся суть в изложении" [21, с. 116]. И он верно угадывает направление поисков Гуревич, ее устремленность к символическому обобщению, которое имеет место в рассказе "Седок", где образ лишается "своей конкретной оболочки" [21, с. 117]. Подобное не встречается в других рассказах, зато в каждом из них присутствует "оригинальное освещение", образующее в итоге "узорчатый, как кружево, эскиз, выразительный в своей сжатости" [21, с. 117]. И душевные состояния своих героев писательница также рисует "с большой выразительностью" [21, с. 117]. По всей видимости, счел критик, она видит своей задачей обрисовку "изолированных настроений" [21, с. 118]. При этом Гуревич не упускает из виду "общий фон общественно-этических воззрений", что в эпоху торжества "антисоциального индифферентизма" [21, с. 118], по мнению критика, представляет собою особую ценность. Расшифровать эту фразу можно так: именно в гуманистическом ядре произведений Гуревич ощущается ее связь с традициями классической русской литературы.

Пожалуй, только Батюшков произвел оценку писаний Гуревич в перспективе ее эволюции как писательницы, подсказал, в каком направлении ей следует развиваться. Он видел ее дальнейшее развитие в рамках импрессионистической прозы. Но, видимо, это уже не могло исправить положения, так как неудача с романом, его весьма произвольные оценки, которые проистекали из несоответствия заранее вызревших в сознании критиков схем и концепций тому, что они анализировали, отбили у нее желание продолжать художественные опыты. Она опубликовала еще несколько произведений – повесть "К солнцу" (1905), рассказ "Брат" (1907), драму "Смена" (1907), прошедшие практически незамеченными. И впредь Гуревич предпочла сама быть критиком и выносить собственные суждения по поводу созданного другими творцами. Однако все же не смогла до конца преодолеть свою тягу к художественному творчеству. Имеются сведения, что она предполагала вернуться к роману и переработать его приблизительно в 1913 году. Такой вывод можно сделать из письма к ней Марии Ливеровской, которая пишет: "Я слыхала, что Вы взяли за обработку романа, приветствую Вас от всей души, но хочу просить Вас писать еще и еще, т.к. нужны людям современности такие вот чудесные

переживания <...>” [10, л. 5 (об.)]. И добавляет, что хотела бы вновь перечитать роман уже в переработанном виде и даже «многим хотела бы дать почитать “Плоскогорье”, да не знаю, не лучше ли тогда дать, когда Вы его переработаете? Хотя мне не мешали длинноты нисколько, и я вчитывалась в каждую мысль» [10, л. 8–8 (об.)].

Следовательно, вывод, что именно резкие критические суждения, а тем более “мужская критика” заставили ее прервать работу в сфере художества, не совсем основателен. Однако проведенный анализ позволяет сделать несколько наблюдений над приемами критиков, не принимавших женского творчества. Так, дабы его принизить, при пересказе содержания прибегают к просторечным выражениям, что сразу уплощает и опошляет сюжет. Например, у Скабичевского Андрей сначала “прозябал в уездном городишке”, а потом “начал фыркать и пилить героиню”, а его сестру Феню “сманил офицер” и т.п. Постоянное прибавление уменьшительно-ласкательного суффикса к имени героини (Ниночка) и героя (Андрюша), как это делает Короленко, превращает повзрослевших молодых людей в несмышленишек, неспособных управлять своими желаниями и эмоциями. Фиксация на эмоциональной составляющей как обязательном компоненте женской прозы в подтексте лишает ее интеллектуального начала. А о том, что оно было и прочитывалось внимательным читателем, опять-таки свидетельствует признание Ливеровской: «И мысль Ваша о “слепых” так близка и понятна мне самой, только что прозревшей. Я иду ощупью, еще неуверенная в своих силах <...>, но с каждым днем растет моя радость и вера, <...> я знаю, куда идти» [10, л. 6].

И все же все указанные моменты, присутствующие в критических отзывах, наряду с предельно вольной интерпретацией идейного содержания романа, подспудно подействовали на Л.Я. Гуревич, притормозив, а потом и вовсе прервав ее деятельность на беллетристическом поприще.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Станиславский К.С.* Собр. соч.: В 8 т. Т. 1. Моя жизнь в искусстве. М.: Искусство, 1954. 352 с.
2. *Гуревич Л.Я.* История “Северного вестника” // Русская литература XX века (1890–1910) / Под ред. проф. С.А. Венгерова. В 2-х кн. Кн. 1. М.: Издательский дом “XXI век – Согласие”, 2000. С. 228–252.
3. *Льдов К.* Письмо к Л.Я. Гуревич 2 июня 1896 г. // ОР ИРЛИ. Ф. 89. № 19986. Л. 4.
4. *Гуревич Л.Я.* Плоскогорье. Роман в 5 частях. СПб.: Типография М. Меркушева, 1897. 359 с.
5. *Скабичевский А.М.* Сочинения А. Скабичевского: В 2 т. Т. 2. СПб.: Типография Ю.Н. Эрлих, 1903. С. 639–666.
6. *Скабичевский А.М.* История новейшей русской литературы. 1848–1903. СПб.: Общественная польза, 1903. С. 384–387.
7. *Скабичевский А.М.* Текущая литература. “Плоскогорье”, роман в пяти частях Л.Я. Гуревич. Пб. 1897 г. // Сын Отечества. 1897. № 145. 30 мая. С. 2.
8. *Богданович А.И.* Беллетристика. Плоскогорье. Роман в пяти частях Л.Я. Гуревич. СПб., 1897. Ц. 1 р. 25 к. // Мир божий. 1897. № 7. Отд. II. С. 59–62.
9. *Б.П.* Новые книги. Беллетристика. Л.Я. Гуревич. Плоскогорье, роман в пяти частях. СПб., 1897 // Новое слово. 1897. № 10. С. 64–67.
10. *Ливеровская М.* Письма к Л.Я. Гуревич // ОР ИРЛИ. Ф. 89. № 19972. Л. 5–8 (об.).
11. *Петрова М.Г.* Неопубликованная статья В.Г. Короленко. Вст. ст., публ. и прим. М.Г. Петровой // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2003. Т. 62. № 4. С. 56–66.
12. *Чуковский К.* Заметки читателя. О г. Е. Соловьеве. “Опыт философии русской литературы” // Одесские новости. 1905. № 6589. С. 1.
13. *Скриба [Соловьев-Андреевич Е.А.]* Литературная хроника // Новости. 1897. № 327. С. 2.
14. *Скриба [Соловьев-Андреевич Е.А.]* Литературная хроника. Литература в 1897 г. // Новости. 1898. № 2. С. 2.
15. *Скриба [Соловьев-Андреевич Е.А.]* Литературная хроника. Плоскогорье, роман Л.Я. Гуревич // Новости. 1897. № 132. С. 2–3.
16. *Шулятиков В.* Три романистки // Курьер. 1901. № 139. С. 3.
17. *Гуревич Л.Я.* Седок и другие рассказы. СПб.: М.В. Пирожков, 1904. 284 с.
18. *Боцяновский В.* Критические наброски // Русь. 1904. № 308. С. 3.
19. *Пентуар [Брюсов В.Я.]* Л. Гуревич. Седок и другие рассказы. Изд. М. Пирожкова. СПб., 1904 // Весы. Ежемесячник литературы и искусства. 1904–1909. В 4 т. Т. 1. Кн. 1. 1904 год / Сост. Т.В. Игошева, Г.В. Петрова. М.: Азбуковник, 2021. С. 503.
20. *Колтоновская Е.Л.* Гуревич. Седок и другие рассказы. Пб., 1904 // Образование. 1904. № 12. Отд. III. С. 128–131.
21. *Батюшков Ф.Д.* Беллетристика. “Седок” и другие рассказы Л. Гуревич. Изд. Пирожкова. Пб., 1904 г. // Мир божий. 1904. № 11. Отд. II. С. 116–118.

REFERENCES

1. Stanislavsky, K.S. *Moya zhizn v iskusstve* [My Life in Art]. *Sobr. soch.: V 8 t. T.1.* [Collected Works: In 8 Vols. V. 1]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1954. 352 p. (In Russ.)
2. Gurevich, L.Ya. *Istoriya "Severnogo vestnika"* [History of "Northern Bulletin"]. *Russkaya literatura XX veka (1890–1910)* [Russian Literature of the Twentieth Century (1890–1910)]. In 2 Books. Book. I. Moscow, Izdatelskij dom "XXI vek – Soglasie" Publ., 2000, pp. 228–252. (In Russ.)
3. Ldov, K. *Pismo k L.Ya Gurevich 2 iyunya 1896 g.* [Letter to L.Y. Gurevich, 2 June 1896]. OR IRLI. F. 89. No. 19986. L. 4. (In Russ.)
4. Gurevich, L.Ya. *Ploskogorye. Roman v 5 chastyah* [Flatland. Novel in 5 Parts]. St. Petersburg, Tipografiya M. Merkusheva Publ., 1897. 359 p. (In Russ.)
5. Skabichevsky, A. *Soch.: V 2-h t. T. 2.* [Collections: In 2 Vols. T. 2]. St. Petersburg, Tipografiya Yu.N. Erlih Publ., 1903, pp. 639–666. (In Russ.)
6. Skabichevsky, A.M. *Istoriya novejshej russkoj literatury. 1848–1903* [History of Modern Russian Literature. 1848–1903]. St. Petersburg, Obshchestvennaya polza Publ., 1903, pp. 384–387. (In Russ.)
7. Skabichevsky, A.M. *Tekushchaya literatura. "Ploskogorye", roman v pyati chastyah L.Ya. Gurevich. Pb. 1897* [Current Literature. "Flatland", Novel in Five Parts by L.Y. Gurevich. Pb. 1897]. *Syn Otechestva* [Son of the Fatherland]. 1897, No. 145, May 30, p. 2. (In Russ.)
8. Bogdanovich, A.I. *Ploskogorye. Roman v pyati chastyah. L.Ya. Gurevich. SPb., 1897* [Flatland. Novel in Five Parts. L.Ya. Gurevich. SPb. 1897]. *Mir Bozhiy* [God's World]. 1897, No. 7, Otd. II, pp. 59–62. (In Russ.)
9. [B.P.] *L.Ya. Gurevich. Ploskogorye, roman v pyati chastyah. SPb., 1897* [Gurevich. Flatland, Novel in Five Parts. St. Petersburg, 1897]. *Novoye Slovo* [New Word]. 1897, No. 10, pp. 64–67. (In Russ.)
10. Liverovskaya, M. *Pisma k L.Ya. Gurevich (odno iz nih) 17 noyabrya 1913 g.* [Letters to L.Y. Gurevich (One of them) 17 November, 1913]. OR IRLI. F. 89. No. 19972. L. 5–8 (ob.). (In Russ.)
11. *Neopublikovannaya statya V.G. Korolenko. Vst. st., publ. i prim. M.G. Petrovoj* [Unpublished Article by V.G. Korolenko. Insert Article, Caption and Note by M.G. Petrova]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seria literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2003, Vol. 62, No. 4, pp. 56–66. (In Russ.)
12. Chukovsky, K. *Zametki chitatelya. O g. E. Solovyove. "Opyt filosofii russkoj literatury"* [Reader's Notes. On g. E. Solovyov. "The Experience of the Philosophy of Russian Literature"]. *Odesskie novosti* [Odessa News]. 1905, No. 6589, March 14, p. 1. (In Russ.)
13. Skriba [Solovyov-Andreevich, E.A.]. *Literaturnaya hronika* [Literary Chronicle]. *Novosti* [News]. 1897, No. 327, November 27, p. 2. (In Russ.)
14. Skriba [Solovyov-Andreevich, E.A.]. *Literaturnaya hronika. Literatura v 1897 g.* [Literary Chronicle. Literature in 1897]. *Novosti* [News]. 1898, No. 2, January 2, p. 2. (In Russ.)
15. Skriba [Solovyov-Andreevich, E.A.]. *Literaturnaya hronika. Ploskogorye, roman L.Ya. Gurevich* [Literary Chronicle. Flatland, a Novel by L.Ya. Gurevich]. *Novosti* [News]. 1897, No. 132, May 15, pp. 2–3. (In Russ.)
16. Shulyatikov, V. *Tri romanistki* [Three Novelists]. *Kurier* [Courier]. 1901, No. 139, May 22, p. 3. (In Russ.)
17. Gurevich, L.Ya. *Sedok i drugie rasskazy* [The Rider and Other Stories]. St. Petersburg, M.V. Pirozhkov Publ., 1904. 284 p. (In Russ.)
18. Bocyanovsky, V. *Kriticheskie nabroski* [Critical Sketches]. *Rus* [Rus]. 1904, No. 308, October 19, p. 3. (In Russ.)
19. Pentuar [Bryusov, V.Ya.]. *L. Gurevich. Sedok i drugie rasskazy. Izd. M. Pirozhkova. SPb., 1904* [L. Gurevich. The Rider and Other Stories. Ed. by M. Pirozhkov. St. Petersburg. 1904]. *Vesy. Ezhemesyachnik literatury i iskusstva. 1904–1909. V 4 t. T. 1. Kn. 1. 1904 god* [Libra. Monthly of Literature and Art. 1904–1909. In 4 Vols. V. 1. Book 1. 1904]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, p. 503. (In Russ.)
20. Koltonovskaya, E.L. *Gurevich. Sedok i drugie rasskazy. Pb., 1904* [Gurevich. The Rider and Other Stories]. *Obrazovanie* [Education]. 1904, No. 12, III, pp. 128–131. (In Russ.)
21. Bat-ov F. [Batyushkov, F.D.]. *"Sedok" i drugie rasskazy L. Gurevich. Pb., 1904* ["The Rider" and Other Stories by L. Gurevich. Ed. by Pirozhkov. Pb., 1904]. *Mir Bozhiy* [God's World]. 1904, No. 11, II, pp. 116–118. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 3 марта 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 31 марта 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
 Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on March 3, 2023
Revised on March 31, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026315-2

Семантика *conscience* в “Ричарде III”: “червь”, “трус”, “свидетель”

© 2023 г. Н. Э. Микеладзе

Доктор филологических наук,
профессор Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 125009, Москва, ул. Моховая, д. 9
fornatalia@bk.ru

Резюме. В статье рассмотрен ряд значений многозначного слова “conscience”, определяющий религиозно-нравственную концепцию пьесы “Ричард III”. Показаны библейские корни этих значений, к которым через голову некоторых сложившихся идиом возвращал своего зрителя Шекспир, в том числе истоки пословицы из *Adagia* Эразма “Conscientia mille testes”. Изучая три соотнесения Шекспиром в ранней пьесе *conscience* с трусостью (“трусом”), которое станет фразеологизмом только после “Гамлета”, автор выявляет исходное содержание этого уподобления, его связь с темой совести и мысли язычников в Послании к римлянам (Рим. 2: 15) и приходит к выводу, что именно этот двойственный комплекс (разделение “совести”, ведущей к раскаянию, и “мыслей” как сознания без раскаяния) предопределил два расходящихся вектора прочтений связки “conscience – coward” в “Ричарде III”, а затем в “Гамлете”. Нередко эта двойственность приводит к неясности, парадоксальным трактовкам, недоразумениям. Между тем, из двух векторов для Шекспира в каждом случае верен лишь один, и он зависит от значения слова “conscience”. Упомянутая с досадой наемным убийцей “conscience”, с которой “становишься трусом” (I, 4, 134), – это совесть, иначе говоря, восприимчивость человека к божественному (нравственному) закону. В том же ряду и “знакомое только трусу слово совесть” (V, 3, 309) – раздражающее узурпатора-Ричарда учение Христа. Тогда как “coward conscience” (V, 3, 179) проснувшегося в холодном поту тирана уже не совесть, а “трус”-разум, порождающий страх расплаты. Статья также предоставляет аргументы для трактовки соответствующего выражения в “Гамлете” (III, 1, 83).

Ключевые слова: значения слова “conscience,” “Ричард III” Шекспира, совесть и сознание в Новом Завете, “Conscientia mille testes”, библейские корни пословицы Эразма, метафора совесть-“свидетель” в Послании к Римлянам, значение сравнения “conscience – coward” в “Гамлете”.

Для цитирования: Микеладзе Н.Э. Семантика *conscience* в “Ричарде III”: “червь”, “трус”, “свидетель” // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 58–63. DOI: 10.31857/S160578800026315-2

Semantics of *Conscience* in *Richard III*: “Worm”, “Coward”, “Witness”

© 2023 Natalia E. Mikeladze

Doct. Sci. (Philol.),
Professor at the Lomonosov Moscow State University,
9 Mokhovaya Str., Moscow, 125009, Russia
fornatalia@bk.ru

Abstract. The article surveys a number of meanings of the polysemantic word “conscience”, which defines the religious and moral concept of Shakespeare’s *Richard III*. The biblical roots of these meanings are shown, to which Shakespeare returned his public over well-known idioms, including the origins of the proverb from Erasmus’ *Adagia* “Conscientia mille testes”. Studying Shakespeare’s three early correlations of conscience with cowardice (“coward”), which will become a part of proverbial language only after *Hamlet*, the author

reveals the original content of this comparison, its connection with the theme of “conscience” and the “thoughts” of the pagans as a “witness” in the *Epistle to the Romans* (Rom. 2:15). We come to the conclusion that it is this dual complex (separation of *conscience* leading to repentance, and *thoughts* as awareness without repentance) that predetermined two divergent vectors of reading the “conscience – coward” verbal link in *Richard III*, then in *Hamlet* and after. This duality often leads to ambiguity, paradoxical interpretations, misunderstandings. Meanwhile, of the two vectors for Shakespeare only one is true in each case, and it depends on the meaning of the word “conscience”. Mentioned with annoyance by the Murderer “conscience” which “makes a man a coward” (I, 4, 133–134), is a person’s susceptibility to the divine (moral) law named “conscience”. The same with “Conscience is but a word that cowards use” (V, 3, 309) – the teaching of Christ that irritates the usurper-Richard. Whereas the “coward conscience” (V, 3, 179) of a tyrant who wakes up in a cold sweat is no longer conscience, but a “coward”-mind that gives rise to fear of retribution. The article also provides arguments for interpreting the corresponding expression in *Hamlet* (III, 1, 83).

Key words: meanings of the word “conscience”, *Richard III* by Shakespeare, conscience and consciousness in the New Testament, “Conscientia mille testes”, biblical roots of Erasmus’ proverb, metaphor conscience-“witness” in the *Epistle to the Romans*, meaning of the comparison “conscience – coward” in *Hamlet*.

For citation: Mikeladze, N.E. *Semantika conscience v Richarde III: “cherv”, “trus”, “svidetel”* [Semantics of Conscience in *Richard III*: “Worm”, “Coward”, “Witness”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 58–63. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026315-2

В ранней пьесе Шекспира “Ричард III” одним из краеугольных понятий является *conscience*. Оно определяет ее религиозно-нравственную концепцию. Шекспир разъясняет своей аудитории это понятие с помощью трех базовых определений (образных и смысловых соотношений), на первый взгляд, далеких друг от друга и происходящих из разных культурных контекстов: “червь”, “трус” и “свидетель”. Мотив *conscience* развивается в пьесе не линейно, но толчками, контрапунктно, с нарастающим к финалу, как по экспоненте, столкновением значений. Учитывая исключительную важность понятия *conscience* в религиозном, этическом, культурном и социальном контексте века Шекспира (см. [1]; [2]; [3]), а также не решенную до сих пор проблему трактовки закрепившегося после “Гамлета” в качестве идиомы сравнения *conscience – coward* (см. [4]; [5]; [6])¹, проанализируем все три лексико-семантические связки, фиксируемые в тексте пьесы “Ричард III”. В них правомерно видеть фундамент дальнейшего развития этого многозначного понятия в драматургии Шекспира и последующей английской культуре. Ведь даже трактат авторитетного

¹ Кэтрин Бэлси пытается оспорить понимание многими критиками (Дж.Д. Уилсоном в 1930-е годы, Дж.Б. Эвансом в 1974 г.) *conscience* в III.1.83 “Гамлета” (“Thus conscience does make cowards of us all”) как “сознание”, “размышление”, “раздумье” (*consciousness, reflection*) [4, p. 127]. С Бэлси соглашается Х. Дженкинс в Арденском издании 2-й серии [5, p. 492–493]. Но подготовители 3-й серии Ардена Э. Томпсон и Н. Тэйлор отказываются от прочтения Дженкинса и возвращаются к значению “самоанализ” (*introspection*) [6, p. 287]. А. Столл в 2017 г. стремится, вероятно, окончательно решить проблему, соединив несоединимое посредством выражения “consciousness of conscience” [3, p. 8].

богослова Уильяма Перкинса (1558–1602) “Рассуждение о совести” (*A Discourse of Conscience*) датирован 1596 годом, тогда как шекспировский “Ричард III” определенно шел на сцене несколькими годами ранее.

Совесть – “червь”

В поэме Томаса Сэквила “Жалобы Генри, герцога Бакингема” из второй части “Зеркала для правителей” (1563) соучастник злодеяний Ричарда Глостера герцог Бакингом жаловался:

Как рану, мы в себе дела свои
Носили, и, как червь, нас источила
Большая совесть².
(And gnawing worme that grau’d our conscience so)
[7, p. 342]

“Пусть совесть душу источит, как червь!” – проносит в пьесе “Ричард III” одно из своих проклятий старая королева Маргарита (“The worm of conscience still begnaw thy soul” – I, 3, 221)³. В век Шекспира так звучало пожелание одной из страшнейших мук на земле и в аду. Откуда взялось это сравнение? Представление восходит к пророку Исае (66: 24), у которого сказано о трупах отступников от Бога: “...червь их не умрет...” (“for their worme shall not dye”). У Исая речь идет о мертвых в долине Еннома и реальных

² Русский перевод М. Савченко по рукописи переводчицы, принятой к изданию редколлекцией “Литературных памятников”.

³ Пьеса “Ричард III” цитируется с указанием акта, сцены, строки по изданию [8]. Русский перевод М. Савченко за исключением особых случаев.

червях. Однако глосса Женевской Библии [9] к слову “worme” поясняет: “Meaning, a continual torment of conscience, which shall ever gnaw them, and never suffer them to be at rest” (“нескончаемые муки совести, которая вечно грызет их и никогда не дает им покоя”). Обращая тем самым реальность в аллегорию, червя – в совесть.

Известно, что “черви совести” были персонажами в народных представлениях средневековых пьес. В отчетах мистерий Ковентри сохранились записи о выплате 16 пенсов “двум червям совести” [10, р. 212]. В знакомом нам русском переводе они неточно названы “червями, подтачивающими совесть” [11, с. 11], в оригинале же именно “worms of conscience” (черви совести, которые подтачивают, грызут душу). Насиб Шахин признает *совесть-червя* “общей метафорой”, но “не библейской реминисценцией” [10, р. 213]. Непонятно почему, ведь сама эта метафора, прежде чем закрепиться и стать общим местом, родилась из трактовки Женевской Библии.

Между тем, есть еще одно обстоятельство, позволяющее нам предположить у Шекспира в “Ричарде III” все же именно библейскую реминисценцию. Но не к пророкам Ветхого Завета, а к Евангелию. Евангелист Марк, говоря о соблазнителях-растлителях, четырежды упоминает “неумирающего” “червя их” (9: 44, 45, 46, 48), переосмысляя пророков и сблизая “геенну огненную” с адом. Предваряют же это известное рассуждение Марка слова о “жерновном камне на шею” для соблазняющих “малых сих” (9:42). Та же лексика и образность сопровождает шекспировского Ричарда: он наставляет наемных убийц брата заменить “слезы глупцов” “жерновами” (millstones – I, 3, 352), и сам способен плакать лишь “жерновами вместо слез” (I, 4, 239). Тем самым в пьесе идет двойной повтор, рассчитанный на театральную аудиторию, чтобы расслышали даже “не имеющие уши”.

Таким образом, метафора *совесть – червь* используется Шекспиром в идиоматической, хорошо знакомой публике форме. Но при этом, как показывает лексический контекст, и отсылает к определенному месту в Евангелии: к теме соблазнителей-растлителей, накрепко связанной в пьесе с узурпатором Ричардом.

Совесть – “трус”

Устойчивое соотнесение совести с трусостью присуще и “малым” и “великим” злодеям пьесы “Ричард III”. Оно подчеркивает *обратную* логику, свойственную отвергнувшим нравственный закон. Сначала мы слышим это в фарсовом

варианте от убийц герцога Кларенса: “...с нею (совестью. – *Н.М.*) становишься трусом”, – говорит один и поясняет с помощью заповедей: “Воровать нельзя... ругаться нельзя... жить с женой ближнего нельзя...” (I, 4, 133–136). Чуть позже бессердечный 1-й убийца назовет 2-го “трусом” (I, 4, 278) именно потому, что в том пробудилась совесть и он раскаялся. Показательно, что в обратной логике убийц совесть – это “дьявол”, который “искушает” человека не делать зла (“А ты впусти в голову черта...” – I, 4, 147).

Облеченных властью злодеев отличает от их прислужников глубина, масштаб неприятия совести. Следует разобраться почему. В речи к солдатам, посылаемым Ричардом III на смерть, узурпатор провозглашает: “Знакомо только трусу слово совесть” (“Conscience is but a word that cowards use” – V, 3, 309). Новый оборот в сравнении с убийцами: у них она “делала человека трусом”, у тирана это слово “произносят (употребляют) трусы”. Кто же они?

Словом “совесть” христиане обозначают работу Святого Духа в человеке. Ветхий Завет не знает этого понятия. В “ветхой” части Женевской Библии оно использовано дважды и только как анахронизм⁴. Впервые в каноническом составе Нового Завета слово “conscience” употреблено в евангельском эпизоде с “женщиной, взятой в прелюбодеянии”: “And when they heard it, being accused by their own conscience, they went out, one by one...” (“Они же, услышав то и будучи обличаемы совестью, стали уходить один за другим, начиная от старших до последних...” – Ин. 8:9). Таким образом, согласно Ричарду, “трусы”, изобретшие слово “совесть”, – это Иисус и его ученики.

Это важное место пьесы – обращение Ричарда-полководца к воинам – построено как силлогизм⁵, состоящий из двух связанных суждений и заключения. Посылка (“Знакомо только трусу слово совесть”) получает развитие: “Тех, кто сильнее, им пугает он” (V, 3, 310). По Ричарду, религия совести была “изобретена” Христом и его последователями, чтобы обуздывать своеволие земной власти, “держат в страхе сильных” (“Devised at first to keep the strong in awe”). Именно так тиран

⁴ В маргиналии 9 к псалму 7: “first showing that his conscience did not accuse him of any evil toward Saul”, и в Притчах: “All the days of the afflicted *are* evil; but a good conscience is a continual feast” (15: 15). При этом уже Библия короля Якова [12] исправляет последний анахронизм, давая точный перевод: “у кого сердце весело” (“...but he that is of a merry heart *hath* a continual feast” – Prov. 15:15).

⁵ Это не “простой”, а скорее неправильный силлогизм, который в логике обозначали термином *baroco*.

у Шекспира понимает тезис Послания к римлянам: “Wherefore ye must be subject, not because of wrath only, but also for conscience sake” (“И потому надобно повиноваться не только из страха наказания, но и по совести” – Рим. 13:5), относя его к подобным себе “сильным мира сего”. И отвергает этот тезис в логике: “Нечего пугать нас совестью!”. В “Мере за меру” Шекспир вернется к этому месту Послания, настаивая, что требование “повиноваться... по совести” обращено к “вышним” и к “низшим”, распространяется и на правителей, и на подданных [13, с. 162–164].

Заключение силлогизма: “Оружье – вот нам совесть и закон” (V, 3, 311). Такова альтернатива закону совести, принимаемая узурпатором. Ричард закономерно предпочитает слову силу. Сила оружия (“our strong armes”) в этой сентенции имплицитно противопоставлена также “мощи Божьей длани” (“His powerful arm”), о которой напоминал своим убийцам Кларенс (I, 4, 216).

В рассмотренной декларации Ричарда III часто видят сходство с речами *Макиавелли* в Прологе “Мальтийского еврея” (строки 14–27) [14, р. 452]; [15, р. 325]. Шекспировский Ричард, несомненно, макиавеллист, однако слово “совесть” не звучало в Прологе пьесы Кристофера Марло (оно будет лишь однажды упомянуто в пьесе в контексте бедности христиан).

Резюмируя эту часть, отметим: лексическая связка *совесть – трус* не являлась идиомой в период создания Шекспиром “Ричарда III” (не фиксируется М. Тилли [16] и Р. Дентом [17]), обнаруживается в текстах современников только после его же “Гамлета”, отсылает к фигурам и лексике Нового Завета. Если метафора *совесть – червь* имела нейтральный характер, то два рассмотренных выше соотнесения совести с трусом устойчиво характеризуют персонажей “мира наоборот”, в котором все перевернуто и лучшие люди объявляются предателями [18, с. 567–568]. Иными словами, соотнесение совести с трусом характерно для отступников от Бога и естества. Для них от совести один вред, ведь она наполняет человека множеством внутренних препон против злых дел: “It fills a man full of obstacles” (I, 4, 138).

Анализ третьего сравнения (*conscience – witness*) позволит нам, в числе прочего, прояснить еще одно употребление связки *conscience – coward* в тексте “Ричарда III” (в речи главного героя).

Совесть, сознание – “свидетель”

Сравнение *conscience – witness* наиболее сложное из всех, его смысл зависит от понимания

*conscience*⁶: совесть или раздумье; от сердца или от головы; правда чувства или расчет ума. В одном контексте и в речи одного персонажа (графа Оксфорда) оно звучит как ясное возражение отступникам от закона совести: “Кто совести имеет хоть немного, / Тот тысячу бойцов собой заменит” (V, 2, 17–18).

Every man’s conscience is a thousand men [swords],
To fight against this guilty [that bloudie]⁷ homicide.

Храбрый полководец невеликого войска графа Ричмонда перефразирует пословицу из *Adagia* Эразма “Conscientia mille testes” [21, р. 111] (“Conscience is a thousand witnesses”) в смысле тысячекратной мощи воинов, вооруженных совестью. Метафора *conscience – witness* была знакома елизаветинцам, до Шекспира она встречается [16, р. 116] у Джона Лили в “Эвфуэсе, или анатомии ума” (1578), у Роберта Грина в “Филомеле” (1592). Важно отметить, что сама рассматриваемая идиома, вероятно, восходит к Посланию к римлянам, где апостол Павел дважды лексически связал *conscience* и *witness*. “...Дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющие, то оправдывающие одна другую” (“their conscience also bearing witness and their thoughts accusing one another, or excusing” – Rom. 2:15) – сказано о язычниках, “делающих законное”, то есть живущих по Ветхому закону. И “свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом” (“my conscience bearing me witness in the holy Ghost” – Rom. 9:1) – так говорит апостол о своей совести. Интересно, что Эразм – прекрасный знаток Нового Завета – в описании пословицы ссылается на риториков Квинтилиана и Ювенала, но не упоминает апостола Павла [21, р. 111].

Известна пословица Эразма и шекспировскому Ричарду. “Тысяча языков у совести моей” (V, 3, 193), – произносит он после ночного кошмара с призраками жертв. Однако если в речи графа Оксфорда *conscience* – совесть, то *conscience* Ричарда здесь, скорее, “сознание”, “мысли”. Он

⁶ Опосредованно эта двойственность прочтения *conscience* может быть связана и с двойственностью второго члена сравнения – фигуры свидетеля (*witness*), которая коренится в судебной практике многих эпох. Свидетели могут представлять как обвинение, так и защиту. В функции свидетеля выступают в мистерии “Страшный Суд” и в моралите Добрые и Злые дела, Добрые и Злые ангелы, в том же качестве мы находим их в “Докторе Фаусте” К. Марло. И тени жертв Ричарда, свидетельствующие исключительно “против” него и “за” его соперника (V, 3, 118–176), могут рассматриваться в том же ряду.

⁷ Текст “Ричарда III” в фолио 1623 г. [19] сопровождается в квадратных скобках вариантами по кварту 1597 г. [20].

понимает умом, сознает, какие преступления совершил, его страшат тени его жертв, но раскаяния нет. Полагаю, Шекспир так прочитывал две “совести” из Послания к римлянам: *my conscience*, “в Духе Святом” ведущую христианина к раскаянию, и *their conscience and their thoughts* (мысли и знание закона) — ведущие нехристиан к осознанию без раскаяния. Вероятно, из этих двух комплексов (*conscience* и *conscience and thoughts*), содержащихся в словах апостола Павла, и произошло в дальнейшем расхождение между двумя значениями *conscience*: *conscience* (совесть) и *consciousness* (сознание, понимание). Поэтому “*coward conscience*” (V, 3, 179), которую поминает преступный властитель, проснувшись в холодном поту, это не “трусиха”-совесть, а “трус”-разум⁸, погрузивший его в неизбывный страх от осознания будущей расплаты. Страх без раскаяния.

Все видения, посетившие тирана-Ричарда, сделавшие больным его сознание, лишь заставляют его дрожать от ужаса (V, 3, 181), но у него нет ни капли раскаяния. Чтобы это понять, следует сравнить с реакцией Кларенса на его сон (“*my deer prayers*” — I, 4, 69), с раскаянием 2-го убийцы (“*I gerent me*” — I, 4, 277), с совестью и раскаянием убийц принцев (“*conscience and remorse*” — IV, 3, 20). Исторический источник Шекспира Эдвард Холл сомневался, что это было — сознание или совесть, — когда писал о сне Ричарда: “Это странное видение не столько поразило его сердце внезапным страхом, сколько завладело мыслями, взбередив воображение страшными и беспокойными картинами. <...> Но я думаю, что был это не столько сон, сколько укол его грешной совести...” [22, р. 414]. Холл, в конечном счете, на стороне совести, чей “удар особенно силен на пороге гибели” [22, р. 414]. Шекспир — на стороне страха. Ханна Аренд прозорливо заметила в “Жизни ума”, что хотя Шекспир употребляет здесь в речи Ричарда слово “*conscience*”, но употребляет его в “непривычной манере”, как *after-thought*, “запоздалую мысль, раздумье, разбуженное преступлением”, отличающееся “от голоса Бога внутри нас или от естественного инстинкта (*lumen naturale*)” [23, р. 190]⁹.

⁸ Отмечая диалогичность, “моменты размышления”, внутренний спор и “саморефлексию” монолога, А. Столл, тем не менее, трактует сцену Ричарда после ночного кошмара исключительно как “сцену совести” [3, р. 2–4].

⁹ Х. Аренд видит и в предмете, обсуждаемом наемными убийцами, не совесть, а раздумье [23, р. 190]. Но в этом нам трудно с ней согласиться: “*shamefaced spirit*” (I, 4, 137), бунтующий в груди человека и мешающий ему нарушать заповеди, — это, конечно, совесть.

Таким образом, мы видим, что Шекспир не только знает и в полноте использует варианты соединения двух понятий, закрепленного пословицей, но и отсылает к ее истинному первоисточнику: апостольским посланиям Нового Завета. И во всех случаях употребления слова “*conscience*” — как при наличии идиомы, так и в ее отсутствие — Шекспир отсылает к конкретным текстам Библии, разъясняющим ситуации и характеры пьесы.

Кроме того, изучение происхождения идиомы Эразма помогло нам увидеть в самом новозаветном источнике двойной комплекс, предопределивший расхождение смысловых векторов понятия *conscience*: совести и размышления (мысли, сознания). Отсутствие тождества между указанными ипостасями *conscience* и наличие обоих вариантов в ранней пьесе Шекспира позволяет утверждать: акцент на них не был случаен, драматург разъяснял своей аудитории эту принципиальную разницу. Соотнесение *conscience*-совести с “трусом” и трусостью устойчиво характеризует у Шекспира персонажей “мира наоборот” — отступников от Бога и естества и никогда не встречается в речи положительных героев. Иные соотнесения *conscience* с трусостью отсылают у Шекспира к “трус”-разуму. Именно так обстоит дело с высказыванием¹⁰ принца Гамлета в его ключевом монологе:

Thus conscience does make cowards of us all,
And thus the native hue of resolution
Is sicklied o'er with the pale cast of thought...
(III, 1, 83–85)

Неслучайно связка *conscience* — *coward* подкрепляется и поясняется в этом монологе прямой отсылкой к мысли (*thought*).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Lewis, C.S. *Conscience and Conscious. Lewis C.S. Studies in Words*. Cambridge University Press, 1960, p. 181–213. (289 p.)

¹⁰ А. Столл уподобляет “саморефлективную” “трусливую совесть” Гамлета ричардовой в монологе после ночных видений, делая следующую оговорку: “совесть Гамлета работает посредством размышлений о совести — как сознание совести (as a consciousness of conscience)” [3, р. 8]. Если опустить словесную мишуру, в этой трактовке оба героя Шекспира — Гамлет и Ричард — видят в совести источник трусости. Наше прочтение, восходящее к тексту апостольского послания, доказывает обратное: в данных монологах оба героя говорят о сознании, разуме, в котором коренится трусость. У Шекспира только убийцы и злодеи соотносят совесть с “трусом” и трусостью.

2. Potts, Timoty C. *Conscience in Medieval Philosophy*. Cambridge: Cambridge University Press, 2002. 168 p.
3. Stoll, Abraham. *Conscience in Early Modern English Literature*. Cambridge: Cambridge University Press, 2017. 216 p.
4. Belsey, Catherine. The Case of Hamlet's Conscience. *Studies in Philology*. Vol. 76, No. 2, 1979, pp. 127–148.
5. Jenkins, H. Notes. Longer Notes. *Shakespeare W. Hamlet*. Ed. by Harold Jenkins. L., N.Y. 1982. (The Arden Shakespeare, 2nd ser.)
6. Thompson, A., Taylor, N. Notes. *Shakespeare W. Hamlet*. Ed. by Ann Thompson, Neil Taylor. London: Cengage Learning, 2006. 613 p. (The Arden Shakespeare, 3^d ser.)
7. The Complaynt of Henry Duke of Buckingham. Mirror for magistrates: in five parts. Legends from the conquest by William Baldwin and others from the edition of 1587 collated with those of 1559, 1563, 1571, 1575, 1578 and 1610. Ed. by Joseph Haslewood. London: Lackington, Allen, and Company, 1815. Vol. 2, pp. 333–365.
8. *Shakespeare, W. King Richard III*. Ed. by James R. Siemon. Bloomsbury, 2016. 503 p. (The Arden Shakespeare, 3^d ser.)
9. The Bible: The Holy Scriptures, contained in the Olde and Newe Testament (Geneva Bible 1560–1599 with footnotes). <https://www.biblegateway.com>
10. Shaheen, Naseeb. *Biblical References in Shakespeare's Plays*. Newark: University of Delaware Press; London: Associated University Presses, 2002. 879 p.
11. Аникст А.А. Театр эпохи Шекспира. М.: “Искусство”, 1965. 328 с. [Anikst, A.A. *Teatr epohi Shekspira* [Theatre of Shakespeare's Era]. Moscow, Iskusstvo Publ., 2002. 328 p. (In Russ.)]
12. The Holy Bible. King James Version 1611. N.Y.: ABS. 1990.
13. Микеладзе Н.Э. Кому “свой меч вручает бог”? (Шекспир и епископ Билсон) // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021, № 3, с. 161–171. [Mikeladze, N.E. *Komu “svoj mech vruchaet bog”?* (*Shekspir i episkop Bilson*) [Shakespeare and Bishop Bilson: “He Who the Sword of Heaven Will Bear”?]. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seria 9. Filologia* [Bulletin of the Moscow University. Series 9. Philology]. Moscow, 2021, No. 3, pp. 161–171. (In Russ.)]
14. Bullough, Geoffrey. *Narrative and Dramatic Sources of Shakespeare*. Edinburgh University Press, 1958. Vol. 2. 543 p.
15. Hammond, Anthony. Notes. *Shakespeare W. King Richard III*. Ed. by A. Hammond. London: Methuen, 1981. Repr. 2007. (The Arden Shakespeare, 2nd ser.) 382 p.
16. Tilley, Morris Palmer. *A dictionary of the proverbs in England in the sixteenth and seventeenth centuries: a collection of the proverbs found in English literature and the dictionaries of the period*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 1950. xiii, 854 p.
17. Dent, Robert William. *Shakespeare's proverbial language: an index*. Berkeley: University of California Press, 1981. xxviii, 289 p.
18. Микеладзе Н.Э. Милосердие сильнее мести. Время и вечность в театре Шекспира. М., СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. (Mediaevalia) 624 с. [Mikeladze, N.E. *Miloserdie silnee mesti. Vremja i vechnost v teatre Shekspira*. [In Virtue than In Vengeance. Time and Eternity in the Theatre of Shakespeare]. Moscow, St. Petersburg. Center for Humanitarian Initiatives Publ., 2019. 624 p. (In Russ.)]
19. The Tragedy of Richard the Third: with the Landing of Earle of Richmond, and the Battell at Bosworth Field. *Shakespeare, William. The First Folio of Shakespeare*, prepared by C. Hinman. New York, London, W.W. Norton & Company, 1996. P. 173–204. 928 p.
20. The Tragedy of King Richard the third. Containing his treacherous Plots against his brother Clarence: the pittiefull murder of his innocent nephewes: his tyrannicall vsurpation: with the whole course of his detested life, and most deserued death. As it hath bene lately Acted by the Right honourable the Lord Chamberlaine his seruants. At London: Printed by Valentine Simmes for Andrew Wise, dwelling in Paules Chuch-yard at the signe of the Angell, 1597. [123 p.]
21. *Desiderius Erasmus. Erasmii Roterodami Adagiorum Chiliades tres, ac centuriæ fere totidem*. In ædibus Aldi. 1508. 150 p.
22. Hall's Chronicle; Containing the History of England, during the reign of Henry the Fourth, and the succeeding monarchs, to the end of the reign of Henry the Eighth... London, 1809. 868 p., index.
23. Arendt, Hannah. *The Life of the Mind*. One-volume edition. A Harvest Book. Harcourt Inc. Orlando, 1978. 284 p.

Дата поступления материала в редакцию: 22 января 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 6 февраля 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
 Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 22, 2023
 Revised on February 6, 2023
 Accepted on April 15, 2023
 Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026316-3

“Точка зрения” как композиционный прием

© 2023 г. Н. Г. Мельников

Кандидат филологических наук,
доцент Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
alcect@yandex.ru

Резюме. В статье предпринята попытка уточнить литературоведческую терминологию, а именно: дать четкое и непротиворечивое смысловое наполнение термину “точка зрения”. Краткий обзор дефиниций одного из ключевых понятий нарратологии, представленных как в справочно-энциклопедических, так и в учебно-методических изданиях, выявляет картину понятийно-терминологического разнобоя, при котором происходит размывание и обесмысливание термина. На примерах из классических текстов русской литературы “точка зрения” рассматривается как важнейший принцип субъектной организации повествовательной прозы.

Ключевые слова: точка зрения, перспектива, субъект восприятия, повествование, нарратология, повествователь, персонаж.

Для цитирования: Мельников Н.Г. “Точка зрения” как композиционный прием // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 64–69. DOI: 10.31857/S160578800026316-3

“Point of View” as a Compositional Technique

© 2023 Nikolai G. Melnikov

Cand. Sci. (Philol.)
Docent at the Lomonosov Moscow State University,
1 Bld. 51 Leninskie Gory, Moscow, 119991, Russia
alcect@yandex.ru

Abstract. The article attempts to clarify the literary terminology, namely, to give a clear and consistent semantic content to the term “point of view”. A brief overview of the definitions of one of the key concepts of narratology, presented both in encyclopedic and educational publications, reveals a picture of conceptual and terminological discord, in which the term is blurred and meaningless. Using examples from classical texts of Russian literature, “point of view” is considered as the most important principle of the subjective organization of narrative prose.

Key words: point of view, perspective, subject of perception, narrative, narratology, narrator, character.

For citation: Melnikov, N.G. “*Tochka zreniya*” kak kompozitsionnyj priyom [“Point of View” as a Compositional Technique]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 64–69. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026316-3

Термин *точка зрения* (англ.: point of view; фр.: point de vue; нем.: Standpunkt) уже не первый век активно используется как в критике, так и литературоведении при анализе художественных (прежде всего эпических и лиро-эпических) произведений. Однако до сих пор бытование этого термина сопряжено с многочисленными методологическими проблемами, разрешению которых и посвящена данная статья.

Неясности и неувязки возникают уже при разговоре о происхождении данного термина. Согласно устоявшемуся мнению, впервые его ввел в литературно-критический оборот англо-американский прозаик Г. Джеймс. Например, в энциклопедии «Западное литературоведение XX века» утверждает, что «идея «т.<очки> з.<рения>» в прозе впервые развернуто представлена в эссе «Искусство прозы» (1884) Г. Джеймсом. Затем она была уточнена им в <...> предисловиях к нью-йоркскому изданию своего собрания сочинений 1907–1909 (особенно в предисловиях к романам «Женский портрет», «Княгиня Казамассима», а также к романизированным новеллам «Переходный возраст»; «Пойнтонская добыча»)» [1, с. 404]. Указанные тексты давно переведены на русский язык, английские оригиналы доступны в Сети, так что каждый может легко убедиться в том, что никакой развернутой и внятно артикулированной концепции «точек зрения» там нет и в помине. В «Искусстве прозы» словосочетание «точка зрения» употребляется всего один раз — во фразе «для творца, с точки зрения которого мы пытаемся здесь оценить искусство прозы» [2, с. 136]; в упомянутых предисловиях — считанные разы, причем отнюдь не терминологически [2, с. 145–164].

Куда с большим основанием мы, вслед за А.П. Чудаковым, можем отдать пальму первенства в разработке понятия «точка зрения» нашим соотечественникам: К.Н. Леонтьеву, который в статье «О рассказах Марко Вовчка» (1861) связал проблему соотношения точек зрения автора и рассказчика с «анализом выражения ее в структуре повествования» [3, с. 237], и А.А. Потебне: в его посмертно опубликованной работе «Из записок по теории словесности» (1905), по справедливому замечанию Чудакова, дается «первое терминологическое употребление понятия» [Там же]. Куда более внятно, чем в витиеватых, избылиующих образными иносказаниями эссе англо-американского прозаика, в ней указывалось, что «ради конкретности изображения» автору необходимо «держаться субъективной точки зрения» [4, с. 10]: «Конкретность, определенность изображения зависит от определенности точки зрения. Для этого нужно указать, кто именно видит, кто считает, кто делает изображаемое» [4, с. 289].

Справедливости ради отметим: наработки Леонтьева и Потебни не нашли развития в трудах отечественных литературоведов, так что практически во всех западных и постсоветских работах, посвященных проблеме «точки зрения», первооткрывателем неизменно называется Г. Джеймс как автор «Искусства прозы».

Однако главная проблема термина «точка зрения» заключается вовсе не в его генезисе: несмотря

на популярность у литературоведов, в том числе и теоретиков-нарратологов, до сих пор не преодолен разрыв в его смысловом наполнении. Разбирая дефиниции базового понятия, представленные как в русских, так и в иностранных научных работах, толковых словарях, энциклопедиях и учебных пособиях, мы окунаемся в самый настоящий понятийно-терминологический хаос.

Едва ли был прав Н.Д. Тмарченко, автор раздела «Точка зрения» в вузовском учебнике «Введение в литературоведение», когда заявлял, что «определения понятия, обозначаемого этим термином, чрезвычайно редки» [5, с. 379]. Да, в ведущих литературоведческих словарях и энциклопедиях советского периода (Литературная энциклопедия: Словарь литературных терминов. М.; Л., 1925; Краткая литературная энциклопедия; М., 1962–1978; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974) статьи о «точке зрения» отсутствуют. Однако в составленной им хрестоматии [6], а также в упомянутой статье приводится с десяток дефиниций, взятых из русских и иноязычных изданий. Весьма содержательный обзор по данной теме дается и в монументальной «Нарратологии» В. Шмидта, посвятившего «точке зрения» отдельную главу, в начале которой не без оснований утверждается: «Существует множество различных подходов к категории «точки зрения». Они отличаются друг от друга не только терминологией или принципами типологии, но и лежащими в их основе определениями понятия. Разногласия возникают даже не столько относительно точности и полноты описания этого явления, сколько по поводу применимости предлагаемых типологий к анализу текста» [7, с. 111].

Судя по обзорам, представленным в вышеназванных изданиях, «точностью и полнотой описания» и четкостью определений могут похвастаться далеко не все авторы. Одни, вслед за П. Лаббокком, автором основополагающей для западной нарратологии книги «Искусство прозы» (1921), сужают значение термина, сводя «точку зрения» к позиции автора-повествователя. (В статье Дж. фон Вилперта вместо «точки зрения» используется термин «перспектива»; последний определяется как «точка зрения, из которой воспринимается и рассказывается событие», как «отношение повествователя, который не должен быть идентифицирован с автором» [6, с. 213]; согласно Дж. Шипли «точка зрения — отношение повествователя к повествованию, которое <...> определяет художественный метод и характер персонажей в произведении...» [6, с. 214]; по мнению Дж.Э. Майерса и М. Симмса, «точка зрения — физическая, умозрительная или личностная перспектива, которую автор

сохраняет по отношению к описываемым событиям” [6, с. 215].)

Другие ученые приравнивают “точки зрения” к типам повествования (Р. Фаулер: “Точка зрения — это термин, используемый в теории и критике художественной литературы, чтобы указать на позицию, с которой рассказывается история. Несмотря на то, что разными критиками было выделено большое число различных видов точек зрения, существуют две основные точки зрения: повествование от первого лица и повествование от третьего лица” [6, с. 215–216]) или, по терминологии Ф.К. Штанцеля, “повествовательным ситуациям”: “аукториальной”, “персональной”, “от первого лица”.

Ж. Женнет и вовсе отказался от “точки зрения” — “во избежание специфических визуальных коннотаций” [8, т. 1, с. 391] — и взамен выдвинул понятие “*focalisation*” (фокусирование, фокусировка), которое у нас принято переводить неблагозвучным неологизмом “фокализация”. Отказавшись от многоплановой “точки зрения”, французский “нарратолог”, как и Штанцель, пришел к обсуждению типов повествования: “нулевая фокализация” соответствует классическому третьеличному повествованию со всезнающим автором-повествователем; “внутренняя фокализация” — повествованию с доминирующим восприятием какого-либо персонажа (“*personage focal*”), как правило, главного героя; наконец, “внешняя фокализация” — объективному третьеличному повествованию, в котором “читатель не допускается к какому-либо знанию мыслей и чувств действующего героя” [8, т. 1, с. 391].

В. Шмидт, раскритиковавший концепцию Женнета, который “сводит сложное, проявляющееся в разных планах явление перспективации к одному лишь ограничению знания”, в результате чего “мнимое усиление точности понятия достигается в результате его неоправданного сужения” [7, с. 115], не отказывается от “точки зрения”, но определяет ее весьма замысловато — как “образуемый внешними и внутренними факторами узел условий, влияющих на восприятие и передачу происшествий” [7, с. 122]. “Точка зрения” = “узел условий”?! Мягко говоря, не самая ясная, логически и стилистически выверенная дефиниция интересующего нас понятия.

Так же как и грешащее гипостазированием определение Ю.М. Лотмана, которое было предложено в его образцово-структуралистской работе “Структура художественного текста”: «Понятие “художественная точка зрения” раскрывается как *отношение системы к своему субъекту* <здесь и далее курсив мой. — Н.М.> (“система” в данном контексте может быть и лингвистической и других, более высоких, уровней). Под “субъектом системы” (идеологической,

стилевой и т.п.) мы подразумеваем сознание, способное породить подобную структуру и, следовательно, реконструируемое при восприятии» [9, с. 320].

Наделяя самостоятельным бытием отвлеченное понятие (“систему”), Ю.М. Лотман словно забывает, что несколькими абзацами выше называл “точку зрения” “ощутимым элементом художественной структуры”, “композиционным приемом” [Там же]. Н.Д. Тмарченко в своем обзоре предьявляет справедливые претензии к лотмановскому определению, поскольку в нем “приравниваются, с одной стороны, произведение в целом и сознание автора-творца; с другой стороны, — часть произведения и сознание того или иного наблюдателя внутри художественного мира” [5, с. 383].

Критически разбирая существующие определения термина “точка зрения”, Н.Д. Тмарченко сетует на то, что в широко известной работе Б.А. Успенского “Поэтика композиции” (1970) предлагается развернутая, снабженная примерами классификация “точек зрения”, однако при этом не дается определение базового понятия (что, конечно же, портит впечатление от книги). Опираясь на классификацию Успенского, выделявшего четыре плана проявления точки зрения — оценочный (идеологический), фразеологический, пространственно-временной и психологический, — он предлагает свою формулировку: «точка зрения в литературном произведении — положение “наблюдателя” (повествователя, рассказчика, персонажа) в изображенном мире (во времени, в пространстве, в социально-идеологической и языковой среде), которое, с одной стороны, определяет его кругозор — как в отношении “объема” (поле зрения, степень осведомленности, уровень понимания), так и в плане оценки воспринимаемого; с другой — выражает авторскую оценку этого субъекта и его кругозора» [5, с. 386].

Из этого, на мой взгляд, громоздкого определения многое следовало бы убрать — хотя бы пресловутую “социально-идеологическую среду”, далеко не всегда представленную в художественных текстах или актуальную для конкретного повествовательного эпизода. К какой “социально-идеологической среде” мы могли бы приписать, скажем, Каштанку, в чьей перспективе выдержано повествование чеховского рассказа? Или летящую на швабре булгаковскую Маргариту, чья точка зрения господствует в главе “Полет”? Если уж мы принимаем продуманную классификацию Б.А. Успенского, то мы должны иметь в виду: различаемые им смысловые уровни, как правило, тесно взаимосвязаны, но порой могут выступать самостоятельно, то есть пространственно-временная точка зрения далеко не всегда отражает чью-либо (в том числе и авторскую) ценностную,

идеологическую позицию или осложняется чьей-либо психологией и фразеологией. Как бы ни относиться к концепции Женнета с его безликим и безыдейным "фокусирующим" ("фокализатором"), возникла она не на пустом месте.

Исходя из нужд художественной оптики, автор может доверять видение той или иной сцены, того или иного события проходному, эпизодическому персонажу без имени и национальности, не наделенному какими-либо психологическими свойствами, не привязанному к конкретной "социально-идеологической и языковой среде". Так, в частности, с разных точек зрения в "синематографизированном" (по выражению В. Ходасевича) романе В. Набокова "Камера обскура" показаны последние минуты перед роковой для главного героя аварией.

Сначала мы видим крутой поворот горной дороги из кабины автомобиля, где сидит протагонист, — "Приближался крутой вираж, и Кречмар решил его взять особенно лихо", — затем ракурс изображения меняется, и мы смотрим на дорогу и тот же автомобиль глазами случайной свидетельницы автокатастрофы:

Наверху, высоко над дорогой, старуха собирала ароматные травы и видела, как справа от скалы мчался к повороту этот маленький черный автомобиль, а слева, на известную еще встречу, двое сторбленных велосипедистов

затем поднимаемся еще выше и, отдаляясь от места неизбежной аварии, обзреваем окрестности вместе с еще одним проходным персонажем, важным автору только в качестве субъекта видения

Из люльки яично-желтого почтового дирижабля, плывущего по голубому небу в Тулон, летчик видел петлистое шоссе, овальную тень дирижабля, скользящую по солнечным склонам, и две деревни, отстоящие друг от друга на двадцать километров

— и, наконец, с помощью всевидящего автора-повествователя поднимаемся на фантастическую, недосягаемую до начала 1930-х высоту:

Быть может, поднявшись достаточно высоко, можно было бы увидеть зараз провансальские холмы и, скажем, Берлин, где тоже было жарко, — вся эта щека земли, от Гибралтара до Стокгольма, озарялась в этот день улыбкой прекрасной погоды...¹

Как видно из этого эффектного, и впрямь "синематографизированного", отрывка, множественная, скользящая от одного наблюдателя к другому точка зрения представлена только в визуальном, пространственно-временном плане: она безоценочна, не привязана к чьей-либо психологии.

Не слишком удачным в определении Н.Д. Тмарченко является и слово "наблюдатель". К трем из четырех смысловых уровней произведения (к оценочному, фразеологическому и психологическому) оно явно не подходит. Как и ко многим произведениям, где действительность подается в восприятии персонажа, не желающего или неспособного "наблюдать". Вспомним, например, вторую главу "Мастера и Маргариты", сцену объявления приговора, когда окружающий мир подается в восприятии зашумившегося Понтия Пилата — в виде звуковых, а не визуальных образов:

...Шурился прокуратор не оттого, что солнце жгло ему глаза, нет! Он не хотел почему-то видеть группу осужденных, которых, как он это прекрасно знал, сейчас вслед за ним возводят на помост.

Лишь только белый плащ с багряной подбивкой возник в высоте на каменном утесе над краем человеческого моря, незрячему Пилату *в уши ударила звуковая волна: "Га-а-а..."* Она началась негромко, зародившись где-то вдали у гипподрома, потом стала *громоподобной* и, продолжавшись несколько секунд, начала спадать. "Увидели меня", — подумал прокуратор. Волна не дошла до нижней точки и неожиданно стала опять вырастать и, качаясь, поднялась выше первой, и на второй волне, как на морском валу вскипает пена, вскипел *свист* и отдельные, *сквозь гром различимые, женские стоны*. "Это их ввели на помост... — подумал Пилат, — а стоны оттого, что задавили нескольких женщин, когда толпа подалась вперед. Он выждал некоторое время, зная, что никакою силой нельзя заставить умолкнуть толпу, пока она не выдохнет все, что накопилось у нее внутри, и не смолкнет сама.

И когда этот момент наступил, прокуратор выбросил вверх правую руку, и *последний шум сдуло с толпы*.

Тогда Пилат набрал, сколько мог, горячего воздуха в грудь и закричал, и сорванный его голос понесло над тысячами голов:

— Именем кесаря императора!

Тут в уши ему *ударил несколько раз железный рубленный крик* — в когортах, взбросив вверх копыя и значки, страшного прокричали солдаты:

— Да здравствует кесарь!²

Согласимся: вряд ли в этом эпизоде мы можем считать стыдливо шурящегося Понтия Пилата "наблюдателем". Как и набоковского Бруно Кречмара, потерявшего зрение во время автокатастрофы, после чего в орбиту его восприятия автор вовлекает не визуальные, а слуховые, обонятельные и осязательные образы.

С пугающей убедительностью восприятие слепого человека передано в тридцать первой главе "Камеры обскура": когда лежащий в больничной палате Кречмар решил снять надоевшую ему повязку (отметим, что при изображении внутреннего мира Кречмара используется новаторский прием совмещения авторского голоса с голосом персонажа (по терминологии

¹ Набоков В.В. Романы. Рассказы. Эссе. СПб.: Энтар, 1993. С. 106.

² Булгаков М.А. Мастер и Маргарита. М.: Худож. лит., 1989. С. 43.

Б. Успенского происходит взаимодействие точек зрения в плане фразеологии), когда в авторское третьеличное повествование вкрапливаются фрагменты внутренней речи героя):

Он повертел головой, досадуя на то, что завязаны глаза. Слуховых впечатлений было набрано за это время сколько угодно, а зрительных никаких — так что в конце концов не известно, как выглядит палата, какое лицо у сиделки, у доктора... Который час? Утро? Он выпался, окно, верно, открыто, ибо вот слышно, как *процокали неторопливо копыта*, а вот — *шум воды, звон ведра* — там, должно быть, двор, фонтан, утренняя *свежая тень* платанов. Он полегал некоторое время неподвижно, стараясь обращать *невнятные звуки* в соответствующие цвета и очертания, и вскоре услышал *звуки* другие — *голоса Магды и сиделки* в соседней, вероятно, комнате. Сиделка учила Магду правильно произносить. “*Soucoupe. Soucoupe*” <“Блюдец, блюдец” (франц.)>, — повторила Магда несколько раз и засмеялась.

Неуверенно улыбаясь, чувствуя, что он делает что-то противозаконное, Кречмар осторожно освободил и поднял на брови повязку: оказалось, однако, что в комнате густая, бархатная темнота — не видать даже, где окно, нет ни малейшей щелки света. Значит, все-таки ночь, и притом безлунная, черная. Вот как обманывают звуки. *Veselo звякнуло* по соседству блюдец. “*Cafe the non. Moi pas — tee*” <“Кофе — нет. Лучше чаю” (ломан. франц.)>.

Кречмар нащупал рядом столик, наткнулся на лампочку. Он щелкнул — раз, еще раз, — но темнота не сдвинулась с места: штепсель, вероятно, не был вставлен. Тогда он поискал пальцами, нет ли спичек, — и действительно, нашел коробок. В нем была всего одна спичка, он чиркнул ею, *раздался звук, похожий на вспыхку*, но огонька не появилось. Он ее отбросил и *почуял вдруг легкий запах горелого*. Странное явление...³

Как мы видим из приведенных примеров, восприятие действительности персонажем, а стало быть, и персонажную “перспективу” нельзя сводить к наблюдению, к передаче визуальных образов. Автор может акцентировать внимание на слуховых, тактильных или обонятельных ощущениях (последние доминируют, например, в романе Патрика Зюскинда “Парфюмер”).

Из всех определений понятия “точка зрения”, представленных в обзоре Н.Д. Тамарченко, наиболее удачным представляется дефиниция Б.О. Кормана, в основе которой лежит учет внутритекстовых субъектно-объектных отношений: “Точка зрения — зафиксированное отношение между субъектом сознания и объектом сознания” [10, с. 51]. Под ёмким “субъект” мы можем понимать и всезнающего автора-повествователя, и рассказчика, участвующего в сюжетном действии, и персонажей любого ранга — от центральных до эпизодических, — что позволяет не загромождать определение разного рода уточнениями. Другое дело, что “сознанием” в прямом смысле обладает лишь один субъект — реальный,

биографический автор, создатель художественного произведения, все остальные субъекты — творения его сознания, принадлежащие образному миру произведения, в том числе и так называемый эксплицитный автор (более традиционное обозначение — “образ автора”). Это субъекты, но не сознания, а повествования, вступающие друг с другом в разнообразные отношения и реализующие волю своего создателя. За исключением не принадлежащего сюжетному миру автора-повествователя (эксплицитного автора), все они — и персонажи, и герои-повествователи, и рассказчики — могут по ходу повествования из субъектов, воспринимающих, преломляющих в своем видении все реалии изображенного мира, превращаться в объекты чужого восприятия, подаваться с чужой точки зрения (как, например, Печорин и Максим Максимович в “Герое нашего времени”).

Исходя из этих соображений и с учетом наработок предшественников, мы можем предложить следующее определение интересующего нас понятия:

Точка зрения (перспектива) — композиционный прием, организующий повествование и определяющий положение субъекта (изображающего, воспринимающего, оценивающего события) во времени и пространстве художественного произведения по отношению к объекту (объектам) изображения, предмету оценки, адресату речи.

Как уже отмечалось выше, субъект повествования (носитель точки зрения) — величина переменная. Функция субъекта повествования может быть возложена и на автора-повествователя, и на рассказчика, и на любого персонажа. При использовании множественной точки зрения субъект повествования (за исключением автора-повествователя) может выступать и как объект восприятия, что особенно характерно для масштабных, многофигурных романов с многолинейным сюжетом, когда внимание читателей привлекается то к одному, то к другому главному герою, а во время одного и того же эпизода те выступают то как субъекты, то как объекты восприятия.

Например, во второй части третьего тома “Войны и мира”, в начале последней встречи двух “любимых героев” Толстого Пьер подан с точки зрения Андрея Болконского — “*Que diable!* — сказал голос человека, стукнувшегося обо что-то. Князь Андрей, выглянув из сарая, увидел подходящего к нему Пьера, который споткнулся на лежавшую жердь и чуть не упал” (гл. XXIV), — а затем роли меняются, и уже Андрей воспринимается с точки зрения Пьера: “Было уже темно, и Пьер не мог разобрать того выражения,

³ Набоков В.В. Указ. соч. С. 108–109.

которое было на лице князя Андрея, было ли оно злобно или нежно" (гл. XXV)⁴.

Как композиционный прием, как способ изображения художественной реальности "точка зрения" может быть задействована во всех типах повествования — наряду с другими художественно-выразительными средствами (монтаж, система мотивов и т.д.). Сведение этого приема к ценностной позиции автора, равно как и отождествление с той или иной "повествовательной ситуацией", неизбежно приведет к упрощенному, редукционистскому пониманию природы художественного повествования.

Субъектно-объектный принцип, положенный в основу определения "точки зрения", на наш взгляд, позволяет более осмысленно использовать термин при анализе композиции повествовательных произведений, учитывая всю сложность и многоуровневость их субъектной организации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Западное литературоведение XX века: энциклопедия. М.: Intrada, 2004. 560 с.
2. Джеймс Г. Искусство прозы // Писатели США о литературе: В 2 т. М.: Прогресс, 1982. Т. 1. С. 127–144.
3. Чудаков А.П. Слово — вещь — мир. От Пушкина до Толстого. М.: Современный писатель, 1992. 320 с.
4. Потебня А.А. Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. IV, 652 с.
5. Тмарченко Н.Д. Точка зрения // Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. М.: Высшая школа, 1994. С. 379–388.
6. Теоретическая поэтика. Понятия и определения. Хрестоматия / Под ред. Н.Д. Тмарченко. М.: РГГУ, 2002. 467 с.
7. Шмидт В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.
8. Женнет Ж. Работы по поэтике: В 2 т. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. 944 с.
9. Лотман Ю.М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Корман Б.О. Целостность литературного произведения и экспериментальный словарь литературоведческих терминов // Проблемы истории критики и поэтики реализма. Куйбышев, 1981. С. 39–54.

REFERENCES

1. *Zapadnoye literaturovedeniye XX veka: entsiklopediya* [Western Literary Studies of the Twentieth Century: An Encyclopedia]. Moscow, Intrada Publ., 2004. 560 p. (In Russ.)
2. James, H. *Iskysstvo prozy* [The Art of the Fiction]. *Pisateli SSHA o literatyre v 2 t.* [Writers of the USA about Literature in 2 Vols.]. Moscow, Progress Publ., 1981, Vol. 1, pp. 127–144. (In Russ.)
3. Chudakov, A.P. *Slovo — vesch — mir. Ot Pushkina do Tolstogo* [Word — Thing — World. From Pushkin to Tolstoy]. Moscow, Sovremennyy pisatel Publ., 1992. 320 p. (In Russ.)
4. Potebnya, A.A. *Iz zapisok po teorii slovesnosti* [From Notes on the Theory of Literature]. Kharkov, 1905. IV, 652 p. (In Russ.)
5. Tamarchenko, N.D. *Totchka zreniya* [Point of View]. *Vvedeniye v literaturovedeniye. Pod red. L.V. Chernets* [Introduction to Literary Studies. Ed. by L.V. Chernets]. Moscow, Vushaja shkola Publ., 1994, pp. 379–388. (In Russ.)
6. *Teoretitsheskaya poetika: ponyatiya i opredeleniya. Pod red. N.D. Tamarchenko* [Theoretical Poetics. Concepts and definitions. Textbook. Ed. by N.D. Tamarchenko]. Moscow, RGGU Publ., 2002. 467 pp. (In Russ.)
7. Schmid, V. *Narratologiya* [Narratology]. Moscow, Languages of Slavic culture Publ., 2003. 312 p. (In Russ.)
8. Genette, G. *Raboty po poetike v 2 t.* [Works on Poetics in 2 Vols.]. Moscow, Sabashnikov Publishing House, 1998. 944 p. (In Russ.)
9. Lotman, Yu.M. *Struktura literatyrnogo teksta* [The Structure of a Literary Text]. Moscow, Iskysstvo Publ., 1970. 384 p. (In Russ.)
10. Corman, B.O. *Tselostnost literatyrnogo proizvedeniya i experimentalnyj slovar literaturovedcheskikh terminov* [The Integrity of a Literary Work and an Experimental Dictionary of Literary Terms]. *Problemy istorii kritiki i poetiki realizma* [Problems of the History of Criticism and Poetics of Realism]. Kuibyshev, 1981, pp. 39–54. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 23 января 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 22 февраля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 23, 2023

Revised on February 22, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026317-4

Оппозиция свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора

© 2023 г. Л. С. Дампилова

Доктор филологических наук,
главный научный сотрудник
Института монголоведения, буддологии и тибетологии
Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2023 г. С. Д. Гымпилова

Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Института монголоведения,
буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН,
Россия, 670047, Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, д. 6
ORCID: 0000-0002-4251-3379
gymps70@yandex.ru

Резюме. В работе выявлены особенности оппозиции свой / чужой в семейно-родственных отношениях бурят на примере бурятских пословиц и поговорок в аспекте семантического наполнения текста. Актуальным представляется изучение роли универсальной оппозиции свой / чужой в формировании взаимодействия людей в обществе, выявление национальной специфики в использовании механизмов тождества и различий в поговорках. В работе привлекаются материалы полевых исследований последних лет, архивные и изданные источники, доказывающие устойчивость и сохранность малых жанров фольклора. Выявлено, что в локальной традиции близкие по смыслу формульные выражения могут менять свою семантику, дополняя и расширяя функции основного персонажа. Установлено, что наиболее распространенными и сохранившимися являются пословицы о дяде по матери с положительной коннотацией. Также следует вывод, что в бурятских пословицах двойственность положения материнской стороны и признание то отцовской, то материнской стороны своей близкой в определенной мере повлияло на модифицирование оппозиционных маркеров родственников-племянников.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания – проект “Этнокультурная идентичность в архитектонике фольклорных и литературных текстов народов Байкальского региона” (номер государственной регистрации: 121031000259-6).

Ключевые слова: буряты, родственники, оппозиция свой / чужой, малые формы фольклора, пословицы, поговорки.

Для цитирования: Дампилова Л.С., Гымпилова С.Д. Оппозиция свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 70–76. DOI: 10.31857/S160578800026317-4

The Opposition of “Kindred / Alien” in Small Genres of Buryat Folklore

© 2023 Ludmila S. Dampilova

Doct. Sci. (Philol.),
Head Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0003-0917-5432
dampilova_luda@rambler.ru

© 2023 Sesegma D. Ghympilova

Cand. Sci. (Philol.),
Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
6 Sakhyanova Str., Ulan-Ude, 670047, Russia
ORCID: 0000-0002-4251-3379
gymps70@yandex.ru

Abstract. The paper reveals the peculiarities of the opposition of friend / foe (or kindred / alien) in the family-kinship relations of Buryats on the example of Buryat proverbs and sayings in the aspect of semantic content of the text. It is relevant to study the role of the universal opposition of one’s own / another’s in the formation of people’s interaction in society, to identify national specifics in the use of mechanisms of identity and differences in paroemias. The work involves the materials of field research of recent years, archival and published sources proving the stability and preservation of small genres of folklore. It is revealed that in the local tradition, formulaic expressions similar in meaning can change their semantics, complementing and expanding the functions of the main character. It is established that the most common and preserved are proverbs about the maternal uncle with a positive connotation. It should also be concluded that in Buryat proverbs, the duality of the position of the maternal side and the recognition of the paternal, then maternal side of one’s close to a certain extent influenced the modification of oppositional markers of relatives-nephews.

Acknowledgements. The article was carried out within the state assignment (project “Ethnocultural Identity in the Architectonics of Folklore and Literary Texts of the Peoples of the Baikal Region”, № 121031000259-6).

Key words: Buryats, relatives, opposition of one’s own / another’s, small forms of folklore, proverbs, sayings.

For citation: Dampilova, L.S., Ghympilova S.D. *Oppozitsiya svoj / chuzhoj v malyh zhanrah buryatskogo folklor* [The Opposition of “Kindred / Alien” in Small Genres of Buryat Folklore]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 70–76. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026317-4

Статья посвящается выявлению оппозиции свой / чужой в семейно-родственных отношениях бурят в аспекте семантического наполнения текста. В работе использованы историко-этнографические исследования, связанные с территориально-родственными, семейно-брачными, этногенетическими отношениями бурят (см., напр.: [1]; [2]; [3]; [4]; [5]; [6] и др.). Из последних работ особый интерес представляют труды М.М. Содномпиловой об образе социальной группы определенного уровня в кругу семейно-родственных связей [7].

Функционирование фразеологических формульных выражений в малых жанрах фольклора, ассоциативные текстовые связи составляют основу этнической специфики в художественной

картине мира монгольских народов. При обращении к проблеме этнокультурной идентичности в фольклористике актуально изучение роли универсальной оппозиции свой / чужой в формировании взаимодействия людей в обществе, выявление национальной специфики в использовании механизмов тождества и различий в паремиях. В работе привлекаются материалы полевых исследований последних лет, архивные и изданные источники, доказывающие устойчивость и сохранность малых жанров фольклора.

Для бурят родственные отношения всегда имели главенствующее значение в построении своего близкого мира. В бурятских пословицах и поговорках основу общества составляют родоплеменные связи: “Без корня трава не растет, /

Без родословной народа нет” – *Үзүүргүйгөөр ногоон ургахагуй, / Удхагуйгөөр улад байхагуй* [8, с. 124]. Традиционно в монгольском мире родство с отцовской и материнской стороны оппозиционно делится на свой / чужой, где отцовская горячая (*халуун*) / своя кровь противопоставляется материнской чужой (*хари*) родне. Но это положение не является устойчивым постулатом, что связано с двойственным положением женщины в семье мужа. Как отмечает Т.Д. Скрынникова, “с одной стороны, она по-прежнему сохраняет связь с родом отца, являясь в этом смысле чужой для рода мужа, а с другой – через брачные обряды она уже включена в род мужа” [9, с. 43]. И эта двойственность положения материнской стороны ярко выражена в оппозиции свой / чужой в пословицах и поговорках.

В малых жанрах фольклора устойчиво маркируются родственники материнской стороны как наиболее близкие, свои, среди которых особо выделяется дядя по матери (*нагаса*): “Начало воды – родник, / Начало народа – дядя по матери” – *Уһанай эхин – булаг, / Уладай эхин – нагаса* [8, с. 126]. У современных шэнэхэнских бурят, локально проживающих в иноэтнической среде, намного лучше сохранилось устное народное творчество. Значимость дяди по матери они подчеркивают: “Выше дяди родни нет, / Хоть и в колыбели, все равно дядя” – *Нагасаһаа ехэ түрэл байхагуй, / Үлгытэйише һаа нагаса* (Записано от Дашын Сэдэб, 1938 г.р., род бодонгууд, Шэнэхэн Баруун сомон АРВМ КНР. Соб. С.Д. Гымпилова, 2000) [ПМА]. В пословицах не менее категорично утверждает: “Если есть начало, то есть конец. / Если есть мать, то и есть дядя по матери” – *Эхитэй хадаа эсэстэй, / Эхтэй хадаа нагасатай* [10, с. 267].

В паремиях монгольских народов соблюдается общепринятая параллельная конструкция в композиции текста и начальная рифма (начальная аллитерация, анафора), так называемое единоначатие (*толгой холболго*) в стихосложении. В первую очередь, необходимо отметить устойчивое сравнение образа дяди по матери с солнцем, в тексте анафора (*нагаса / наран*) сочетается с его семантическим наполнением. По полевым материалам авторов, тункинские буряты рода *шошолог* коротко констатируют: “Дядя – Солнце тэнгри” – *Нагаса – Наран тэнгэри*. По нашему мнению, это образное выражение можно расшифровать в контексте шаманской мифологии, утверждающей, что прародители бурят (*уггарбал*) начинаются с небесных корней: “Девять кругов / Луна отец, / Восемь кругов / Солнце мать” – *Юһэн хүрээ / Һара баабай / Найман хүрээ / Нара ийбии* [Мадасон,

ф. 18, оп. 1, Инв. № 193]. Получается, что статус дяди как солнца тесно связан с предковым материнским началом. Почти подобное же выражение, сохранившееся у агинских / хоринских бурят: “Небо дяди высокое” – *Нагасын тэнгэриехэ*, может переводиться более реалистично, возможно, исследователь, будучи знатоком данной локальной традиции, текст прочитывает по-своему: “Покровительство дяди большое” [11, с. 68]. Необходимо отметить, что в каждой региональной / племенной традиции близкие по смыслу формульные выражения могут немного менять свою семантику, дополняя и расширяя функции основного персонажа.

И вторая устойчивая параллель подчеркивает тесную связь дяди с племянником, *нагаса* – брат матери, а *зээ* – это дети сестры: “Дядя как солнце, / Племянник как листочек” – *Наранда адли нагаса, / Набшаһанда адли зээ* (Зап. от Сундуйевой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. рожд., род шубтэхэй шоно, с. Чилир Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Имея в виду утверждение, что само слово *нагаса* более позднего происхождения [12, с. 9], в работе подчеркивается архаичность устойчивых образных стереотипов в малых жанрах фольклора. Образное сравнение ребенка сестры с нежным листочком показывает их особую наследственную близость. М.М. Содномпилова отмечает значимый для нас факт о роли дяди по матери в бурятском обществе: “Образ дяди по матери, представленный в фольклоре монгольских народов, архаичных ритуальных практиках, показывает его высокий социальный статус в родственных взаимоотношениях, который даже превосходит статус родного отца ребенка” [13, с. 102].

Как нам пояснили информанты Баргузинского района РБ, сравнение племянников с многочисленными листьями напрямую связано с забытым сегодня кузенным браком, т.е. если дети брата женятся на детях сестры, в таком случае обязательно будет “четыре полных, восемь ровных” – *дүрбэн дүүрэн, найман тэгшэ*, что означает множество детей и богатство. Не менее образно и емко эту мысль продолжает высказывание агинских бурят: “Хорошо брать жен с материнской стороны, / Придут, солнце и траву притягивая” – *Нагасынгаа зүгһөө һамга абахада һайн / Нара ногоо татажа ерэхэ* [11, с. 21].

Возможно, с желанным кузенным браком связана и следующая пословица: “Родословная дяди от племянника, / Тепло осени от лета” – *Нагасын удха зээдэ, / Намарай хурса нажарта* [8, с. 120]. Записи И.Н. Мадасона относятся к иркутским

бурятам, стоит отметить, что наблюдается распространение пословиц подобного характера по всей этнической Бурятии как раньше, так и сегодня. Особо подчеркивается тесная родственная связь дяди и племянника: “Хорошая медь не ржавеет, / Дядя с племянником не расстаются” — *Зэдэй хайн жэбэрдэггүй, / Зээ нагаса хоёр марталсадаггүй* [8, с. 118], “Слова дяди — для племянника, / Луч солнца — для земли” — *Нагасын үгэ — зээдэ, / Наранай туяа — газарта* [10, с. 254]. Изобилие пословиц с небольшими семантическими изменениями про дядю по матери как дарующего богатство родственника, учителя жизни для племянника доказывает устойчивость его положительной коннотации: “Солнечная сторона зелена, / Сторона дяди по матери притягательна” — *Нарата газар ногоотой, / Нагасатай газар татасатай* [8, с. 120].

В пословицах про дядю и племянника отражаются и повседневные отношения между ними: “Племянник — начальник, дядя по матери — собака” — *Зээ хүн — ноён, / Нагаса хүн — нохой* [10, с. 253]. В ходе полевых исследований выявлены значения изданных, но не понятных сегодня формул. Информант объясняет значение этой пословицы: племянник избалован дядей, а дядя как собака следит за каждым движением и словом ребенка (Зап. от Бадмаевой Екатерины Митаповны, 1928 г. рожд., род хэнгэлдэр, с. Баянгол Баргузинского района Республики Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Есть у монгольских народов выражение, что даже собака дяди по матери почитается как почетный гость, так что вполне возможно, что это сравнение с собакой не умаляет его достоинств.

В число ближайших родственников по материнской линии входили двоюродные братья и сестры — *бүлэ*, которые в пословицах также имеют двойственное значение. В записанных у западных бурят пословицах утверждаются близкие, родственные связи: “Больше жира, чем в почках, нет, / Крепче родственника, чем племянники по матери, нет” — *Бөөрэхөө өөхэтэй мяхан үгы, / Бүлэхөө бүхэ ураг үгы* [8, с. 114], “Ближняя родня — племянники по матери, / Кровная родня — дядя по матери” — *Бүхэ урагынь — бүлэ, / Бүдэн урагынь — нагаса* [8, с. 115].

Пословицы с положительной и отрицательной коннотацией о племяннике по матери записаны нами и в современных полевых исследованиях: “У племянника по матери почки холодные” — *Бүлэ хүнэй бөөрэ хүйтэн* (Зап. от Сундуевой Зинаиды Цыремпиловны, 1944 г. рожд., род шубтэхэйшно, с. Чилир Баргузинского района Республики

Бурятия. Соб. Л.С. Дампилова, 2021) [ПМА]. Печень во фразеологизмах монгольских народов кодирует кровных родственников, а почки, не обладая особыми характеристиками, в данных выражениях обозначают чужую кровь. Подобные же пословицы присутствуют в изданных источниках разных регионов, что доказывает их универсальность: “У зятьев жилье одно, / У племянника по матери почки холодные” — *База хүнэй байра нэгэн, / Бүлэ хүнэй бөөрэ хүйтэн* [10, с. 250]. Отрицательная или положительная коннотация в данных паремиях зависит от признания отцовской или материнской стороны своей. Думается, на изменение оппозиционных параметров имеет влияние двойственность положения материнской стороны.

Тем не менее, “взаимоотношения с родственниками по материнской линии в большинстве бурятских семей рассматривают как первостепенные, и уже имеют место убеждения, что именно родство по материнской линии традиционно было более близким. Такая стратегия выстраивания социальных отношений является следствием развития естественного процесса, который уже не регулируется искусственно созданной идеологией, подкрепляемой обязательными обрядовыми действиями, выработанными в период господства патриархального уклада” [13, с. 106–107].

Если в пословицах про дядю по матери наблюдается в основном возвышенная положительная коннотация, маркируя близкий / свой мир, то в пословицах про дядю с отцовской стороны (*абга*) явно чувствуется негативная реакция, подчеркивающая чужой, посторонний род: “Дядя злопамятный / Внук почитаемый” — *Абга хүн харатай, / Аша хүн хүндэтэй* [10, с. 247]. Скорее всего, в этом словосочетании сравнение дяди и внука проводится без семантической привязки, а только по аллитерации и закону монгольского стихосложения. В следующем примере отрицательный образ дяди как злопамятного дополняется фразеологизмом, показывающим его тяжелый характер: “Рука дяди тяжелая, / Язык внука острый” — *Абгын гар хүндэ / Ашын хэлэн хурса* [14, с. 10]. В словаре дается пояснение, что так говорят про “человека, который обладает большой силой удара, сильно бьет рукой” [15, с. 463]. Действия даже жены дяди по отцу не соответствуют представлениям близких родственников, только чужой человек может так поступать: “Если тетя узнала, / То узнает вся деревня” — *Абга ээшин мэдэбэл, / Айл зон баран мэдэхэ* [14, с. 10].

Идея чуждости отцовской родни касается и племянников с этой стороны: “Худшие

из родственников – двоюродные братья и сестры по отцу, / Худшая из воды – лужа” – *Урагай муу үеэлэ, / Унанай муу шалбааг* [10, с. 257]. Полностью совпадающие с предыдущим вариантом пословицы записаны нами и в последние годы. Сохранились пословицы, которые можно расшифровать как признание своей близкой родней и той, и этой стороны: «Умиравшему двоюродные по отцу нужны, / “Высыхающему” двоюродные по матери нужны» – *Үхэхэдэ үеэлэ хэрэгтэй, / Хатахада бүлэ хэрэгтэй* [Зап. от Гонжаповой Жалмы Лундуковны, 1954 г. рожд., род гутар хальбин, с. Эдэрмык Кижингинского района Республики Бурятия. Соб. С.Д. Гымпилова, 2018] [ПМА].

Или вариант: “Двоюродный брат по отцу до смерти помогает, / Тройродный брат по отцу до глубокой старости помогает” – *Үхэсэрээ үеэлэ туһатай, / Хатасараа хаяала туһатай* [ЦВРК ИМБТ СО РАН, Инв. № 111].

У западных бурят записано подобное же выражение: «Когда умираешь, двоюродные братья по отцу нужны, / Когда “засыхаешь”, тройродные братья нужны» – *Үхэсэрөө үеэлэ хэрэгтэй, / Хатасараа хаяала хэрэгтэй* [8, с. 130]. У бурят родственные связи всегда занимали столь значительное место в жизни, что без них не обходилось ни одно важное событие, поэтому если даже вы не общались в повседневной жизни, то при рождении, свадьбе и похоронах родственники с обеих сторон признаны близкими и всегда должны присутствовать.

Обобщающей все наши изыскания является общеизвестная пословица: “Дядя по матери, как печень, теплый, / Дядя по отцу, как почки, холодный” – *Нагаса эльгэн дулаан, / Абга бөөрэ хүйтэн*. В паремиях человеческие органы – печень и почки постоянно выступают оппозиционными парами, маркируя теплое, родное, свое и холодное, чужое.

Итак, на множестве примеров выявили оппозиционную пару дядя по матери – свой / дядя по отцу – чужой. И тут еще одно мнение, которое тоже стоит учитывать. Современный информант в социальных сетях анализирует данную пословицу: дядя по матери хороший потому, что он живет вдали от племянника и относится к нему намного эмоциональнее и добрее, чем дядя по отцу, который живет вместе с ними. В родовом обществе вся отцовская сторона жила одной семьей. Дядя по отцу воспитывает племянника и как наследника рода сурово учит правилам жизни. Так что суровое отношение к племяннику дяди с той или этой стороны может быть связано с изменением оппозиционных маркеров.

В работе выявлена система представлений этноса о родственных отношениях по оппозиции свой / чужой в малых жанрах бурятского фольклора. Во всех регионах этнической Бурятии записанные нами за последние годы пословицы и поговорки на тему родственных связей соответствуют архивным и изданным источникам. Необходимо констатировать устойчивость формульных выражений при частичной трансформации семантики текста. Выявлено, что наиболее распространенными и сохранившимися являются пословицы про дядю по матери и только с положительной коннотацией. Определена оппозиционная пара: дядя по матери как свой и дядя по отцу как чужой. Установлено, что двойственность положения материнской стороны и признание то отцовской, то материнской стороны своей близкой родней повлияли на изменение оппозиционных параметров в пословицах про племянников.

ИСТОЧНИКИ

1. Мадасон, Ф. 18, оп. 1, Инв. № 193 – Буха ноён баабайда, Будан хатани ибиидэ дурдалга = [Призывание отца Буха нойона и матери Буданхатан]: записано от Дармаева Александра, с. Барабанск Аларского района, 1925 г. // ЦВРК ИМБТ СО РАН, Ф. № 18. И.Н. Мадасон, Оп. № 1, Инв. № 193, л. 4–7.
2. Балдаев, Ф. 36, оп.1, Инв. № 85 – Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН, Ф. № 36. С.П. Балдаев, Оп. № 1, Инв. № 85. Пословицы.
3. ЦВРК ИМБТ СО РАН, Инв. № 111 – ЦВРК ИМБТ СО РАН, Архивный фонд, Оп. № 1, Инв. № 111.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Петри Б.Э.* Внутриродовые отношения у северных бурят. Иркутск, 1925. 72 с.
2. *Басаева К.Д.* Семья и брак у бурят: вторая половина XIX – начало XX в. Новосибирск: Наука, 1980. 223 с.
3. *Галданова Г.Р.* Структура традиционной бурятской свадьбы // Традиционная культура народов Центральной Азии. Новосибирск: Наука, 1986. С. 131–159.
4. *Humphrey C.* Karl Marx collective. Economy, Society and Religion in Siberian collective farm. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, and Sydney: Cambridge University Press, 1983. 524 p.
5. *Нумаев Д.Д.* Проблемы этногенеза бурят. Новосибирск: Наука, 1988. 167 с.

6. Сыденова Р.П. Улусная община западных бурят (вторая половина XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 129 с.
7. Содномпилова М.М. Чужие для всех: группа “невестки” в концептуальном универсуме монгольского общества // Сибирский сборник – 4. Грани социального: Антропологические перспективы исследования социальных отношений и культуры. (Памяти российского этнографа-тунгусоведа Надежды Всеволодовны Ермоловой) / Отв. ред. В.Н. Давыдов, Д.В. Арзютов. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 419–432.
8. Мадасон И.Н. Буряад арадай оньон, хошоо үгэнүүд [Пословицы и поговорки бурятского народа]. Улан-Удэ, Буряад номой хэблэл, 1960. 401 с. [На бурятском языке]
9. Батоева Д.Б., Галданова Г.Р., Николаева Д.А., Скрынникова Т.Д. Обряды в традиционной культуре бурят. М., 2002. 220 с.
10. Пословицы и поговорки на калмыцком, бурятском, монгольском языках // Памятники фольклора монгольских народов. Т. VII. М.: ИМЛИ РАН, 2018. С. 197–431.
11. Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX – XX в. Новосибирск: Наука, 2006. 184 с.
12. Балдаев С.П. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1959. 179 с.
13. Содномпилова М.М. “Река начинается с родника, а родство – с дяди по матери”: группа нагасанар в монгольском социуме // Этнология, серия “Геоархеология. Этнология. Антропология”. 2014. Т. 8. С. 100–109.
14. Бальбурова Б.Ц.-Е. Буряад арадай оньон үгэ. Пословицы и поговорки бурят. Улан-Удэ: ООО “Форвард”, 2020. 366 с.
15. Фразеологический словарь бурятского языка / Сост. Т.Б. Тагарова. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 565 с.
5. Humphrey, C. Karl Marx collective. *Economy, Society and Religion in Siberian collective farm*. Cambridge, London, New York, New Rochelle, Melbourne, and Sydney: Cambridge University Press, 1983. 524 p.
5. Nimaev, D.D. *Problemy etnogeneza buryat* [Problems of Ethnogenesis of the Buryats]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1988. 167 p. (In Russ.)
6. Sydenova, R.P. *Ulusnaya obshchina zapadnykh buryat (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [The Ulus Community of the Western Buryats (the Second Half of the 19th – the Beginning of the 20th Century)]. Ulan-Ude, Izd-vo BNC SO RAN Publ., 2003. 129 p. (In Russ.)
7. Sodnompilova, M.M. *Chuzhie dlya vseh: gruppа “nevestki” v konceptualnom universume mongolskogo obshchestva* [Strangers for Everyone: the “Daughter-In-Law” Group in the Conceptual Universe of Mongolian Society]. *Sibirskij sbornik – 4. Grani socialnogo: Antropologicheskie perspektivy issledovaniya socialnykh ot-noshenij i kultury. (Pamyati rossijskogo etnografa-tungusoveda Nadezhdy Vsevolodovny Ermolovoj)*. *Отв. ред. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov* [Siberian Collection – 4. Facets of the Social: Anthropological Perspectives of the Study of Social Relations and Culture. (In memory of the Russian Ethnographer-Tungusologist Nadezhda Vsevolodovna Ermolova)]. Ed. V.N. Davydov, D.V. Arzyutov]. St. Petersburg, MAE RAN Publ., 2014, pp. 419–432. (In Russ.)
8. Madason, I.N. *Buryaad aradaj onhon, hoshoo ygenyyd* [Proverbs and Sayings of the Buryat People]. Ulan-Ude, Buryaad nomoj heblel Publ., 1960. 401 p. (In Buryatian)
9. Batoeva, D.B., Galdanova, G.R., Nikolaeva, D.A., Skrynnikova, T.D. *Obryady v tradiconnoj kulture buryat* [Rituals in Traditional Culture of Buryat]. Moscow, 2002. 220 p. (In Russ.)
10. *Poslovicy i pogovorki na kalmyckom, buryatskom, mongolskom yazykah* [Proverbs and Sayings in the Kalmyk, Buryat, Mongolian Languages]. *Pamyatniki folklorа mongolskikh narodov. T. VII* [Monuments of Folklore of the Mongolian Peoples. Vol. VII]. Moscow, IMLI RAN Publ., 2018, pp. 197–431. (In Kalmyk, Buryatian, Mongolian, Russ.)
11. Gombozhapov, A.G. *Tradicionnye semejno-rodovye obryady aginskih buryat v konce XIX–XX vv.* [Traditional Family and Ancestral Rites of the Agin Buryats at the End of the 19th–20th Centuries]. Novosibirsk, Nauka Publ., 2006. 184 p. (In Russ.)
12. Baldaev, S.P. *Buryatskie svadebnye obryady* [Buryat Wedding Ceremonies]. Ulan-Ude, Buryat. kn. izd-vo Publ., 1959. 179 p. (In Russ.)
13. Sodnompilova, M.M. “*Reka nachinaetsya s rodnika, a rodstvo – s dyadi po materi*”: *gruppа nagasanar v mongolskom sociume* [“A River Begins with a Spring, and

REFERENCES

1. Petri, B.E. *Vnutrirodovye otnosheniya u severnykh buryat* [Intragenital Relations in the Northern Buryats]. Irkutsk, 1925. 72 p. (In Russ.)
2. Basaeva, K.D. *Semya i brak u buryat: vtoraya polovina XIX v. – nachalo XX v.* [Family and Marriage Among the Buryats: the Second Half of the 19th Century – the Beginning of the 20th Century]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1980. 223 p. (In Russ.)
3. Galdanova, G.R. *Struktura tradiconnoj buryatskoj svadby* [The Structure of the Traditional Buryat Wedding]. *Tradiconnaya kultura narodov Centralnoj Azii* [Traditional Culture of the Peoples of Central

- Kinship Begins with a Maternal Uncle”: Nagasanar Group in Mongolian Society]. *Etnologiya, seriya “Geoarheologiya. Etnologiya. Antropologiya”* [Ethnology, Series “Geoarchaeology. Ethnology. Anthropologia”]. 2014. Vol. 8, pp. 100–109. (In Russ.)
14. Balburowa, B.C.-E. *Buryaad aradaj onhon үге. Poslovicy i pogovorki buryat* [Proverbs and Sayings of the Buryat People]. Ulan-Ude, ООО “Forvard” Publ., 2020. 366 p. (In Buryatian, Russ.)
15. *Frazeologicheskij slovar buryatskogo yazyka. Sost. T.B. Tagarova* [Phraseological Dictionary of the Buryat Language. Comp. T.B. Tagarova]. Irkutsk, Izd-vo IGU Publ., 2014. 565 p. (In Buryatian, Russ.)

*Дата поступления материала в редакцию: 22 февраля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 20 марта 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.*

*Received by Editor on February 22, 2023
Revised on March 20, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023*

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026318-5

Номинация семьи и родства в архангельских говорах

© 2023 г. И. Б. Качинская

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова,
Россия, 119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
ORCID: 0000-0001-5707-6848
kacza@yandex.ru

Резюме. В статье рассматриваются группы лексем, связанных в архангельских говорах с понятиями семьи и родства. Словообразовательное гнездо с корнем *rod-* намного значительнее, чем гнездо с основой *semj-*. Одни и те же лексемы могут указывать как на отдельных членов семьи, так и на совокупность родственников, то есть употребляться в собирательном значении – дифференциация оказывается достаточно слабой. Для обозначения родства и родственников используются также термины, называющие общность людей (*братва, дружина, артель, колхоз, население*), некоторые местоимения (*мои, свои, все, наши*), метафоры, связанные с культурными кодами (по терминологии С.М. Толстой): растительным (*дерево, корень, семя*), животным (*гнездо*), предметным (*дом*), соматическим (*кровь, нога, колено, жила, кость, хвост*), абстрактным (*сторона, линия*). Многочисленные примеры впервые вводятся в научный оборот.

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда № 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>.

Ключевые слова: термины родства, семья, родство, архангельские говоры, северные говоры, русская диалектология.

Для цитирования: Качинская И.Б. Номинация семьи и родства в архангельских говорах // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 77–85. DOI: 10.31857/S160578800026318-5

Nomination of Family and Kinship in Arkhangelsk Dialects

© 2023 Irina B. Kachinskaya

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the Lomonosov Moscow State University
1 Bld. 51 Leninskie gory, Moscow, 119991, Russia
ORCID: 0000-0001-5707-6848
kacza@yandex.ru

Abstract. The article deals with the groups of lexemes associated in Arkhangelsk dialects with the concepts of family and kinship. The word-formation nest with the root of *rod-* (the genus) is much more significant than the nest with the basis of *semja-* (the family). The same lexemes may mean both specific family members and a group of relatives, in other words, they can be used in a collective meaning. The differentiation turns out to be quite weak. To denote kinship and relatives, the following terms are also used: the names of the people community (*bratva, squad, artel, collective farm, population*), some pronouns (*my, mine, all, ours*), metaphors associated with the cultural codes (due to the terminology of S.M. Tolstoy) like a vegetable code (*tree, root, seed*), animal code (*nest*), object code (*house*), somatic code (*blood, leg, knee, vein, bone, tail*) and the abstract one (*side, line*). Numerous examples are introduced into the scientific use for the first time.

Acknowledgements. The study was carried out thanks to the support of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-18-00027, <http://rscf.ru/project/23-18-00027>.

Key words: the terms of relationship, family, kinship, Arkhangelsk dialects, Northern dialects, Russian dialectology.

For citation: Kachinskaya, I.V. *Nominaciya semji i rodstva v arhangelskih govorah* [Nomination of Family and Kinship in Arkhangelsk Dialects]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 77–85. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026318-5

1. В словарях понятия *семья* и *родство* определяются следующим образом: “*Семья* — группа живущих вместе близких родственников” [1, с. 736]; “*Родство* — связь между людьми, основанная на происхождении одного лица от другого (прямое родство) или разных лиц от общего предка, а также на брачных семейных отношениях” [1, с. 705]; “*Семейство, семья* — совокупность близких родственников, живущих вместе, в тесном знач. родители с детьми...” [2, III, с. 123]; “*Семья* — группа людей, связанных родством: кровным, заместительным, через браки. *Семья* образуется в результате брака (браков)”; “*Родство* — люди, связанные кровными узами (кровное родство) или через браки (родство по браку, свойство)” [3]. Таким образом видно, что, во-первых, одно понятие часто включает в себя другое, во-вторых, что понятие *родства* шире, нежели понятие *семьи*.

2. **Семья.** Считается, что слово *семья* в русском языке довольно позднее. Этимология слова затемнена, О.Н. Трубачев возводит семантику лексемы к территориальной общности, поселению, отмечая такие значения в древнерусском и других славянских языках, как ‘челядь, домочадцы, рабы’ [4, с. 164–167]. Там же со ссылкой на словарь Куликовского он приводит и другие значения: «Интересно по своему значению олонек. *семяюшка*: “ласкательное название для супругов; жена для мужа *семья*, и муж для жены то же; надежной *семяюшкой* чаще зовут мужа”» [4, с. 164]; [5, с. 106]. Б.А. Ларин отмечал, что слово *семья* “имело сложнейшую историю употребления. Значение его сильно менялось, никогда не было узким и простым”. Он приводит примеры, в которых лексема *семья* имеет значения ‘большая семья (задруга); ‘малая семья (жена и дети); ‘родители и дети; ‘жена; ‘челядь, рабы; ‘домочадцы (родня и дворня); ‘заговор”, т.е. ‘сговорившиеся друзья и родственники; ‘единомышленники; ‘дружеский союз’ [6, с. 19, 21]. Об этимологии и значениях слова *семья* см. также [7]; [8]; [9]. О концепте семьи, его трансформации в современном языковом сознании см. [10]. Нас будет интересовать слово *семья* и его дериваты в значениях, связанных с родством.

В архангельских говорах словообразовательное гнездо лексемы *семья* не так велико, оно создается за счет суффиксальной деривации: *сёмья, семейка, семеечка, семяюшка, семейство, сёмьица*: *Я пришла, сёмья-то большаа была, вот дёверьё отделился. Из девок в сёмью идут. Шесть братьёй, три сестры было — больша семейка была у деда. На высокую горю выходила рано жать, скоро дрóлину семеечку придётся уважать. Семяюшка была большая. Как просватали младу во семяюшку большу. Вот Илья-Илеюшка, велика ли семяюшка? Поживёшь да обживёшься, семейство заведёшь. Семейства нет, никого нет. Шесть сестер, три брата было, се вырошилены, така сёмьиша была.*

Антропологи различают патриархальную, большую семью, которая была характерна для русской деревни вплоть до 60-х годов XX века, и малую (нуклеарную). В *большой семье* в одном доме жили все братья с женами и детьми, незамужние сестры и незамужние тетки. В таком доме могло быть 3–4 разновозрастных поколения: *Взамуж выдавали в сёмью в большую, у мужа было пять братьёв. Три золовки было, два деверя да третий муж — вот в каку сёмью запустилась. Пятнадцать человек семейства скопилось.* Рассказывая о своем замужестве, женщины часто указывали, каким по счету членом семьи становилась новая невестка: *Я пришла шестая в семью. Восьмая в сёмью пошла, не пострашилась. Я десятая в сёмью. Я двенадцатая шла в сёмью-ту. У меня мама вышла в сёмью-то тринадцатой. У нас мама в сёмью к отцу вошла шестнадцатая. Они сказали: мы тебя просватали, она в сёмью двадцатой пошла.*

Помимо лексемы *сёмьица*, в значении ‘большая семья’, встретились словосочетания *семья сёмьющая, семейный дом*: *Семьи сёмьющие были, нонь сёмьи-то малы накопляют. У ково семейной дом, дак каждый день пекли. Ведь у меня дом-то семейный.*

Как правило, слово *семья* и его дериваты обозначают близких родственников, обычно живущих вместе и ведущих общее хозяйство. Часто встречаются наречные употребления: *сёмьей, сёмьями*, словосочетания *одной сёмьей, как одна семья*, где главная семантическая составляющая — ‘живущие

вместе', 'все вместе': У Никулиных всё **семьёй** живут, сын с Ыма живёт. А Серёжа-то **семьёй** живёт, с парнём. Нынё **семьями** не живут и детей больше двоих не пускают (не рожают). Прожили **семьёй** шиксят лет. Ещё ведь я одна живу, не **семьёй**.

Лексема **семья** и ее дериваты могут иметь значение 'родственники, члены семьи': Много ли **семьи** у вас? У вас там много **семьи**. Мать высокая ростом была, и не толста и не тонка, равна така. **Семья** тожо вся была высокая ростом. Всю **сёмью** забрал и поехал в Николаевск. Дочи пойдёт **семье** покупать и мне принесёт. Надо кормить-то **сёмью**. Родители у меня рано умерли, **сёмью** мне оставили, я ещё родительских детей дорожишвала. Никого **семьи** нет, вдвоём с жёнкой.

Накопить **семью** значит 'родить много детей': Братан у меня **сёмью** накопил. Он жёнился, **семью** накопил, а всё ко мне подлизывается. Не мог выучиться, зато **сёмью** накопил теперь. Ваня, **сёмью**-то велику ли накопил?

Отсюда появляется более конкретное значение 'дети': Семей накопили, а **семью** как хош воспитай. И у второй жены **семьи** не было. Вот надо дом построить, надо, ёлки зелёные, и **сёмью** рóstить, и всё. Такую **сёмью** воспитали — тогда было не до пи-сен. Всех выводила в зыбке. И вот в этих зыбках муж мой качался, ну бабкина вся **семья** в этой зыбке, и я нарожала — все в этой зыбке.

Словосочетание **семья ребят** также означает большое количество детей: А дома-то постирать надо, ведь **семья ребят!** В войну-то остались с **семьями** большими **ребят**.

3. Родство. Род. Родственники. У лексемы с корнем **род-** словообразовательное гнездо намного больше, дериваты образуются с помощью суффиксации или суффиксации с префиксацией.

Суффиксальное словообразование: **родина**, **родинка**, **роденька**, **родни́на**, **родни́шка**: Она одна из ейной **родины** осталась — ни братьёв, ни сестёр. Таня от Володиных **родиною**-то. **Родиной**-то цыи, **родом**-то? Они мне цужие — по тебе только **родинка** небольшая. Така давношна **родинка**-то. Свою **роденьку** созову — посидят, поедят. На третий день всё хоронят, **сво́й**-то, **родни́на** есть, да остаются ведь тут (с покойником). Маленько-то, говорит, у мня где-то **родни́шка** есть, да не знаю где. Всю **родни́шку** соберут.

В этом же значении 'семья, родственники' употребляются лексемы родители, родичи: Есть у меня **роду**, везде нас много, **родителей**-то. Есть у меня, полно **родителей**. Там у жёнки **родители**, много **родителей**. Моих **родителей** мало было. У него никого нету **родителей**. У ей **род** большой, **родителей**

много. Всех **родителей** собрали, всех дядей, ейной свёкор был. У нас, в обшшем, все **родители** приходили, все **родители** приходили, вместе все как: брателко, татушка, мамушка, сестра — всё **родители**. Цё-то мои **родители** не едут! (сын с женой). Заговенья после Троицы, все **родичи** собираются, приезжают. Та никогда не ходила к **родичам**. У ей там **родичи** живут.

В значении 'семья, родство' — лексемы **род**, **родство**, **сродство**, **порóдство**: Мы добрава **рода**, отец у нас добродетельной. У кого есть **родство**, **сродство** — всё ходили. Чуркины одно **родство**, другие Чуркины — другое **родство**. У бабушки не знай ково-то из **родства** призывали в армию. А вот как вот наше **родство** праздновало. Их **родство** раскулачено. Ак у нас вишь, с той стороны и с другой всё **сродство** связалось. Да у тяти и **сродство** небольшое было, целовек тридцать, все деревёнци. Тамока всё **сродство** наше живёт. Фамилия по **сродству** идут, по **племени**. **Порóдство** хорошо, роботно, заботно.

Префиксальное и префиксально-суффиксальное словообразование: **природа**, **природушка**, **порода**, **породушка**, **породина**, **природь**, **природье**: Собрались много, **природа** большая была. Даром, что у нас **природы** мало, **природы** той хватило бы. Из нашой, говорит, **природы**. А когда замуж брал, всю **природу** разбирали, кто есть кто. Тимофевна, может, к своей **природе** поедет, да **природа** не толста. **Природа** своя памятник поставила. Вся **природушка** ихня. Вся **природушка** на свадьбу собралась. Собралась наша-то вся **породушка**, собралась **семья** большая, да нас отделили. Дак они свои, **природь**. Уся **природь** наша. У меня **природы** много. У большой-то (старшей) доцери двое правнука, я уже 4 раз прабабка, вну́цек одних 8, а внука 2, вот сколько моего **природья!** Федул — правдедо мене был, я Федуловского **природья**, три брата было Федуловских.

В значении 'семья, родство' зафиксирована и лексема **племя** (племя): Потом **племя**-то розвелось широкое, у дочерей пошли внуки, правнуки. Одного **племя**-то. Посмотрю по **племеню**.

Одни и те же лексемы могут указывать как на отдельных членов семьи, так и на совокупность родственников, т.е. употребляться как собирательные (номинация совокупности родственников в разных говорах рассматривается в [11]). Дифференциация оказывается достаточно слабой. См., например, употребление лексем **род**, **родьба**, **родня**: **Роду**-то нету дома, цё он будет делать, вот и робит. **Родьбу** собрала, да брага худа была, не забориста. Ты ведь одна моя **родня**. У меня **родня** там есть, и не одна. А самая **родня** (жена) берёт дров, к сошкú подходит, колотит поленом о сошóк. Тут три **родни** есть в Москве. Невеста

посоветуется с **родня́ми** со своими. Я кругом в **родня́х**, в лю́дях, б́хтемне!

У лексемы *родственность* есть значение ‘родственница’: *Эта ево́нна **родственность** и́дёт. Это наша **родственность**—то и́дёт.*

Родственники могут называться *ср́одственники* или *порóдники*: *На помíнки на сороковой день зовут ково желанного, **ср́одственников**. А меня три имя — деревéнци Оля зовут, а **ср́одственники** всё Олексахой. **Порóдники** жениха и невесты выпьют и розойдутся.*

В значении ‘родственники, родня’ употребляются субстантиваты *родные, родненькие, порóдние, прир́одние (прир́одные), родовáя, народовáя и родословная*: *Спать пойдёт — всем здоровья своим **родным** да помолит. И **р́одненькие** ходили, друзей было. Так ведь **порóдние** — из родни не вы́дет. А то как-то ешчо дак **прир́одны**—то все соберутся. Свои будут, **при́родни**. Наша-то **родовá** говорит: не поедем далеко. Дочь взамужем, так ведь скажут: вон моя **родовá**. Собралась на свадьбу вся **родовá**, вся **природа**. Тут вся Танина **родовá**: сёстры да братья, зятьё, всё **поколенье**, все **ср́одственники**. А тут всё моя **родовáя**. У невесты **народовая** пришла в гости. У нас **родословна**—то больша.*

Зафиксирована вторичная субстантивация, когда слово может изменяться по субстантивно-му, а не по адъективному склонению: *Вся **породо-ва**—то у ей большая. Сёстры, да сыновья, да зятья — много **породовы́**.*

На базе лексем *родня* и *природа* (*порода*) появляются словосочетания со значением ‘семья, род’, ‘родственники’: *родня-природа, родня-природушка, родня-порода*: *Собралась-то **родня-природа** не на гулянье да не на веселье... (смертное причитание). **Родни-природушки** нужен дом был. Всё **родня-природушка**. Сядешь обедать, свою **родню да породу** помянешь, теперь-то и́дёт по-свински.*

Объединение характерно и для лексем *род* и *племя*: *У него ведь по́ крови одна тётка, пускай попроведат, у нас ведь немного **роду-племени**, кровь ведь. Много у ней **роду-племени**. Теперь из **роду-племени** я единственна Лялина по прозвищу. В фольклоре: *Что же ты не жениссе, радость, долго? Меня, роскрасавицу, замуж не берёшь? **Родо-племя** ругает, мо́лодца бранят, тебе, роскрасавицу, братья-то не велят. А вдова спрашивают: вы чьего **роду**, чьего **племени**?**

Если хотят подчеркнуть, что человек не связан с кем-то родством, то говорят, что он кому-то *не род не племя*: *Она мне **не род не племя**, не подружка, так я не плакала по ней. И не так, чтоб*

*супротивница, но **не род — не племя**, и не плакала. Они нам **не род не племя**, был бы добр до меня.*

Об отсутствии родственников говорят, что у человека *не (ни) роду не (ни) племени (ни родни ни племени)*; *ни родни да ни породы; духу-роду нету, он беспле́мённой*: *А чё всё живёт-то одна, **не роду не племени**. Я люблю почто-то людей сторóнных, потому что люди сторóнны, у их **не роду не племени**. Я к соседям не хожу никогда телефон звонить. Некому звонить, **ни родни ни племени**. Поедем, дева, тамоки. — А цё я пойду, там **не родня не племя**. **Ни родни да ни породы!** У меня никого **духу-роду нету**. Неужели я **безродная**, неужели **бесплеменная** (из песни)?*

Словосочетания часто указывают на направления, линии родства. Родня со стороны отца — *отцова (татаина) родовáя, отцова (татаона) природа, батина порода, отцовская (тяткина) родня, папке родня*. Родня со стороны матери — *материна природа, по матери родня*. Со стороны мужа: *мужняя родня, мужика родня (родня мужику)*. Со стороны жены — *жёнкина (жéнина) родня, по жёнке родня*. Со стороны жениха — *женихова природа (родня, породовá, родовая), женихово ср́одствó (ср́одствó жениха)*. Со стороны невесты — *невестина природа (родовáя)*. Родня со стороны дяди: *дядева родовáя, со стороны сестры — **родня сестры***. Родство по материнской линии — это еще и *старый (девий) род*: *По **старому роду, старой род, девей род**. Она по **старому роду** своя.*

Блиские родственники — *ближня (большая) родня, ближние родственники, б́лжники*: *Отцова **родня-то ближня**. Жениху перину от невесты несут, **родня ближня** котора. Те-то были **родственники ближны**, всё гостилися хорошо. Спёрва **большая родня** подходит к невесте. **Большая родня** — большой плат (дарят), маленькая родня — маленький, носовой. Кровные родственники — *коренная родня*: *Где только **родни нет** моей **коренной!** Мы с им троюрóдники — **родня коренна!****

4. Для номинации семьи, родственников употребляются термины, которые обозначают группу, общность людей: *братия, братва, дружина, оравушка, артель, колхоз, фамилия, население*: *Если много **братии**, есть кому обрабатывать (землю). Там сидели гости с ихной стороны, здись — наша **братва**. Мы тоже без отца всю войну жили, дак у нас **братвы**—то много. За одним столом и вся моя **братва**, внуки дак. Опять я жил в **дружине**. Карточки были тоже, таскали шпалы, надо, жрать-то хотели, кто меня возмёт, и **оравушка** росла, куда я малá, кто меня, мне карточку заработат? А куда? У меня эка **артель** была, б человек. Робята цáстые да, **артель** да. Вот такой **артелью** живут, полны*

избы ребят. Бабка выподняла своих целу **артель**. Нас-то колхоз-то большой, придут. Вся вывелась **фамилие**, только два хозяйства остались. Я уже запустошаю всё, половину (огорода) отдал своему **населению** (сыну с семьей). О наименованиях человеческого сообщества см. [12]. В то же время, лексема *семейный* может иметь значения ‘многолюдный’ (Там *несемейная* деревня); ‘совместный’ (1728 год — *семейное* самосожжение ста девяти человек).

5. При обозначении родства, семьи могут употребляться метафоры. С.М. Толстая говорила о культурных кодах, которые участвуют в метафоризации. Например, “растительный код родства представлен номинациями, относящимися к линиям и степеням родства, за которыми стоит образ родословного древа: рус. *ветвь, плод, семя*, диал. *куст...* Ряд слов, такие как *семя, плод, колено*, являются общими для анатомического и вегетативного кода” [13, с. 11]. О метафорических значениях многих терминов родства см. [14].

В архангельских говорах для обозначения семьи используется растительный код (*дерево, ветвь, корень, корешок, семя* и др.); животный (*гнездо, гайно́*); геометрические абстракции (*сторона, линия*); предметный код (*дом, двор* и др.); в предметном коде особо следует выделить соматику (*кровь, нога, колено, жила, кость, жопа, задница* и др.).

5.1. **Растительный код** (*дерево, куст, кустик, корень, коренное, корешок, семя, отросток, отростель, отростень*): Своево **коренново** не знаю, своево **дерева, родню**. У нево детей **куст**. Как я с има (с детьми), с этим **кустом!** Первого июня родила паренька, а двадцать второво войну объявили — вот и осталась с кустиком (с ребенком). Предки наши, **корни**-то, они друг по дружке тянулись. **Корень** чей, кто отстроился, я в серёдке тут не знаю, чей дом. Он захватил баню за угол и сбросил в реку, вот такой силач, такой **корень** ихной, порода такая. Умерли бабки-то, а **коренья**-то оставляют. У них там **корень**-от осталсе. Отец и мать (при выборе жениха и невесты) смотрели на родителей и на **корни**. Тёта продолжила этот **корешок**-то древний. Инженер (прозвище) — **отросток** Ивана Иваныча, он мозговатый был. А вот **отростель** по пожилыны ведь идёт — от деда к отцу. Много у нас Седуновых, давношно уж **племя**, давношно **сёмё**, есть новы́ и родники. Антоном назвали, годовбй. Наши **семена**-ти рослы, быстро копится.

5.2. **Животный код** (*гнездо* и его диалектный синоним *гайнó*): Гольчиковых большо **гнездо**, а Поповых искореняется. Они се из одного-то **гнезда**. Мы одного **гнезда**-то, я девкой была Трубкиной. Она вёростё, хош и не в то **гнездо**. Так сказать,

к своему **гнезду** прикинет. Теперь кто женился — из **гнезда** улел, а раньше все долго в одном доме. Цело **гнездо** у сына, семь детей. Она из какого **гнезда**-то? Савотёу? У меня такое **гайнó**, столько ребятишек, ревут, шумят, крик!

В значении ‘семья’ или ‘семья с большим количеством детей’ употребляется фразеологизм *осиное (осье) гнездо*: У ей там **осиное гнездо** — внуков да правнуков, она там не поговорит. А он нас “**осье гнездо**” звал. Семья с большим количеством детей — **табунок**. Дети в большой семье сравниваются также с **мурашами** и с **червями**: Я осталась с эким-то **гайнóм**, как с **мурашами**. А дома детей, как **червей**.

5.3. **Предметный код** (*дом, двор, изба, жильё, житьё*): Вот на угоре только четыре **дома** и живут. Все **дома** спирт пили, до того допили, одного посадили, а второй тоже грубиян такой. Все, все **дома** были по прозвишам, а мало, мало было без прозвишешев. Этот **дом**-от тоже раскулачивали. Испанка была, **домами** мерли. В Новинках весь **дом** умер. Всему **дому**, всему **роду** нелюба́ жёнка моя. Это в одном **дворе** две Татьяны. Соберется **изба** да кругом засядут. Могла бы я вмешаться к Михайловне в **избу**. А мамка-то была из богатого **жилья**: мельница своя да кузница. Отласника у меня не было в заведении, я из бедново **жилья**. А выходила-то в **житьё**, богато жили. Сами-те на два **житья** живете. Раньше большими **житьями** жили. В нашем **житье** було́ пять девок.

5.4. Многочисленны метафорические переносы, связанные с частями тела, соматикой. Родство, родня, родственник — это *кровь, нога, колено, поколение, жила, пожилина, кость, жопа, задница, хвост* и др.

Кровь — кровный родственник, родня: А брат-от **кровь** ведь, родной, а Толя уж не родня, не **кровь**, ведь не от одной матери. Мы сёстры одной матери, одной **крови**. Своя **кровь** есть своя **кровь**, а **цюжяя** **кровь** есть **цюжяя** **кровь**, пережитки. Дак это ведь раньше-то говорили, подавали в заказ, не венцели ведь, как вот одной **крови** дак. А за **цюжово**-то — **цюжой** дак **цюжой** и есть, а и за **любово** бы пошла за **цюжова** (замуж), а за своево не пошла, одной **крови** дак. Они одной **крови**, вот и бывает глупости-то всякой.

Родственники, ответвление, линия рода — *жи́ла, пожи́лина*: А одна **жила**-то в каком-то краю останется. А где у ково **пожилина**, друг ко дружке ходили.

Семья, семейство, род — *колено, поколение*: Романово-то **колено** леший унёс, советска-то власть пошла. Пароход заходил, когда уж Романово

колени леший унёс. По породе идёт, в каждом колене кто-нибудь да диабетик. А ведь у меня в роду не знаешь, с какого колена плотники, бондари. Та-тина родовá: сёстры да братья, зётъё, всё поколѣньё, все сродственники. Ступени родства считаются и по восходящей, и по нисходящей линиям прямого (кровного) и бокового родства: колени может быть вторым, третьим, четвертым, пятым, даже седьмым: *Мамины прародители, каково колена, не знаю. Мы уж в трёх коленах при ей. Она мне сестрённица будет, второ колени, матери сестра. Он ему и присвой — и ругается, может, четверто ли пято колени. Вот твоя дочь за моево сына выходит, дак разберут до седьмого колена каково.*

Невесту порой предпочитали брать из родни: *У них берут в своём колени: троюродных, четверюродных. От племянницы пошла девка (замуж), да дальне колени-то.* В то же время, в русской деревне весьма трепетно относятся к случаям, когда женятся даже дальние родственники: *У нас родословность-то пошла, до семи колени не разрешается (жениться на родственниках). До пятого колени родство есть, в пятом колени уж женятся. Поп говорит: третье колени — венчать можно. В третьем колѣни садись на колени (можно жениться).*

Многочисленна фразеология, связанная с телесным кодом. Породниться с кем-н., стать близкими родственниками — *протянуть короткую ногу: Мы уж все пережились, коротку ногу протянули. По отцовской ноге — по отцу: По отцовской-то ноги Мамоны (прозвище).*

5.5. Имеется абстрактное направление метафоризации. Родственники распределяются не только по коленам, но и по сторонам, линиям родства: *Та-то сторона его Енькой всё и звала, не Женькой его звали, а Енькой. С ейной стороны родственники. Про родовую линию я у ней выпытывала. У нас бабушка-то тоже — не та уже, по другой линии, тоже пришла. Это по нашей линии. Наша линия, наш корень идёт с Андрея Петровича. По моей линии никто не пил, по жены-то пили.*

Часто указывается направление сторон и линий родства: *отцова, мамкина, женина, женихова, невестина, дядина: Он с отцовой стороны, природы-то. А с мамкиной стороны Прожжоны, Прожжончики (прозвище). Александра была от дядиной стороны родня, а Анна была от жениной. У нас в первый день называли, природа была с жениховой стороны, а на второй день с невестинной. А по отцовой линии был дедушко Николай. По линии мужа, ну это уж не моя линия.* Как указание на направление семейного родства встретилась лексема конец: *Сам-от хоть с которых концов?*

6. В обозначении родственников присутствуют местоимения и их дериваты: *мои, свои, наши; сами; все, всётенька: Мои за морошкой ходили, ни морошины не принесли, церница здрела, церницы принесли. А тут (на фотографии) мы стоимся — тут меня не узнать, тут мои, двоюродницы. Моти только одна Ольга была. Товарищев созовут, своих, родников назовут — и вот это отвальня. Там, можо, свои кто заходил. И то — по своим только. Неловко, ведь свои да, жалко своих-то. Да много родников-то у их, своих-то. У кого свои есть, дак ездили, гуляли. Отмецяли, немного своих, свои-то приходили. Наши все из деревни выбыли — кто в армию, кто куда. Да самих их нетеро. У тебя много всех-то? Спать ложисся — господи, благослови всю мою всётеньку.* Об употреблении личных местоимений вместо терминов родства в литературном языке см. [15].

Незнакомому человека в деревне прямо на улице часто спрашивают: *Ты чей? (чья?),* т.е. хотят выяснить, к чьему роду, к какой семье принадлежит незнакомец: *А ты цей? Ты откуда? Обезательно спросишь. Чья там будешь? Ты ця есть-то? Ты чей ести-то? Цей ты ести да откуда? Я думаю: чьи ли идут? Ты откуль взятой, чей, откуль, куда? Откуль родов-то? Наш ли, чей? Чей ты, мальчик? Он сказал, что Кбстылевых.* По деревенскому этикету, молодой человек, здороваясь с представителями старшего поколения, сам должен называть себя и свой род: *Молодёжь сейчас неуважительная. Ходь бы сказала, чья.* Человек, чье место жительства и семья остались незнакомыми, не определенными, чужими, оказывается не просто нездешним, а *чьим-то, кто знает чьим или ничьим, ничейным: Она нездешня, чья-то. Это чья? — Да я говорю, кто знает чья, севодня их есть нагонено. Мужик не знаю чей, не золотицкий — ничей. Васька-то не наш, не знаю, он чей, — ничейный, наверно.* Наряду с чей (чья) может использоваться вопросительное местоимение *какой (какая),* когда хотят выяснить, кем человек приходится кому-то из родственников или знакомых: *А она кака жѣнке-то? Не знаю, чьих она родов, кака она.*

7. При указании на дальнейшее родство речь идет либо о кровных родственниках в далеких коленах, либо о некровном (брачном) родстве. Используется адъектив *дальний: Дальний был дядька-то.* Субстантиват дальние: *Дальни-ти уж не знают своих родственников.* Наречие *далеко: И эта жѣнка уж нам далёко своя. Далёко род, дак уж не знам, как назвать (такое родство). Они уж, наверно, прадвнуки, они уж далёко будут ей. Далёко уж родня, можно брать (замуж).* Многочисленные словосочетания: *дальний род, далёкие роды, дальняя (малая,*

небольшая, досельная, ранешняя, давнишняя) родня, родня (родственник) маленько (немножко), дальше колена, конец родни, родня не сродня: Каки-то они приежджи, дальни — ейн-от род. Уж далёки-то роды. А раньше така дальна родня сватъями звалися. Уж далёка родня — а она всё сюда ходила. По Елесіхе, по маме, давнишняя родня. Деденка моя — в родне, небольшая родня, по отцу, отцу тётка, не тётя, а дедна. Она мала родня, а всё уж. Он тоже родня маленько. Маленько родственник — кака-то родня есть. А она ишо им немножко-то была родня. Жил паренёк, родня не сродня — а так, всё вмисти.

Далекое родство определяется метафорически через пищевой код (жито, кисель), ср. общерусское *сдьмая вода на киселе*. В архангельских говорах встретились фразеологизмы *десятая вода на киселе, сдьмой кисель на воде: Десятая вода на киселе. Женя нам родственница, хоть сдьмой кисель на воде, но очень близкие*. Во фразеологизме *сдьмая кровь на киселе* возникает контаминация, когда объединяются пищевой и соматический коды: *Если сдьмая кровь на киселе*.

Чаще всего для определения дальнего родства используется соматический код: *десятая нога; девятая (третья, четвёртая, пятая, сдьмая, десятая, сороковая) кость (от жопы, от задницы, одного места); сдьмое жито от хвоста, через три хера племянник: Там десята нога, а всё ровно родство, природа така. Пусть это десятая нога в поколении, как говорится, ты должен через ково-то зайти. Родня-то далёко — дак гоорят: девятая кость от жопы. Вопше она мне тётка, но така тётка — девята кость от жопы. Полькин (сын) тут да Анны Лаврентъевны — девята кость от жопы. О дальней родне говорят: третья, четвёрта кость от жопы. Тоже мне родство — пятая кость от жопы! Я не знаю, пята кость от задницы родня-та. Он свой-то, да не то, десятая кость от жопы. Это родница Володьки, кака-то, не знаю, десята кость. Какой там племянник, не племянник! — Какой-то уж дальний. — Сороковая кость от! За двоюродным братом — родня, да и всё. Родственница. И девята кость одного места. Сембе жито от хвоста. Через три хера племянник!*

8. Необходимость создания новой семьи, нового рода упоминается в формулах сватовства: *Уменя невеста, у вас жених, можно род завести. Сговор — вместе свести да род поближе завести. Не можно ли вместо свести да родню завести? Нельзя ли родство завести?! У нас есть борашек, а у вас яроцка, не можно ли их в куцу свести да род завести? Заразговариваем: станем-ка нову родинку заводить.*

Невесту определяли по ее принадлежности к роду: *Выбирай куроцку из гнезда, а девушку из родства.*

Конеи выбирали по стадам, а людей — по родам. Кони стадами, а люди родами. Девку брали по родам, а корову — по рогам. Корову, гоорят, по рогам, а невесту по родам выбирали. Выбирай девку по родам, а корову по рогам. Если как у девки род хороший, то и замуж бери. Корову выбирай по рогам, а человека по родам. Коня выбирали по зубам, а невесту — по отцу да по матери: каков корень, таков и отростень.

Напротив, безразличное отношение к кому-либо выражается через отказ от родства: *Мне не роды с вами сводить. Скаут — замуж ли цё ли — дак мы говорим: нам не роды с вами сводить!*

Имеются приметы, связанные с родством. Об икоте: *Вот поминает утром свой, а днём лихой, а вецером любой*. О том, когда чешется щека: *Права щека чёшится — помрёт кто-то в роду, лева — не в роду. А бывай, сказки.*

Многочисленны пословицы, связанные с семьей, родом. В большой семье не остается лишних продуктов: *Семеро семейка — не окиснет горох! Всё съедят, ничего не испортится*. Родню по браку, свойственников часто не считают за настоящую родню: *Од дочери ни хлеба, зять не родня*. С другой стороны, признается любое родство: *Скажут: свату сват, дак мне родня*. Если у кого-то много родственников, это не значит, что кто-то накормит голодного: *Родни много, тётки да дедья, а обедать негде. Весь мир свой, сваты да дедья, а пообедать негде. Вся родня: сватовья да дедье, а пойти да пообедать негде. В большой природе находитеь голодны*. Родственников любят богатых: *Где высоки домники, там и наши родники*. Доброе пожелание быть богатым касается будущих родственников: *Вот вам полено — и богатство в колено*. Если насмежаются или ругают свои, то это не так обидно: *Свой на потешку, а чужой на просмешку*. Однако свои могут быть хуже, чем чужие: *Из мозоли кровь бежит, свои хуже чужих*. Дети всегда напоминают родителей: *Какой корешок, така и отростинка — так ладом-то скажут. Не от берёзы родился, я выросила! Не от куста родился! Трудно разобраться в отношениях внутри чужой семьи: Чужая семья — потёмки*. Самое главное, чтобы в семье все дружили и уважали друг друга: *В семье лад — так не надо и клад*.

Иллюстрации взяты из вышедших выпусков “Архангельского областного словаря” [16], его картотеки [17] и собственных полевых записей автора.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1993.

2. *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. Бодуэна де Куртенэ. Т. I–IV. М., 1994 (репринтное воспроизведение 1903–1909 гг.).
3. Википедия – свободная энциклопедия. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/Семья>. [Электронный ресурс] (дата обращения: 10.03.2021) (В настоящее время эта статья в Википедии значительно изменена.)
4. *Трубачев О.Н.* История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
5. *Куликовский Г.* Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898.
6. *Ларин Б.А.* Из истории слов (*лютый зверь, семья, кавардак*) // Ларин Б.А. Филологическое наследие. М., 2003. С. 15–24.
7. *Ляпунов Б.М.* *Семья, сябр – шабер.* Этимологическое исследование // Сб. в честь акад. А.И. Соболевского. Л., 1928.
8. *Филин Ф.П.* О терминах родства и родственных отношений в древнерусском литературном языке // *Язык и мышление.* Т. XI. 1948.
9. *Панкратова Н.П.* Об одном из значений слова семья // Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточно-славянских языков. (К 80-летию С.Г. Бархударова). М., 1974. С. 272–277.
10. *Добровольская Е.В.* Концептуализация семьи в русской ЯКМ: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2005. 24 с. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002900316/ (дата обращения: 03.03.2023).
11. *Ухмылина Е.В.* Название совокупности родственников в русских народных говорах // Совещание по Общеслав. лингв. атласу. Горький, 23–27 июня 1970. Тезисы докладов. М., 1970. С. 45–51.
12. *Качинская И.Б.* Наименование человеческого сообщества в архангельских говорах: *народ, люди, человеки, крещёные...* // Лингвистическая экология: проблематика исчезающих языков и культур в истории и современности: Материалы Международной научной конференции, проходившей при поддержке РГНФ (19–22 сентября 2014 года) / под ред. В.М. Грязновой. Ставрополь: Сервисшкола, 2014. С. 147–157.
13. *Толстая С.М.* Категория родства в этнолингвистической перспективе (вместо предисловия) // Категория родства в языке и культуре / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2009. С. 7–22.
14. *Качинская И.Б.* Термины родства и языковая картина мира. М., 2018.
15. *Доброва Г.Р.* Онтогенез персонального дейктика (личные местоимения и термины родства). СПб.: Изд-во РГПУ, 2003. 492 с.
16. Архангельский областной словарь / Под ред. О.Г. Гецовой, Е.А. Нефедовой. 1–23–. М., 1980–2022– (Издание продолжается).
17. Картотека “Архангельского областного словаря”. М., МГУ имени М.В. Ломоносова, филологический факультет, каф. русского языка.

REFERENCES

1. Ozhegov, S.I., Shvedova, N.Yu. *Tolkovyy slovar russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1993. (In Russ.)
2. Dahl, V.I. *Tolkovyy slovar zhivogo velikoruskogo yazyka. Pod red. Boduena de Kurtene. T. I–IV* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. Ed. Baudouin de Courtenay. Vol. I–IV]. Moscow, 1994. (In Russ.)
3. Wikipedia. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Family> (electronic edition) (accessed 10.03.2021) (Currently, this article has been significantly changed). (In Russ.)
4. Trubachev, O.N. *Istorija slanjanskih terminov rodstva i nekotoryh drevneishih terminov obshchestvennogo stroja* [History of Slavic Kinship Terms and Some of the Oldest Terms of the Social System]. Moscow, 1959. (In Russ.)
5. Kulikovskiy, G. *Slovar oblastnogo oloneckogo narechiya* [Dictionary of the Regional Olonets Dialect]. St. Petersburg, 1898. (In Russ.)
6. Larin, B.A. *Iz istorii slov (lyutyj zver, semya, kavardak)* [From the History of Words (*lutyj zver, semya, kavardak*)]. Larin, B.A. *Philologicheskoye nasledie* [Philological Heritage]. Moscow, 2003, pp. 15–24. (In Russ.)
7. Lyapunov, B.M. *Semya, syabr – shaber. Etimologicheskoye issledovanie. Sb. v chest akad. A.I. Sobolevskogo* [*Semja, sjabr, shaber.* Etymological Research. Collection in honor of Academician A. I. Sobolevsky]. Leningrad, 1928. (In Russ.)
8. Filin, F.P. *O terminah rodstva i rodstvennyh otnoshenij v drevnerusskom literaturnom yazyke* [On the Terms of Kinship and Kinship Relations in the Old Russian Literary Language]. *Yazyk i myshlenie. T. XI* [Language and thinking. Vol. XI]. 1948. (In Russ.)
9. Pankratova, N.P. *Ob odnom iz znachenij slova semya* [About one of the Meanings of the Word Family]. *Voprosy istoricheskoy leksikologii i leksikografii vostochno-slavyanskih yazykov. (K 80-letiyu S.G. Barhudarova)* [Questions of Historical Lexicology and Lexicography of East Slavic Languages. (To the 80th Anniversary of S.G. Barkhudarov)]. Moscow, 1974, pp. 272–277. (In Russ.)
10. Dobrovolskaya, E.V. *Konceptualizatsiya semji v russkoy YAKM: Avtoref. dis. kand. filol. nauk. Tomsk, 2005. 24 s.* [Conceptualization of the Family in the Russian Language Picture of the World. Abstract of the Cand. Philol. Ski diss. Tomsk, 2005. 24 p.]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002900316/ (electronic edition) (accessed 03.03.2023). (In Russ.)

11. Ukhmylina, E.V. *Nazvanie sovokupnosti rodstvennikov v russkih narodnyh govorah* [The Name of the Set of Relatives in Russian Folk Dialects]. *Soveshchanie po Obshcheslav. lingv. atlasu. Gorky, 23–27 iyunya 1970. Tezisy dokladov* [Meeting on Common Slavic Linguistic Atlas. Gorky, 23–27 June 1970. Abstracts of Reports]. Moscow, 1970, pp. 45–51. (In Russ.)
12. Kachinskaya, I. *Naimenovanie chelovecheskogo soobshchestva v arhangel'skih govorah: narod, lyudi, cheloveki, kreshchyonye...* [The Name of the Human Community in the Archangel Dialects: *narod, ljudi, cheloveki, kreshchenyje...*]. *Lingvisticheskaya ekologiya: problematika ischezayushchih yazykov i kultur v istorii i sovremennosti: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii, prohodivshej pri podderzhke RGNF (19–22 sentyabrya 2014 goda). Pod red. V.M. Gryaznovoj* [Linguistic Ecology: Problems of Endangered Languages and Cultures in History and Modernity: Proceedings of the International Scientific Conference (19–22.09.2014) Ed. by V.M. Gryaznova]. Stavropol, 2014, pp. 147–157. (In Russ.)
13. Tolstaya, S.M. *Kategoriya rodstva v etnolingvisticheskoj perspektive (vmesto predisloviya)* [Category of Kinship in Ethnolinguistic Perspective (Instead of Preface)]. *Kategoriya rodstva v yazyke i kulture. Otv. red. S.M. Tolstaya* [Category of Kinship in Language and Culture. Ed. S.M. Tolstaya]. Moscow, 2009, pp. 7–22. (In Russ.)
14. Kachinskaya, I. *Terminy rodstva i jazykovaja kartina mira* [The Kinship Terms and Linguistic Picture of the World]. Moscow, Indrik Publ., 2018. 288 p. (In Russ.)
15. Dobrova, G.R. *Ontogenes pervonachalnogo deixisa (lichnye mestoimenija i terminy rodstva)* [Ontogenesis of Personal Deixis (Personal Pronouns and Kinship Terms)]. St. Petersburg, 2003. 492 p. (In Russ.)
16. *Arhangel'skij oblastnoj slovar. Pod red. O.G. Gecovoj, E.A. Nefedovoj* [Archangel'sk Region Dialect Dictionary. Ed. O.G. Gecova, E.A. Nefedova]. Moscow, 1980–2022–, vol. 1–23–. (In Russ.)
17. *Kartoteka "Arhangel'skogo oblastnogo slovarya". M., MGU imeni M.V. Lomonosova, filologicheskij fakultet, kaf. russkogo yazyka* [The File Cabinet of Archangel'sk Region Dialect Dictionary, Moscow, MSU, philological faculty, Russian Language Department].

Дата поступления материала в редакцию: 9 марта 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 1 апреля 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on March 9, 2023

Revised on April 1, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800024285-9

Повесть “Детство” Пантелеймона Романова: погружение в творческую историю

© 2023 г. Л. Ю. Суrowова

Кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник
Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН,
Россия, 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а
ORCID ID: 0000-0002-6163-1530
l.sur@mail.ru

Резюме. Творчество П.С. Романова, игравшего в 1920-е годы заметную роль в литературном процессе, было забыто на несколько десятилетий после смерти писателя. Только с 2000-х годов его прозой более активно начали интересоваться исследователи, которых Романов привлекает, прежде всего, как мастер сатирического рассказа. Несмотря на существование монографий о Романове, из поля зрения были упущены рукописи писателя, изучению которых не уделялось никакого внимания. Данная статья о повести Романова “Детство” (1924) основана целиком на архивном материале и отчасти должна восполнить этот пробел. Обращение к целому ряду документов — наброскам, черновой редакции, плану, дневникам, автобиографиям, дневниковым записям — позволило приоткрыть некоторые “тайны” создания повести “Детство”. Эта работа представляет собой лишь первый шаг к полному и исчерпывающему исследованию истории текста повести. В дальнейшем предстоит собрать все выявленные источники текста, описать их, четко датировать, выстроить в хронологической последовательности.

Ключевые слова: Романов, повесть “Детство”, творческая история, черновая редакция, наброски, дневниковые записи, планы, воспоминания, критика 1920-х годов.

Для цитирования: Суrowова Л.Ю. Повесть “Детство” Пантелеймона Романова: погружение в творческую историю // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 86–94. DOI: 10.31857/S160578800024285-9

The Story “Childhood” by Panteleimon Romanov: An Immersion into Creative History

© 2023 Lyudmila Yu. Surovova

Cand. Sci. (Philol.),
Senior Researcher at the A.M. Gorky Institute of World Literature
of the Russian Academy of Sciences,
25a Povarskaya Str., Moscow, 121069, Russia
ORCID ID: 0000-0002-6163-1530
l.sur@mail.ru

Abstract. The works of P.S. Romanov, who played a prominent role in the literary process in the 1920s, was forgotten for several decades after the writer’s death. It was not until the 2000s that researchers, attracted by Romanov primarily as a master of the satirical story, began to take a more active interest in his prose. Despite the existence of monographs on Romanov, his manuscripts were overlooked and no attention was paid to their study. This article on Romanov’s story “Childhood” (1924) is based entirely on archival material and should partially fill this gap. The reference to a number of documents, including sketches, draft versions,

plans, diaries, autobiographies, and diary entries, has made it possible to uncover some of the “secrets” behind the creation of the story “Childhood”. This work represents only the first step towards a complete and exhaustive study of the history of the text. In the future, all the identified sources of the story’s text are to be collected, described, clearly dated, and chronologically arranged.

Key words: Romanov, the story “Childhood”, creative history, draft version, sketches, diary entries, plans, memoirs, criticism in the 1920s.

For citation: Surovova, L.Yu. Povest “Detstvo” Pantelejmona Romanova: pogruzhenie v tvorcheskuyu istoriyu [The Story “Childhood” by Panteleimon Romanov: An Immersion into Creative History]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Seriâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 86–94. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800024285-9

Писатель Пантелеймон Сергеевич Романов (1884–1938) играл немаловажную роль в литературном процессе 1920–1930-х годов. Критики ломали копья вокруг его романа “Русь”, задуманного как широкое полотно предреволюционной жизни России и жестоко высмеянного А.М. Горьким; на него воздвигались гонения за повесть “Товарищ Кисляков” (1930), напечатанную за границей; его изображали карикатуристы в самом неприглядном виде за рассказы о “проблемах пола”. Но никто не спорил о его великолепном сатирическом даровании, наиболее ярко и удачно продемонстрированном им в рассказах о времени “военного коммунизма” и периоде НЭПа. После смерти Романова в 1938 г. он оказался совершенно забыт на несколько десятилетий. В 1939 г. вышел его сборник “Избранное”, и только в 1984 г. была выпущена книга рассказов писателя¹. Затем последовало несколько изданий произведений Романова с предисловием С. Никоненко, приложившего достаточно сил и стараний для популяризации наследия писателя. В 1988 г. за рубежом появилась монография В.В. Петроченкова “Творческая судьба Пантелеймона Романова”. Начиная с 2000-х годов исследователи более активно обращаются к фигуре Романова, который вызывает интерес как острый сатирик.

Архив Романова прекрасно сохранился, одна часть его находится в РГАЛИ, другая – в ОР ИМЛИ. К сожалению, рукописи писателя, этот ценнейший материал для исследования, до сих пор не изучены. Некоторые дневниковые записи Романова вместе с его работой о писательском искусстве “Наука зрения” (1937) были изданы Никоненко в 2007 г. Романов имел привычку заносить в блокнот свои отрывочные мысли, порой довольно откровенные, делать наброски к произведениям (см. подробнее: [1, с. 721–732]). К роману “Русь” относятся несколько тетрадок и блокнотов

с набросками и планами. Повесть “Детство” также складывалась из ряда черновых записей. Погружение в писательскую лабораторию Романова – увлекательное путешествие в мир рождения его идей и образов героев. История создания романа “Русь” для исследователя представляется почти неподъемной глыбой, настолько сложен и извилист был путь, пройденный писателем от первых набросков к окончательному воплощению замысла. “Детство” не принадлежит и по жанру, и по своей теме к произведениям такого масштаба. Поэтому легче восстановить картину постепенного “роста” повести и превращения ее в зрелый, с художественной точки зрения, плод.

Данная статья, посвященная повести “Детство”, не претендует на всеохватность и полноту, сделан лишь первый подступ к творческой истории этого произведения. Казалось бы, повесть о проказах мальчишки, взрослеющего среди красот деревенской природы, в окружении родных, не таит в себе никаких подводных течений, настолько содержание ее просто и ясно. Но после обращения к материалам, непосредственно примыкающим к “Детству”, произведение вдруг оборачивается своей дотоле неизвестной стороной, открывая не лежащие на поверхности смыслы. Видно, как вымысел переплетается с биографическими подробностями из жизни писателя, детскими впечатлениями, его размышлениями о вере и Церкви, дневниковыми откровениями.

Романов датировал повесть 1902–1920 гг. Возможно, замысел ее и возник в 1902 г., но наброски к ней относятся к 1907 г., а публикация состоялась только в 1924 г.; создание проходило условно в два этапа (до и после 1916 г.). “Детство” восходит к отрывочным наброскам, относящимся к родословной писателя. В одной из его автобиографий, прерывающейся на рассказе о тульской гимназии, приводятся следующие сведения: “Дед мой был крепостным барона Черкасова села Селезневки Рузского уезда Московской губернии. Это со стороны матери, а дед со стороны отца был

¹ Романов П.С. Детство: повесть, рассказы / сост., предисл. и послесл. Э. Афанасьева. Тула: Приокское кн. изд-во, 1984. 383 с.

священником в Белеве. Он купил отцу небольшой клочок земли в Петровском, но потом его пришлось отцу продать и купить себе вместо него хуторок в Белевском уезде, куда мы и переехали, когда мне было лет пять” [2, оп. 2, ед. хр. 6].

В самом начале своего писательского пути Романов пробует себя в изображении быта сельских священников (рассказ “Отец Федор”, 1911). На обложке тетради, куда заносились заметки о роли духовенства (1907), стоит заглавие “Жрецы Бога Смертного”, явно характеризующее отношение автора к собранному материалу. В этом оксимороне, в замене привычного определения “бессмертный” на противоположное “смертный” уже дает о себе знать сатирическое начало творчества Романова. Герой этого незавершенного произведения – абстрактный служитель Церкви, не то дьячок, не то рядовой священник, преподающий Закон Божий в церковно-приходской школе. Какие-то его черты могли быть подсказаны не только отцом, но и матерью, выросшей в семье псаломщика; сведения о деде-псаломщике дает одна из автобиографий. Романов изнутри пытается взглянуть на жизнь духовенства, чье благочестие – набор внешних правил и установлений, а в быту царит полное неуважение к семье. В данном случае к жене и сыну. Например, клирик питается простой пищей не из благочестия; он воротит нос от супа, чтобы досадить жене: “Нет, мы попроще что, мы пока еще и в церковь ходим, и Бога помним, – говорил он, намекая на то, что и сын, и жена вчера ко всеношной не пошли и поэтому есть будет попроще, – этого г...на мне не нужно. <...> После шей В.О. всегда раза два громко рыгал так, что кошки отходили подальше” [3, ед. хр. 15, л. 8 об.–9]. Доведя до раздражения жену, “служитель” садится за отчет для благочинного по делам церковно-приходской школы, где преподает Закон Божий. Несмотря на детали, способные вызвать неприязнь к духовенству, Романов с любовью отзывается о матери, выросшей в церковной атмосфере. В его автобиографии она описана с большим благоговением, с уважением к ее религиозным убеждениям: “Мать была полной противоположностью отца: она была религиозна до иступления, с неисправимой ничем верой и доверчивостью к людям, готовая отдать последнюю рубашку, что и бывало почти буквально” [4, с. 22]. Из другой автобиографии: “Мать была очень богомольная и чуть не каждый праздник возила меня в монастырь Жабынь к обедне” [2, оп. 2, ед. хр. 6].

Не разделявший взглядов своей жены отец Романова вызывал менее приятные воспоминания,

хотя писатель отдает должное трудолюбию этого человека, умению накормить многодетную, в шесть человек, семью. Но мать всегда доминирует в воспоминаниях Романова, который считает себя более похожим на нее, чем остальные дети. Поэтому и отношение к духовенству в набросках к неоконченному рассказу “Служители Бога Смертного” нельзя назвать однозначно негативным, и переворачивание понятий “смертный – бессмертный” еще не приговор, а лишь пища для размышления. Романову больно видеть, как священникам порой приходится действительно служить не только Богу, но и земным богам, начальству, от самого низшего до самого высшего. Так, он записывает разговор двух священников о слишком рачительном старосте, украсившем храм новой люстрой, но замучившем народ своей скупостью: собирает у простых мужиков за каждый шаг пожертвования, приложился к плащанице – плати, за все деньги требует.

Размышляя о положении духовенства в России, Романов касается сложной темы: взаимодействие властей и Церкви. Его наброски, как уже упоминалось, датируются 1907 годом, т.е. это подведение итогов недавних событий 1905 года. Писатель возмущен обучением семинаристов, чье воспитание направлено на полное искоренение свободной мысли и повторение заученных формул. Роль священников, по наблюдению Романова, сведена к одной простой задаче – помогать властям в управлении народом, т.е. служить не духовным, а политическим целям усмирения мятежей и подавления революций. Романов приходит к неутешительному выводу: “Во всякого рода освободительных движениях духовенство занимает самое неудобное положение между правительством и народом” [3, ед. хр. 15, л. 38–38 об.].

Мысли о священстве Романов заносит в конец тетради, заполненной довольно пространством повествованием о мальчике-гимназисте, о его проделках, товарищах, надзирателях. По свидетельству Н.В. Ненарокова, племянника Романова, это незаконченная повесть “Воспоминания Осинина”, в которой писатель изобразил под вымышленным именем самого себя. Среди записных книжек одна, возможно, сберегаемая с далекой юности, также относится к незавершенной повести; на обложке стоит “ВО”. Часть записей с этой аббревиатурой, вероятно, уничтожена писателем или утеряна, как поясняет Ненароков. Он же полагает, что Романов использовал черновики “ВО” для другой своей повести – “Детство”.

Романовым обозначены этапы работы над повестью, в дневниковой записи от 1 марта 1916 г.

зафиксировано: «Обдумываю "Детство". 5 лет я работал над ним неумелыми юношескими руками. Потом оставил на целых 5–6 лет. Теперь опять взялся. Если осилю — будет чудесное со-здание. Мне хочется воспроизвести всю красоту мира и чудесную свежесть жизни, которые до-ступны только детству» [3, ед. хр. 93, л. 7].

Рукопись "Детства" пролежала без движения в письменном столе несколько лет. Отрывок из повести поступил в редакцию журнала "Рус-ское богатство" приблизительно после 22 июля 1909 г. (так датировано письмо Романова в редак-цию) и получил одобрительную оценку В.Г. Коро-ленко. Молодого писателя благословили на про-должение, но сам он утерял интерес к своему произведению. В качестве отрывка на суд мэтра была представлена первая часть повести "Дет-ство", названная "Жизнь человеческая". Пред-ставление о ней дают черновые записи к повести, тут же в одной тетради соседствующие с беловы-ми. Романов переписывает то, что спешно набро-сал на первых страницах, вставляя дополнитель-ные эпизоды; затем бросает и начинает новую редакцию. Очень внимательный к датам, он фик-сирует в конце рукописи: 10 февраля 1909 г.

По ранней, черновой редакции "Детства", со-стоящей из набросков, видно, что Романов за-думал с предельной точностью воспроизвести домашний уклад своей семьи, соответственно и назвал свое произведение — "Жизнь челове-ческая". Основная линия окончательной ре-дакции "Детства" здесь уже намечена. Собрав-шиеся в гостиной зимним вечером старшие поджидают едущих на каникулы гимназистов. Вместе со взрослыми предвкушает приезд брать-ев маленький Алеша, предполагаемый герой по-вести. В дальнейшем Романов переведет пове-ствование с третьего лица на первое. Герой сам будет рассказывать о себе, но пока перед нами ничем не примечательный мальчик: "Алеша сей-час жил в своем мире, в мире вечных нянькиных сказок и неосвященных комнат, мимо которых было жутко ходить. И в этом мире, в особенно-сти по вечерам, было так хорошо, таинственно и волшеб-но" [3, ед. хр. 12, л. 3]. Рядом с этим еще полумладенческим существованием протекает более насыщенное, осмысленное бытие, которое писатель характеризует как типичное для людей того времени: отец и мать посвящают себя вос-питанию детей, сосредоточивая на них все свое внимание и заботу. Романов особо подчеркивает четкое распределение ролей в семье. Отец берет на себя основную функцию: «С его старого, выра-зительного лица никогда не сходило выражение

заботы, как будто вся его жизнь была выполне-нием этого креста: заботы о детях, о средствах, и в минуты раздражительности он, в особенности по поводу непрактичности М<арии> И<гнатъев-ны>, говаривал: "Когда это Создатель приберет меня". <...> Вечные заботы под старость сдела-ли его вспыльчивым, горячим, хотя у него было доброе сердце, чего он не любит обнаруживать, и ласкает даже в грубоватой форме» [3, ед. хр. 1, л. 8–8 об.]. Матери отводится пока скромное ме-сто в ранних набросках к повести: "Так же как и в большинстве человеческих семей, мать была за-ступницей и укрывательницей от отца всего, что касается детей" [3, ед. хр. 1, л. 8 об.]. Как и по-добает "господам", в доме Осининых находится прислуга — горничная Даша и нянька Абрамов-на. Гимназистов двое — Ваня и Сережа, их имена Романов перенесет в окончательную редакцию повести. Есть еще взрослая сестра Катя, которая превратится в окончательной редакции в малень-кую девочку, ровесницу Алёши.

Неудовлетворенный этим наброском Романов заново пишет сцену ожидания в гостиной, толь-ко теперь мальчиков ждут, помимо родителей, дядюшка с тетушкой (сестра матери со своим мужем). Эти два колоритных персонажа так по-нравились писателю, что в дальнейшем заняли почетное место в повести. Но в данном наброске заметно, как образ отца уступает свое первенство материнской линии, которая намечена уже ярче и уверенней. Романов обращается к матери, к ее чувствам и переживаниям, подробно описывает возникший конфликт между взрослеющей моло-дежью и женщиной со старыми понятиями. За-метен даже назревающий разлад с послушным и преданным ей маленьким Алешей, которого пе-рестают интересовать "Жития святых": "Мария Игнатъевна рассказывала не сказки, а что-нибудь про святых. И рассказы о мучениках были дей-ствительно интересны — почти то же, что и сказ-ки с разбойниками: так же страшно и приятно. Про преподобных, про тех было скучнее: обык-новенно жил, жил да и умер, а интересного или страшного — ничего" [3, ед. хр. 1, л. 27].

Но Романов останавливается здесь, прерывает работу на эпизоде материнских благочестивых рассказов перед сном. Он делает набросок но-вого эпизода заново: мальчик уже сочувствует религиозному настроению матери. Засыпая, он погружается в материнские религиозные пред-ставления: "Алеше представились и облака, и Бог с седой бородой, так же как в теплой церкви на потолке, под ногами, обутыми в ремни, ка-кой-то шар, в облаках и кругах ангелы, ангелы.

Потом представил себе и душу в святом одеянии, как в людской на картинке страшного суда, что висит в углу под образами. У нее уже все края источили тараканы. Кстатѣ представились и тараканы: выбежит из трещинки в газетной бумаге, которой оклеен угол, остановится, пошевелит усиками, как будто припоминая что-то, и опять убежит назад” [3, ед. хр. 1, л. 44 об.—45]. Не только в бессознательном состоянии, но и наяву Алеша подпадает под материнское влияние.

Братья, как и все мужчины в доме, придерживаются свободных взглядов: “У них постоянно возникают споры и рассуждения, когда их спрашивают в церковь, они и пасхальную ночь могут равнодушно проспять, и в Великую субботу наесться скоромного пирога...” [3, ед. хр. 1, л. 52]. Особенно старший из братьев, Сергей, восстает против приставаний матери. Романов описывает полупустую церковь в период великопостных богослужений. Алеша замечает равнодушие мужской половины дома к Церкви, такое же равнодушие он наблюдает во время общей храмовой молитвы у деревенских ребятишек. Маленький герой старается бороться с подобным равнодушием в своей душе, но думает, стоя на богослужении, как дядюшка пьет чай и как наступит, наконец, пасхальная радость после унылых и скучных постных молитв. Настает черед его исповеди, ему предстоит идти в алтарь через дверь с изображением грозного архангела Михаила с мечом. Ребенок полон ужаса, это его первое покаяние в грехах, но, пройдя через это испытание, он счастлив от чувства очищения. Примечательно, как маленький герой оценивает поведение равнодушных к церковным обрядам мужчин — они, по его мнению, совершают глупость. Романов описывает горе, досаду Алеши, не разбуженного матерью на пасхальную заутреню. В свою очередь набожная мать, чьим мыслям и рассуждениям в черновой редакции придается большое значение, вспоминает, как росли ее старшие дети, ей грустно, что с годами они теряют душу.

Если братья уже повернулись в противоположную от материнских убеждений сторону, то Алеша, так ведет в набросках его линию Романов, открыт своей душой в любую из сторон. Пока двойственность сознания мальчика только обозначена, развития она не получает. Романов подхватит ее, когда вновь обратится к написанию повести “Детство” после 1916 г. Образ Алеши в ранних редакциях очень инертный, без динамики, он целиком предан своему младенческому неведению жизни, поглощен самыми простыми, наивными переживаниями. По сути,

его переживания окружающей прелести бытия совпадают с материнскими. Образ матери сливается с образом Алеши, который повторяет ее, у них обоих бабочка и цветок вызывают восторг, оба они по-детски удивляются всему прекрасному, не замечая порой грубости. Их жизненной позиции противостоит, кроме братьев, тетка Аграфена Игнатъевна, которой, несмотря на религиозность, присущ трезвый взгляд. Например, она подмечает, что староста дерет с мужиков. Ее укоры, бросаемые в адрес церковных порядков, — это почти дословное повторение записей самого Романова о духовенстве из тетради “Жрецы Бога Смертного”.

В набросках маленький герой пока не способен выбрать между разными “лагерями”, позициями. Это отразилось в эпиграфе, которым автор сопроводил одну из ранних редакций: “Камо грядеши?”. Похоже, что и сам автор не мог решить, куда направить своего героя, он не стал продолжать повесть. В архиве писателя найден подробный план промежуточной редакции “Детства”, уже содержащий финальную часть. При сопоставлении плана с дневником Романова становится понятно, что перечень заключительных глав возник после повторного обращения писателя к повести. По дневниковым записям, относящимся к 1916 г., ко времени возвращения к работе над повестью, проясняется причина, по которой писатель вновь продолжил работу над “Детством”, можно даже наблюдать, какое настроение этому способствовало. Романова раздражают мучительные сомнения в своих уникальных творческих способностях: порой он воображает себя гением, порой сознает, что гениальность следует развивать и ее только предстоит достичь путем внутреннего очищения. Этому сопутствует вопрос: не приведет ли постоянная душевная чистота к усталости, обеднению, потому что через грех, по его мнению, входят в нас другие стороны мира. Понятия о чистоте помыслов и внутреннем бесстрастии — следы материнского воспитания, с которым писатель вел борьбу всю свою жизнь, но так от него и не избавился. Ненароков, почти ровесник Романова, вспоминает о нем: «П<антелеймон> С<ергеевич> рос веселым и общительным мальчиком: любил плясать, петь и даже играть на гармонии. Как сейчас, помню его, вертящегося в головокружительной пляске, так что рубашечка веером раздувается во все стороны, словно пачки балерины, или сидит П<антелеймон> С<ергеевич> на стуле, держит на коленях громадную гармонию, из-за которой едва видна его голова, и довольно бойко наигрывает “Барыню” или вальс “Невозвратное время”» [3, ед. хр. 112, л. 17].

Став гимназистом, Романов увлекается рыбной ловлей, охотой, а поступив на юридический факультет Московского университета, превращается в страстного театрала и любителя пения. Но в жены он выбирает девушку из духовного сословия – дочь священника Анну Васильевну Вышневскую. В дневнике 1916 г. она упоминается в связи с его душевными терзаниями, религиозными устремлениями и сомнениями. Здесь заложено начало большой, важной для Романа темы, раскрытой им в "рассказах о любви" ("Письма женщин", "Сирень", "Без черемухи", "Весна" и др.), которые критика окрестила в насмешку "половыми" (см.: [5]). Писатель пытается определить: не лишит ли он себя новизны чувств, если сохранит верность одной женщине. Поскольку он решается серьезно заняться литературой и достичь гениальности, то следование материнским заветам, религиозным нормам способно помешать ему. Но память сердца, глубоко воспринявшего религиозную сторону жизни, заставляет переживать иные, светлые минуты: «Душевная чистота – самая благоприятная среда для глубокого и тонкого познания. В прозрачной воде глубоко видно. <...> Нужно ли стараться вызвать настроение чистоты и высшей любви, когда во мне нет чистоты. <...> Это я пишу потому, что в этот приход Анны я испытал удивительное чувство чистоты душевной и возвышенной любви. Мы заходили в церковь, – там читали "Господи и Владыко живота моего...", пахло ладаном и тем великолепным церковным духом, который напомнил детство, вспомнился старый плиточный церковный пол, цветные стекла в алтаре, иконы, ставни в чехлах и то возвышенное, торжественное, детское настроение, которое бывало, когда идешь из церкви в новом пальто и думаешь о том, что сейчас дома» [3, ед. хр. 93, л. 2–2 об.].

Возникшую из личного опыта тему внутренней борьбы Романов переносит в повесть "Детство". После 1916 г. он составил подробный план новой, промежуточной, редакции повести на основе черновой редакции. В нем молодое поколение семьи приезжает на летние каникулы, а не в холодное время года. Каждая глава представляет собой зарисовку из деревенского усадебного быта. Заметно, как Романов упрощает и суживает повествование. На данном этапе работы над повестью он решил, по-видимому, уменьшить присутствие Алеши, его линия ограничивается эпизодами занятий с учителем и подготовкой к иной, уже почти взрослой жизни, не связанной с тесным миром родни. Примечательно, что в черновой редакции не велась речь о гимназии, в которую должен ехать поступать Алеша. Согласно новому

плану, повесть завершает лирическое расставание с усадьбой: "Осиротевший дом, где прошло детство, со всем, что есть приятного, со сказками, со старыми комнатами, со знакомыми предметами, креслом, диваном, всем. Ночь, холодно по осеннему, пусто" [2, ед. хр. 1, л. 7 об.]. С усадьбой здесь прощается не маленький герой, а рассказчик и подспудно сам автор. Сокрушается и скорбит о прошлом не Алеша. В плане промежуточной редакции мальчик упомянут в содержании лишь нескольких глав, но гораздо четче прорисован облик Кати, чьи первые любовные переживания становятся центром повести. Предполагаемая 34 глава целиком отведена под описание ее сокровенных душевных тайников: "Катя на мир стала иначе смотреть, что внутри ее что-то выросло и сделало ее обладательницей своей собственности, которую она никому не показывала" [2, ед. хр. 1, л. 7 об.]. Романов выдает причину, по которой все его внимание переключилось с Алеши на повзрослевшую Катю. План 34 главы предваряет рассуждение под заглавием "Мужчина и женщина": "Современные мужчины и женщины не способны на сильное чувство жизни и на такую силу личности, какая бы могла быть в нем, наследнике прямой эволюции человечества. Женщина, живущая примитивной общественной жизнью, иногда испытывает такое чувство жизни" [2, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7 об.]. Писатель пытается использовать новый жизненный материал и решает, что для его воплощения больше подходит Катя, чем Алеша. Но то главное, что составляет основную идею окончательной редакции повести, уже в виде зерна заложено в составленном писателем плане. В кратком содержании 35 главы появляется деревенский паренек Васька, наперсник Алеши, его товарищ по шалостям и проказам: "После обеда. Зной. Мертвая тишина, в саду, в вишнях с Васькой около спящих молодок. Жара спала. Раскаяние. Чай. Мучение от мыслей" [2, оп. 1, ед. хр. 1, л. 7 об.–8]. В окончательной редакции повести "Детство" Васька воплощает в себе греховное начало, ему отводится роль искусителя. От его влияния Алеша пытается освободиться самыми неожиданными способами.

В окончательной редакции Романов поселяет своего героя в имении крестной. Исчезает фигура отца, обстановка становится богаче, нарисованы декорации, пусть не такого пышного, но, тем не менее, настоящего дворянского быта. Вероятно, на память Романову пришли картины его пребывания в небольшом поместье тетки в Яхонтове. В позднейшей автобиографии писателя сохранился значительный фрагмент, посвященный Яхонтову: "Так как дома на хуторе в Карманье

жизнь была непривлекательная благодаря тому, что нужно было то стеречь коров, то караулить роившихся пчел, которых я смертельно боялся, — то я часто забирался гостить к тетке. У нее было небольшое имение в Одоевском уезде, в селе Яхонтове. Эта женщина имела на меня огромное влияние. Она своими руками насадила сад и до 75 лет лазила по деревьям, обрезывая сучья. Она внушала мне, что никакой труд не пропадет даром, тем более такой труд, который является результатом внутреннего влечения. Никогда не нужно взвешивать будущих результатов и работать до них. Это будет корыстный труд. Надо делать из любви к самому делу, тогда результаты окажутся неожиданно и как бы незаслуженно велики. Но всякое большое дело трудно и главная сила человека заключается в умении и воле для преодоления трудностей. В доказательство она приводила мне пример Эдисона, который для одного изобретения проделал 2000 опытов, прежде чем добиться результатов” [2, оп. 2, ед. хр. 6, л. 3–4]. Образ крестной в переработанной повести вырастает в символ справедливости и разума. Если мать продолжает воплощать сердце, то в дополнение к нему писатель дает именно разум; только при его помощи, по замыслу писателя, можно выйти из состояния греха, в которое Алеша погружается, поощряемый Васькой.

Не раз Романов-гимназист удивлял своими выдумками маленького племянника Ненарокова, сына своей старшей сестры. Несомненно, какие-то из этих выдумок нашли свое отражение в повести “Детство”. Однажды будущий писатель привез корзину с химическими препаратами, чтобы показывать опыты, которые кончались не всегда удачно. В своих воспоминаниях Ненароков рассказывает о несчастном случае: “Помнится, П<антелеймон> С<ергеевич> растер большое количество пороха и, так как дело было в сумерках, ссыпал эту смесь в коробочку, служившую пепельницей, куда наша крестная бросала окурки. Эту коробочку П<антелеймон> С<ергеевич> спрятал во избежание несчастья на полочку за какими-то карточками. Однако зоркий глаз крестной быстро отыскал коробочку и... не затушенный окурочек быстро опускается в коробочку... оглушительный взрыв и... рука П<антелеймона> С<ергеевича> оказалась совершенно обожженной” [3, ед. хр. 112, л. 21].

Таким образом, кульминационный эпизод повести, в котором маленький герой “Детства” идет на добровольное сожжение руки по примеру святых, связан с личным опытом писателя и объясняется не только влиянием, например, рассказа

“Отец Сергей” Льва Толстого. Маленький герой желает избавиться таким способом от “распутной” жизни. К хулиганству и дружбе с Васькой его привела нестерпимая обида на взрослых. Обида — важное чувство, привнесенное писателем в образ ребенка. От лица мальчика повествуется о невинном существовании вместе с маленькой сестренкой Катей, об их детских играх, об участии в материнской молитве перед сном. Вдруг в чарующий мир непроснувшейся чистой души врываются чуждые для нее понятия. Приезжают братья, и старший Сергей соблазняет молоденькую горничную Таню. Мальчик сквозь щель в двери наблюдает за навязчивыми приставаниями брата к девушке. На дне чемодана Сергея случайно обнаружены скверные картинки, которые также потрясли воображение взрослого ребенка. В новой редакции повести уже присутствуют помимо братьев и старшие сестры, они составляют другой лагерь — девичий, под их покровительство попадает маленькая Катя. Этот факт усиливает обиду мальчика, так как старшие братья отказываются наотрез принимать его в свою компанию, отсылая к сестрам, составившим и замкнувшим девичий круг, в который взрослому мальчику входить не положено. Романов очень удачно ведет маленького героя через первую исповедь: мальчик испытывает преобразование души, очистившись от скверных мыслей, рожденных нескромным обращением брата с горничной. Но решимости не поддаваться греховному началу хватает ненадолго: “Куда девалось мое настроение чистоты, в котором было так хорошо и легко. И теперь моя жизнь становится все менее и менее свободной, безгрешной и все более сложной. Я чувствую, как в нее входит все новое. Все больше и больше признаков того, что я дальше ухожу от возраста *маленьких* и приближаюсь к большим. Это как с внешней стороны, так и с внутренней. С внешней стороны это выражается в том, что я занимаюсь с учителем. С внутренней — в том, что в этот год я, благодаря братьям и Ваське, узнал многое, чего не знал раньше. И теперь это знание временами мучает меня и вводит в такие грехи, существование которых я не предполагал даже. На мою голову все больше и больше сваливается испытаний, выдержать которые я не в состоянии, я падаю, потом раскаиваюсь и сижу за буфетом или на раките” [6, с. 115]. Маленький герой повести пробует подражать братьям: то Сереже, то Ване. Пытается в их вольном обращении с религией найти оправдание своим хулиганским проделкам. И все же религиозное чувство сильно в мальчике, совесть не дает ему покоя. Поэтому он просит Ваську

приложить к его руке горящую палку. Формируя образ героя, писатель также обращался к своему тогдашнему внутреннему состоянию смятения: быть верным жене или поддаться разнообразным любовным увлечениям. Религия, по его мнению, способна лишь на некоторое время заглушить голос страстей.

Как справедливо подметил Петроченков, во-круг “Детства” не велось бурной полемики, повесть не стала предметом споров, которые сопровождали каждое издание произведений Романова на протяжении 1920-х годов (см.: [7, с. 65]). Тем не менее, стоит представить весь спектр мнений о повести, хотя он и не был широким.

Первые отклики на повесть не отличались серьезным анализом. “Детство” напомнило критикам произведения Льва Толстого, С.Т. Аксакова, Н.Г. Гарина-Михайловского, но ниже уровнем: “...просто, мило, лирично — и только” [8, с. 5]. Друг Романова, критик и литературовед Н.Н. Фатов, превозносивший талант писателя и ставивший его вровень чуть ли не с Толстым, прежде всего указал на неактуальность “Детства” для революционной эпохи: «...жизнь такая далека от нас — с праздниками — “святками” и “пасхами”, с тихими молитвами “на сон грядущий”, с горничными и неизменной “крестной”, которая прежде чем войти на крыльцо, обязательно оскребет ноги о ступеньку; и эта психика ребенка, живущего в привилегированной среде, не знакомого с детства с трудом» [9, с. 293]. Единственное достоинство повести, по мнению критика, — это ее формальная сторона, мастерское изображение прошлого: «И тот факт, что “Детство” П. Романова можно читать после “Детства” Л. Толстого и Аксакова, и то, что пролежав войну и революцию и будучи напечатанной лишь в 1924 г., повесть все-таки не кажется устарелой и ненужной — лучший показатель исключительной высокопробности художественного таланта П. Романова, пленяющего даже такими, в основном чуждыми пролетарской психологии, произведениями» [9, с. 293].

В критических статьях повесть Романова часто сравнивали с “Детством” Льва Толстого. У В. Львова-Рогачевского возникла еще ассоциация с Гончаровым: “невольно погружаешься в тихий сон обломовско-усадебного мира, описанного художником с большой нежностью” [10, с. 11]. Львов-Рогачевский сопоставил повесть с рассказами Романова о новом быте и пришел к выводу, что в творчестве писателя переплетается лирическое и сатирическое и побеждает последнее. На его взгляд, Романов склонен не жалеть

о прошлом, а бичевать его своим оружием — смехом. Пристальной остальных посмотревшая на повесть Е.Ф. Никитина начала с типичных для того времени суждений: «“Детство” не созвучно нашей эпохе, которая выдвинула детей-героев из других социальных групп — крестьянства и пролетариата» [11, с. 57]. “Детство” напомнило Никитиной “сказку о прошлой патриархально-идиллической жизни”, но, несмотря на свою незатейливость, на отсутствие сатиры и насмешки над старым бытом, повесть показалась ей тесно связанной со всем творчеством писателя, ключом к его роману “Русь” и другим произведениям. Пожалуй, только Никитиной удалось распознать всю противоречивость, заложенную в повести, почувствовать сомнения, раздиравшие автора даже на уровне самой манеры изложения. Поэтому повесть для нее полна динамики (остальные критики говорили о “неспешности” “Детства”): “Искусно переплетая рассказ с разного рода описаниями (особенно свежи и ароматны здесь пейзажи), автор умеет сообщить своему произведению несомненную динамичность, которая, вообще говоря, не часто характеризует этот автобиографически-художественный жанр. Повествовательная напряженность достигается здесь тем, что почти в каждой главе раскрывается что-нибудь новое в психике мальчика-героя. Ценность повести еще увеличивается ее языком, который отличается классической простотой и выразительностью” [11, с. 57].

Критики постоянно намекали на происхождение Романова, на его коренную связь с усадебной культурой, с которой он боролся смехом, по выражению Львова-Рогачевского. Эта “усадебная” сторона романовского творчества не ограничивается лишь бытом, старым укладом, деревенской идиллией. Как показывает погружение в “лабораторию” повести, прошлое для писателя означает определенные религиозно-нравственные устои. Их слом происходил не только в обществе, но и на уровне личности самого писателя, продолжившего работу над повестью в период своих духовных исканий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Суровова Л.Ю. Дневники и записные книжки П. Романова в истории создания романа “Русь” // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. Кн. 3: Письма и дневники в русском литературном наследии XX века. Отв. ред. Н.В. Корниенко. М.: ИМЛИ РАН, 2018.

2. ИМЛИ. Ф. 24.
 3. РГАЛИ. Ф. 1281. Оп. 1.
 4. Романов П.С. Вместо биографии // Романов П.С. Наука зрения. М.: Совпадение, 2007.
 5. Полонский Вяч. Заметки журналиста. О “проблемах пола” и “половой” литературе // Известия. 1927. 3 апр.
 6. Романов П. Полное собрание сочинений. Т. 1. М.: Недра, 1929.
 7. Петроченков В.В. Творческая судьба Пантелеймона Романова. Тенафлу (N.J.): Эрмитаж, 1988.
 8. Смирнов Н. Критика и библиография. По журналам и альманахам // Известия. 1924. 24 февр.
 9. Фатов Н. Пантелеймон Романов // Прибой. Альманах 1. Л., 1925.
 10. Львов-Рогачевский В.Л. Пантелеймон Романов // Никитинские субботники. М., 1928.
 11. Никитина Е.Ф. Пантелеймон Романов. Анализ повествовательных произведений // Никитинские субботники. М., 1928.
2. IMLI. F. 24. (In Russ.)
 3. RGALI. F. 1281. Op. 1. (In Russ.)
 4. Romanov, P.S. *Vmesto biografii* [Instead of a Biography]. Romanov, P.S. *Nauka zreniya* [The Science of Vision]. Moscow, Sovpadenie Publ., 2007. (In Russ.)
 5. Polonsky, Viach. *Zametki zhurnalista. O “problemakh pola” i “polovoi” literature* [Journalist’s Notes. About “Gender Problems” and “Sexual” Literature]. *Izvestiia* [News]. 1927. 3 apr. (In Russ.)
 6. Romanov, P. *Polnoe sobranie sochinenij. T. 1* [The Complete Works. Vol. 1]. Moscow, Nedra Publ., 1929. (In Russ.)
 7. Petrochenkov, V.V. *Tvorcheskaia sudba Panteleimona Romanova* [The Creative Fate of Panteleimon Romanov]. Tenafluy (New York), Ermitazh Publ., 1988. (In Russ.)
 8. Smirnov, N. *Kritika i bibliografiya. Po zhurnalam i almanaham* [Criticism and Bibliography. By Magazines and Almanacs]. *Izvestiya* [News]. 1924. 24 fevr. (In Russ.)
 9. Fatov, N. *Pantelejmon Romanov. Priboj. Almanakh 1* [Surf. Almanac 1]. Leningrad, 1925. (In Russ.)
 10. Lvov-Rogachevsky, V.L. *Pantelejmon Romanov. Nikitinskie subbotniki* [Nikitian Saturdays]. Moscow, 1928. (In Russ.)
 11. Nikitina, E.F. *Pantelejmon Romanov Analiz povestvoatelnykh proizvedenij* [Pantelejmon Romanov. Analysis of Narrative Works. *Nikitinskie subbotniki* [Nikitian Saturdays]. Moscow, 1928. (In Russ.)

REFERENCES

Дата поступления материала в редакцию: 6 марта 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 марта 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on March 6, 2023

Revised on March 17, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026319-6

“Кругом сумасшедшие”: тема всеобщего безумия в “Докторе Крупове” А. И. Герцена и “Записках из Мертвого дома” Ф. М. Достоевского

© 2023 г. Ми Сюйян

Аспирант Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4
mixuyang@hotmail.com

Резюме. В “Записках из Мертвого дома” Достоевского влияние Герцена сказывается не только в их мировоззренческой основе, но и в художественных деталях. Изображение в них всеобщего безумия напоминает некоторые мысли из психиатрического трактата героя повести Герцена “Доктор Крупов”. Вопреки представлениям Герцена о детерминизме среды Достоевский видит в безумии проявление подавленной личности. Тем самым он продолжает свою борьбу с теорией среды, начатую им уже в “Бедных людях”.

Ключевые слова: Достоевский, Герцен, почвенничество, натуральная школа, детерминизм среды, безумие, сумасшествие.

Для цитирования: Ми Сюйян. “Кругом сумасшедшие”: тема всеобщего безумия в “Докторе Крупове” А.И. Герцена и “Записках из Мертвого дома” Ф.М. Достоевского // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 95–100. DOI: 10.31857/S160578800026319-6

“Mad People All Around”: Universal Insanity in A. I. Herzen’s “Doctor Krupov” and F. M. Dostoevsky’s “Notes from the Dead House”

© 2023 Mi Xuyang

Graduate student at the Institute of Russian Literature
(the Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences,
4 Makarov Embankment, St. Petersburg, 199034, Russia
mixuyang@hotmail.com

Abstract. Dostoevsky’s “Notes from the Dead House” shows the influence of Herzen not only in its ideological basis, but also in its artistic details. Its portrayal of universal insanity bears a strong resemblance to some thoughts from the psychiatric treatise of Alexander Herzen’s Dr. Krupov. In contrast to Herzen’s notions of environmental determinism, Dostoevsky sees insanity as a manifestation of one’s repressed personality. Thus, in “Notes from the Dead House” he continues his struggle with the theory of environment, which he had already begun since “The Poor People”.

Key words: Dostoevsky, Herzen, nobility, natural school, environmental determinism, madness, insanity.

For citation: Mi Xuyang. “Krugom sumasshedshiyе”: tema vseobshchego bezumiya v “Doktiire Kruoive” A.I. Gertsena i “Zapiskakh iz Myertvogo doma” F.M. Dostoevskogo [“Mad People All Around”: Universal Insanity in Alexander Herzen’s “Doctor Krupov” and Fyodor Dostoevsky’s “Notes from the Dead House”]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 95–100. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026319-6

Герцена по праву можно считать “вечным спутником” Достоевского. Уже в начале своей писательской карьеры в письме к брату Достоевский называет Герцена-Искандера “особенно замечательным” из “соперников” [1, т. 28, кн. 1, с. 120]. Исследователи С.Д. Гурвич-Лищинер [2],

В.А. Туниманов [3], Е.Н. Дрыжакова [4] и другие (см.: [5]; [6, с. 92—96]) нарисовали всеохватывающую картину их творческого диалога. Особенный интерес представляет первая половина 1860-х годов, когда влияние идей Герцена на Достоевского достигло кульминации. В работах А.С. Долинина [7, с. 101—162], Дж. Франка [8, с. 230—233], а также в комментариях к томам академического издания Полного собрания сочинений Достоевского отмечено, что “почвенничество” писателя в значительной степени опирается именно на идейную позицию Герцена.

Кроме того, публицистика и художественные произведения Достоевского этого периода изобилуют явным и скрытым герценовским интертекстом. Впрочем, в последнее время появились работы, в которых показано, что и во второй половине 1860-х годов в таких произведениях Достоевского, как роман “Идиот” и рассказ “Вечный муж”, есть существенные отзвуки произведений, личности и даже личной жизни Герцена ([9, с. 127]; [10]).

1

До настоящего времени исследователи не обращали достаточного внимания на одно из центральных произведений этого периода Достоевского — “Записки из Мертвого дома”¹. Как и в ряде других текстов писателя начала 1860-х годов, идеи Герцена, с одной стороны, составляют значительную часть идейной основы “Записок...”, а с другой — Достоевский иногда пытается скрыто полемизировать с “лондонским затворником”. Прежде всего это касается характера решения общей для этих двух писателей темы всеобщего безумия.

Прежде чем на ней сосредоточиться, отметим несколько совпадений основных тезисов “Записок...” с идеями Герцена. В первую очередь это относится к вопросу о расслоении русского общества на дворянство и простолюдины и, по выражению Достоевского, «“глубочайшей бездне” между ними» [12, т. 4, с. 220]. У Герцена в статье “Русские немцы и немецкие русские” есть очень близкое высказывание на этот счет: “У нас расстояние между народом и либеральным дворянством казалось тем страшнее, что между ними ничего не было, какая-то бесконечная пустота” [13, т. 14, с. 177].

Преодоление этой “глубочайшей бездны” и “бесконечной пустоты” — одна из ключевых задач почвенничества Достоевского. Впрочем, в “Записках...” она кажется рассказчику скорее неодолимой.

¹ Есть отдельные упоминания о жанровом влиянии “Былого и дум” на них в работах Г.М. Фридендера и С.Д. Гурвич-Лицинер ([11, с. 93—96]; [2, с. 191—192]).

Однако в дальнейшем Достоевский в своей публицистике будет непрестанно рассматривать возможность решения этой проблемы вплоть до пафосного призыва в “Пушкинской речи”: “Смирись, гордый человек, и прежде всего сломи свою гордость. Смирись, праздный человек, и прежде всего потрудишься на родной ниве” [1, т. 26, с. 139].

Именно из-за этой “глубочайшей бездны” в своей статье “Русский народ и социализм” Герцен констатировал, что “все элементы правительства и общества совершенно чужды, существенно враждебны народу”. Поэтому, совершив преступление против дворянства и начальства, перед судом мужик знает, что “если у него есть деньги, то он будет прав, если нет — виноват”, а “решение [суда] кажется ему делом произвола или случайности” [13, т. 7, с. 319—321]. Достоевский тоже по этому поводу заметил: “...не может быть, <...> чтоб они считали себя совсем виновными и достойными казни, особенно когда согрешили не против своих, а против начальства. Большинство из них совсем себя не виныло. <...> Преступник знает притом и не сомневается, что он оправдан судом своей родной среды, своего же простолюдины, которое никогда <...> его окончательно не осудит, а большею частью и совсем оправдает” [12, т. 4, с. 163].

Неудивительно, что оба писателя этим фактом объяснили именование преступников “несчастливыми” у русского народа. Герцен пишет: “Приговор суда не марают человека в глазах русского народа. Ссылные, каторжные слывут у него несчастными” [13, т. 7, с. 321]. А у повествователя Достоевского: простой народ “никогда не корит арестанта за его преступление, как бы ужасно оно ни было, и прощает ему всё за понесенное им наказание и вообще за несчастье. Недаром весь народ во всей России называет преступление несчастьем, а преступников несчастными” [12, т. 4, с. 49]. Хотя тут необходимо оговориться, что впоследствии в “Дневнике писателя” Достоевский будет трактовать такое название преступников совсем по-другому [1, т. 21, с. 8—23].

На этом фоне концовка “Записок...” Достоевского еще более обращает на себя внимание своим герценовским подтекстом: “Ведь этот народ необыкновенный был народ. Ведь это, может быть, и есть самый даровитый, самый сильный народ из всего народа нашего. Но погибли даром могучие силы, погибли ненормально, незаконно, безвозвратно. А кто виноват?” [12, т. 4, с. 257]. Постановка вопроса и, разумеется, сам венчающий ее риторический вопрос буквально отсылают читателей к роману Герцена “Кто виноват”. Ср. собственные

слова автора на его заключительных страницах: “Идучи мимо обгорелого дома, почерневшего от дыма, без рам, с торчащими трубами, мне самому приходило иной раз в голову: если б не запала искра да не раздулась бы в пламень, дом этот просто-ял бы много лет, и в нем бы пировали, веселились, а теперь он — груда камней. Повесть наша, собственно, кончена; мы можем остановиться, предоставляя читателю разрешить: **кто виноват?**” [13, т. 4, с. 188] (здесь и далее все выделения мои. — *М.С.*)

2

Безумие — один из устойчивых лейтмотивов беллетристики Герцена. Как отметил В.А. Путинцев, он не только доминирует в повести “Доктор Крупов”, но и встречается в ранних произведениях писателя “Записки одного молодого человека” и “Сорока-Воровка” [14, с. 93]².

Что же касается главного героя повести “Поврежденный” “светло-зеленого помещика”, то в нем исследователи видят предшественника то князя Мышкина в “Идиоте” [3, с. 39], то Кириллова в “Бесах” [15, с. 32]. Теорию доктора Крупова он фактически довел до космологической масштабности: “Земной шар или неудавшаяся планета или больная. <...> История сгубит человека. <...> Мы погибшие люди, мы жертвы вековых отклонений и платим за грехи наших праотцев, где нас лечить!” [13, т. 7, с. 370–371, 375].

В период работы над “Записками из Мертвого дома” Достоевский явно хорошо помнит доктора Крупова и его теорию. Почти одновременно с началом публикации “Записок...” в “Русском мире” в первом номере “Времени” появилась статья Достоевского “Петербургские сновидения в стихах и прозе”. В ней он упомянул некоего “нового Гарпагона”, которого, по его мнению, “нужно отнести к замечательным субъектам доктора Крупова” [1, т. 19, с. 72].

Поскольку “Записки...” Достоевского также изобилуют сценами всеобщего безумия, то у их читателя временами возникает впечатление, что вообще весь рассказ ведет приверженец теории доктора Крупова: арестант “часто терпит несколько лет, смиряется, выносит жесточайшие наказания и вдруг прорывается на какой-нибудь малости, на каком-нибудь пустяке, почти за ничто”, поэтому иные называют его “сумасшедшим”

[12, т. 4, с. 16]. Арестанты к деньгам жадны “до су-дорог, до омрачения рассудка”, но “в то же время так безрассудно, с таким ребяческим бессмыслием” тратят их [12, т. 4, с. 71–72].

Арестант дворянского происхождения (невинный “отцеубийца”) также “нерассудительный в высшей степени человек” [12, т. 4, с. 17]. Даже начальник острога “восьмиглазый” плац-майор “озлоблял уже озлобленных людей своими бешеными, злыми поступками” [12, т. 4, с. 15]. В конце концов, самого повествователя Горянчикова во “Введении” тоже называют “положительно сумасшедшим”, “мнительным до сумасшествия”, а его “Записки...”, оказывается, “писаны в сумасшествии” [12, т. 4, с. 6–7, 9]³.

Нельзя не учитывать и добровольных палачей в лице поручика Жеребятникова, в которых “тиранство <...> развивается, наконец, в **болезнь**”, и в результате “возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен” [12, т. 4, с. 171].

Упоминание имени маркиза де Сада в рассуждении о духовной деградации палачей — также многозначительная деталь. Как отметил Мишель Фуко в своем исследовании по истории восприятия безумия в европейской культуре, личность и творчество де Сада тесно связаны с “образами Крепости, Камеры, Подземелья, Монастыря, Недоступного острова, которые служат как бы естественной средой неразумия”. Поэтому вся современная ему “литература фантастики, безумия и ужаса” в качестве места действия выбирает “святых изолации” [18, с. 361], к которым относится, безусловно, и острог Достоевского. Недаром почти сразу после большого отступления, посвященного этим уже патологически извращенным палачам, Горянчиков стал рассказывать о “настоящих сумасшедших”, которых приводили в госпиталь “на испытание” [12, т. 4, с. 176].

Однако то, что Крупов в повести Герцена называет сумасшествием, — на самом деле всего лишь бытовые глупости и нравственные пороки, или нелепости социального неравенства и угнетения. В отличие от него, повествователь “Записок...” обычно удерживается от отождествления парадоксального поведения своих союзников и

² Например, в “Записках одного молодого человека”, характеризуя малиновцев, повествователь сказал, что “больные в доме умалишенных меньше бессмысленны” [13, т. 1, с. 293]. А в “Сороке-Воровке” Анета на сцене произвела на рассказчика такое впечатление: “кругом сумасшедшие, — их называют судьи”, так как “никто из них не может понять, что с этим лицом и с этим голосом нельзя быть виноватой” [13, т. 4, с. 224].

³ Влияние “Доктора Крупова” на Достоевского — отнюдь не единичное явление. Тождество современной цивилизации с всеобщим безумием неоднократно встречается и у Л.Н. Толстого в его публицистике (“Исповедь”, “О безумии” и др.) и дневниковых записях. По мнению исследователей, эти идеи Толстого в значительной степени восходят именно к “Доктору Крупову” и “Поврежденному” Герцена. Подробно см., например: [16, с. 259–263]; [14, с. 30]; [17].

сумасшествия в медицинском смысле этого слова, хотя оно в действительности гораздо ближе к патологии и нередко вызывает более серьезные последствия. Почти единственное исключение из этого составляли те “настоящие сумасшедшие”, чье присутствие в госпитале стало “истинной карой Божией для всей палаты” [12, т. 4, с. 176]⁴.

Разница в определении объясняется в первую очередь разными художественными задачами, стоящими перед двумя писателями. Если Герцен в своей повести ведет “сатирическое обозрение общественных нравов” [20, с. 118], то Достоевский в “Записках...” производит в первую очередь документацию своего опыта пребывания в остроге, и только потом на ее основе он пытается “разгадывать тайну” этого чуждого ему мира простонародья.

Однако гиперболические выводы, легкомысленная ирония и сугубо материалистический взгляд на мир доктора Крупова могли и отталкивать Достоевского. Много лет спустя, уже после значительного охлаждения отношений с Герценом и смерти последнего, он писал Н.Н. Страхову, что “поэт берет в нем [Герцене] верх везде и во всем, во всей его деятельности. <...> Это свойство его натуры <...> много объяснить может в его деятельности, даже его легкомыслие и склонность к каламбуру в высочайших вопросах нравственных и философских (что, говоря мимоходом, в нем очень претит)” [1, т. 29, кн. 1, с. 113].

Здесь снова стоит сделать оговорку, что между позициями Герцена и Крупова есть амбивалентная дистанция. С одной стороны, как отметила С.Д. Гурвич-Лишинер, в повествовании “Доктора Крупова”, которое “стилизуется под специальный психиатрический трактат”, сгущается атмосфера авторской иронии, направленной на “узость мировоззренческой базы” Крупова [20, с. 119–120], а с другой стороны, позднее Герцен сам повторил некоторые тезисы доктора Крупова о всеобщем безумии в главе “Роберт Оуэн” из “Былого

⁴ Среди них есть и тот “странный сумасшедший”, который уверен, что его спасет выдуманная им в припадке страха перед экзекуцией любовь дочери полковника Г. По наблюдению И.П. Смирнова, данный эпизод является переосмыслением судьбы Поприщина в “Записках сумасшедшего” Н.В. Гоголя. Вкупе с другими гоголевскими интертекстами в “Записках из Мертвого дома” этот эпизод подчеркивает «невозможность сплетения вымысла, кажимости с правдой, с фактами в той среде, которую передавал в своих воспоминаниях Горянчиков. “Effet de réel”, по мнению исследователя, добывается писателем из интертекстуальной операции, десимволизирующей замещение, на котором основывался сюжет литературного источника» [19, с. 74–75]. Можно сказать, что стремлением к “Effet-y de réel” объясняется и отвращение писателя к “легкомыслию и склонности к каламбуру” Герцена (см. ниже).

и дум”⁵. Если в первом случае такая дистанция между автором и повествователем была представлена как своего рода литературная игра, то во втором случае о расстоянии между повествователем и автором уже не может быть и речи.

Исходя из подобного расхождения, можно предположить, что и генезис всеобщего сумасшествия воспринимается ими по-разному. Доктор Крупов, в соответствии с духом “натуральной школы” 1840-х годов, во всем обвиняет среду: “Люди окружены целой атмосферой, призрачной и одуряющей, всякий человек более или менее, <...> с малых лет, при содействии родителей и семьи, приобщается мало-помалу к эпидемическому сумасшествию окружающей среды <...>; вся жизнь наша, все действия так и рассчитаны по этой атмосфере, в том роде, как нелепые формы ихтиосауров, мастодонтов были рассчитаны и сообразны первобытной атмосфере земного шара” [13, т. 4, с. 266–267].

Однако повествователь Достоевского называет совсем иную причину: “Может быть, вся-то причина этого внезапного взрыва в том человеке <...> – это тоскливое, судорожное проявление личности, инстинктивная тоска по самом себе, желание заявить себя, свою приниженную личность, вдруг появляющееся и доходящее до злобы, до бешенства, до омрачения рассудка, до припадка, до судорог” [12, т. 4, с. 72–73].

Задача “Записок...” Достоевского и, в некоторой степени, всего его творчества состоит именно в “разгадывании тайны” [1, т. 28, кн. 1, с. 63] – “самого зерна” человека, его личности, которая покрыта “наружной, наносной корой” [12, т. 4, с. 135], т.е. внешней патологией. Недаром по мере движения повествования в “Записках...” все реже и реже встречаются рассуждения о безумном поведении арестантов, поскольку оно оказывается всего лишь “отвратительной корой” [12, т. 4, с. 198], относящейся к “первым впечатлениям” Горянчикова.

Узость медицинского материализма и детерминизма среды доктора Крупова, понизивших личность человека до уровня “ихтиосауров, мастодонтов”, могла вызывать у Достоевского

⁵ Эта глава впервые была опубликована в середине марта 1861 г. в 6-й книге “Полярной звезды”. О знакомстве Достоевского с содержанием книги свидетельствуют его заметки к неопубликованной статье “Социализм и христианство” (см.: [21, т. 1, с. 386]). К этому времени Достоевский опубликовал только четыре первые главы своих “Записок...”, а дальнейшие главы выйдут в свет уже через полгода, в сентябре. Таким образом, знакомство с этой главой герценовских воспоминаний, вероятно, происходит одновременно с работой над “Записками...”. Можно предположить, что оно не только освежило в памяти Достоевского теорию доктора Крупова, но и дало основания для сближения позиции Крупова с личностью самого Герцена.

отталкивание. Возможно, этим и объясняется решение его повествователя вставить большое отступление по поводу теории среды именно при упоминании врачей-“отступников”: “Что бы ни представляли в свое оправдание, как бы ни оправдывались, например, хоть *средой*, которая заела и их в свою очередь, всегда будут неправы, особенно если при этом потеряли и человеколюбие. <...> Пора бы нам перестать апатически жаловаться на среду, что она нас заела” [12, т. 4, с. 158] (курсив автора. – М.С.).

Соотношение человека и среды было едва ли не важнейшей темой писателей “натуральной школы”. В качестве одного из ее представителей Достоевский, как отметила О.А. Богданова, уже с романа “Бедные люди” вступил в полемику с доминирующей тогда жесткой зависимостью человека от сформировавшей его действительности. И именно благодаря новизне, которую внес в эту школу Достоевский, в литературе “натуральной школы” произошло освобождение личности от детерминизма среды [20, с. 152–162]. Начиная с “Записок из Мертвого дома”, Достоевский стал более активно и открыто полемизировать с “теорией среды”, особенно с ее применением в криминологической и юридической сферах, а этот поворот произошел, как мы видим, не без влияния герценовского доктора Крупова.

3

Отголосок доктора Крупова и его теории слышен также и в “пятикнижи” Достоевского. Заметнее всего он в образе Зосимова из “Преступления и наказания”, который хотя “по специальности своей – хирург” (доктор Крупов тоже хирург по образованию), “помешался теперь на душевных болезнях”.

Не в силах лечить недуг Раскольников, Зосимов решает, что тот “сумасшедший или близок к тому” [12, т. 6, с. 165]. А на замечание Дуни: “да ведь этак, пожалуй, и здоровые так же” – уверенно отвечает: “...все мы, и весьма часто, почти как помешанные. <...> А гармонического человека <...> совсем почти нет” [12, т. 6, с. 194]. Как бы в тени доктора Крупова, возможно, оказывается и частично носящий фамилию его создателя доктор Герценштубе в “Братьях Карамазовых”, который уверенно определил поведение Смердякова и Дмитрия Карамазова как помешательство. Однако эти соображения, разумеется, нуждаются в более детальной аргументации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

2. *Лищинер С.* Герцен и русская “интеллигентная проза” // Вопросы литературы. 1976. № 4. С. 172–195.
3. *Лищинер С.Д.* Герцен и Достоевский. Диалектика духовных исканий // Русская литература. 1972. № 2. С. 37–61.
4. *Туниманов В.А.* “Вольное слово” А.И. Герцена и русская литературная мысль XIX века // Русская литература. 1987. № 1. С. 100–112.
5. *Дрыжакова Е.Н.* Достоевский и Герцен (У истоков романа “Бесы”) // Достоевский. Материалы и исследования. Л.: Наука, 1974. Т. 1. С. 219–239.
6. *Бабаев Э.Г.* Из истории русского романа XIX века (Пушкин, Герцен, Толстой). М.: Изд-во МГУ, 1984. 270 с.
7. *Долинин А.С.* Достоевский и Герцен (К изучению общественно-политических воззрений Достоевского) // Долинин А.С. Достоевский и другие. Л.: Худож. лит., 1989. С. 101–163.
8. *Frank J.* Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850–1859. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1983. 320 p.
9. *Кибальник С.А.* Морфология романа Достоевского и современные проблемы теории интертекстуальности // Кибальник С.А. Чехов и русская классика. Проблема интертекста. Статьи, очерки, заметки. СПб.: Петрополис, 2015. С. 115–131.
10. *Кибальник С.А.* Криптографическая поэтика рассказа Ф.М. Достоевского “Вечный муж” (черновые наброски и биографический подтекст) // Русская литература. 2021. № 4. С. 108–122.
11. *Фридлендер Г.М.* Реализм Достоевского. М.; Л.: Наука, 1964. 404 с.
12. *Достоевский Ф.М.* Полн. собр. соч.: В 35 т. СПб.: Наука, 2013–.
13. *Герцен А.И.* Собр. соч.: В 30 т. М.: Наука, 1954–1965.
14. *Путинцев В.А.* Герцен-писатель. М.: Изд-во АН СССР, 1952. 239 с.
15. *Туниманов В.А.* А.И. Герцен и общественно-литературная мысль XIX в. СПб.: Наука, 1994. 216 с.
16. *Розанова С.А.* Толстой и Герцен. М.: Худож. лит., 1972. 303 с.
17. *Матвеева Е.В.* Интертекстуальная природа метафоры поздних публицистических произведений Л.Н. Толстого // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2001. Вып. 3. Ч. 2. С. 437–444.
18. *Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб.: Университетская книга, 1997. 576 с.
19. *Смирнов И.П.* Текстотомия. Как литература отзывается на философию. СПб.: Петрополис, 2010. 208 с.
20. “Натуральная школа” и ее роль в становлении русского реализма / Ред. И.П. Видуэцкая. М.: Наследие, 1997. 240 с.

21. Летопись жизни и творчества Ф.М. Достоевского: В 3 т. / Ред. Г.М. Фридлиндер, Н.Ф. Буданова. СПб.: Акад. проект, 1999.

REFERENCES

1. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works in 30 Vols]. Leningrad, 1972–1990. (In Russ.)
2. Lishchiner, S. *Gertsen i russkaya “intelligentnaya proza”* [Herzen and Russian “Intelligent Prose”]. *Voprosy literatury* [Topics in the Study of Literature]. 1976, No. 4, pp. 172–195. (In Russ.)
3. Lishchiner, S.D. *Gertsen i Dostoevskiy. Dialektika dukhovnykh iskaniy* [Herzen and Dostoevsky. Dialectics of Spiritual Quest]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1972, No. 2, pp. 37–61. (In Russ.)
4. Tunimanov, V.A. “*Volnoe slovo*” A.I. Gertsena i russkaya literaturnaya mysl XIX veka [A.I. Herzen’s “Free Word” and Russian Literary Thought in the 19th Century]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 1987, No. 1, pp. 100–112. (In Russ.)
5. Dryzhakova, E.N. *Dostoevsky i Gertsen (U istokov romana “Besy”)* [Dostoevsky and Herzen (On the Origin of the Novel “Demons”)]. *Dostoevskiy. Materialy i issledovaniya* [Dostoevsky. Materials and Studies]. Leningrad, 1974, Vol. 1, pp. 219–239. (In Russ.)
6. Babaev, E.G. *Iz istorii russkogo romana XIX veka (Pushkin, Gertsen, Tolstoy)* [From the History of the Russian Novel of the 19th Century (Pushkin, Herzen, Tolstoy)]. Moscow, 1984. 270 p. (In Russ.)
7. Dolinin, A.S. *Dostoevskiy i Gertsen (K izucheniyu obshchestvenno-politicheskikh vozзreniy Dostoevskogo)* [Dostoevsky and Herzen (On Dostoevsky’s Socio-Political Opinions)]. Dolinin, A.S. *Dostoevskiy i drugie* [Dostoevsky and Others]. Leningrad, 1989, pp. 101–163. (In Russ.)
8. Frank, J. *Dostoevsky. The Years of Ordeal. 1850–1859*. Princeton NJ, 1983. 320 p.
9. Kibalnik, S.A. *Morfologiya romana Dostoevskogo i sovremennye problemy teorii intertekstualnosti* [Morphology of Dostoevsky’s Novel and Modern Problems of Intertextuality Theory]. Kibalnik, S.A. *Chekhov i russkaya klassika. Problema interteksta. Statji, ocherki, zametki* [Chekhov and Russian Classics. Problem of Intertext. Articles, Essays, Notes]. St. Petersburg, 2015, pp. 115–131. (In Russ.)
10. Kibalnik, S.A. *Kriptograficheskaya poetika rasskaza F.M. Dostoevskogo “Vechnyy muzh” (chernoye nabroski i biograficheskij podtekst)* [Cryptographic Poetics of Dostoevsky’s “Eternal Husband” (Rough Sketches and Biographical Subtext)]. *Russkaya literatura* [Russian Literature]. 2021, No. 4, pp. 108–122. (In Russ.)
11. Fridlender, G.M. *Realizm Dostoevskogo* [Realism of Dostoevsky]. Moscow, Leningrad, 1964. 404 p. (In Russ.)
12. Dostoevsky, F.M. *Polnoe sobranie sochineniy v 35 tomakh* [Complete Works in 35 Vols]. St. Petersburg, 2013–. (In Russ.)
13. Gertsen A.I. *Sobranie sochineniy: v 30 tomakh* [Complete Works in 35 Volumes]. Moscow, 1954–1965. (In Russ.)
14. Putintsev, V.A. *Gertsen-pisatel* [Herzen the Writer]. Moscow, 1952. 239 p. (In Russ.)
15. Tunimanov, V.A. *A.I. Gertsen i obshchestvenno-literaturnaya mysl XIX veka* [A.I. Herzen and the Social-Literary Thought of the 19th Century]. St. Petersburg, 1994. 217 p. (In Russ.)
16. Rozanova, S.A. *Tolstoy i Gertsen* [Tolstoy and Herzen]. Moscow, 1972. 303 p. (In Russ.)
17. Matveeva E.V. *Intertekstualnaya priroda metaforiki pozdnykh publitsisticheskikh proizvedeniy L.N. Tolstogo* [Intertextual Nature of Metaphors in Late Publicist Works of L.N. Tolstoy]. *Izvestiya TulGU. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tula State University. The Humanities]. 2001, Vol. 3, Part 2, pp. 437–444. (In Russ.)
18. Fuko, M. *Istoriya bezumiya v klassicheskuyu epokhu* [A History of Insanity in the Age of Reason]. St. Petersburg, 1997. 576 p. (In Russ.)
19. Smirnov I.P. *Tekstomakhiya. Kak literatura otzyvaetsya na filosofiyu* [Textomachy. How Literature Responds to Philosophy.]. St. Petersburg, 2010. 208 p. (In Russ.)
20. “*Naturalnaya shkola*” i eyo rol v stanovlenii russkoy realizma [“The Natural School” and Its Role in the Formation of Russian Realism]. Ed. by I.P. Viduet-skaya. Moscow, 1997. 240 p. (In Russ.)
21. *Letopis’ zhizni i tvorchestva F.M. Dostoevskogo v 3 tomakh* [A Chronicle of the Life and Work of F.M. Dostoevsky in 3 Volumes]. St. Petersburg, 1999. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 21 декабря 2023 г.

Статья поступила после рецензирования и доработки: 27 января 2023 г.

Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.

Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on December 21, 2023

Revised on January 27, 2023

Accepted on April 15, 2023

Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026320-8

О начале авторской лексикографии в России

© 2023 г. П. А. Дружинин

Кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник
Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН,
Россия, 119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2
petr@druzhinin.ru

Резюме. На основании корпуса ранее неизвестных архивных документов, а также затерянных публикаций XIX в. представлена уточненная история и хронология начального этапа авторской лексикографии в России. Основание академической авторской лексикографии отсчитывается от 1842 года, когда московские академики во главе с И.И. Давыдовым выдвинули идею о необходимости работ Академии наук по составлению словарей языка писателей, а в 1848 году огласили выработанные “Правила о составлении словарей или индексов из классических русских писателей”, сделав первые индексы слов к сочинениям М.В. Ломоносова и Н.М. Карамзина. К 1840-м годам относится и работа Я.К. Грота над изучением языка Г.Р. Державина, а также планы по созданию отдельного словаря языка писателя. Установлено, что работа Академии наук над составлением словаря А.С. Пушкина была начата в 1848 году; а к 1849 году по программе московских академиков были исполнены первые индексы слов из сочинений Г.Р. Державина и В.А. Жуковского. Описывается в подробностях замысел П.С. Билярского по созданию словаря языка М.В. Ломоносова и излагаются истинные причины неудачи этого масштабного начинания; другой опыт словаря языка Ломоносова, составленный А.С. Будиловичем (1871), выдвигается автором в качестве первого опубликованного словаря языка писателя. Даются сведения о значительной лексикографической работе, которую вел М.И. Сухомлинов как до избрания в Академию наук (1850-е), так и уже в составе Академии (1870–1880-е). Завершается статья описанием первого в истории русской лексикографии индекса к переводным произведениям – “Илиаде” Н.И. Гнедича и “Одиссее” В.А. Жуковского (1885).

Ключевые слова: авторская лексикография, язык писателя, Академия наук, Грот, Плетнев, Давыдов, Срезневский, Билярский, Будилович, Сухомлинов.

Для цитирования: Дружинин П.А. О начале авторской лексикографии в России // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 101–111. DOI: 10.31857/S160578800026320-8

On the Beginning of Author’s Lexicography in Russia

© 2023 Petr A. Druzhinin

Cand. Sci. (Hist.),
Senior researcher at the V.V. Vinogradov Russian Language Institute
of the Russian Academy of Sciences,
18/2 Volkhonka Str. , Moscow, 119019 Russia
petr@druzhinin.ru

Abstract. The article presents an overview of the updated history and chronology of the initial stage of the author’s lexicography in Russia, based on a corpus of previously unknown archival documents, as well as some lost publications of the 19th century. It seems that the beginning of academic author’s lexicography can be traced since 1842, when Moscow academicians led by Ivan Davydov put forward the idea of the need for

the participation of the Imperial Academy of Sciences in compiling dictionaries of the language of writers. In 1848 they formulated the “Rules for compiling dictionaries or indices of the classical Russian writers”, having completed the first indexes of words of the works of Lomonosov and Karamzin. It is established that the activity of the Academy of Sciences on the creation of Pushkin’s language dictionary was started in 1848; and by 1849, according to the program of Moscow academicians, the first indexes of words were compiled for the works of Gavriil Derzhavin and Vasily Zhukovsky. The project of Piotr Bilyarsky to create the dictionary of the language of Mikhail Lomonosov is described in detail and the true reasons for the failure of this large-scale project are explained. Another attempt to compile the dictionary of Lomonosov’s language, by Anton Budilovich (1871), is regarded as the first published dictionary of the writer’s language in Russia. The article presents the analysis of the significant lexicographic work conducted by Mikhail Sukhomlinov both before being elected to the Academy of Sciences (1850s) and already as a member of the Academy (1870–1880s). The paper is completed by a description of the first index in the history of Russian lexicography for literary translations – Nikolay Gnedich’s Iliad and Vasily Zhukovsky’s Odyssey (1885).

Key words: author’s (writer’s) lexicography, Russian Academy of Sciences, Yakov Grot, Piotr Pletnev, Izmail Sreznevsky, Ivan Davydov, Piotr Biliarsky, Anton Budilovich, Mikhail Sukhomlinov.

For citation: Druzhinin, P.A. *O nachale avtorskoj leksikografii v Rossii* [On the Beginning of Author’s Lexicography in Russia]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serii literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 101–111. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026320-8

Введение

История авторской лексикографии в России, как казалось, уже написана. Традиционно ее начальный период отсчитывается от 1880-х годов и связан с публикацией академиком Я.К. Гротом “Словаря к стихотворениям Державина” (1883) [1, с. 36]; [2, с. 152–155]. Нередко отмечается и более ранняя дата – 1863 год, когда П.С. Билярский потерпел неудачу в составлении словаря языка Ломоносова [3, с. 299]; [2, с. 145–146].

Насколько исчерпывающие эти сведения и можно ли их попытаться дополнить? Скажем, в 1867 году Н.П. Трушковский, племянник Н.В. Гоголя и издатель первого его собрания сочинений, представил в Академию наук “рукописный сборник слов, встречающихся в сочинениях Н.В. Гоголя...”¹; однако историки лексикографии не упоминают этого факта.

В настоящей работе нам хотелось бы обратить внимание на новые или упущенные источники, которые несколько иначе освещают зарождение авторской лексикографии в России. Это позволит кратко проследить хронологию формирования и первоначального развития этой языковедческой дисциплины на протяжении нескольких десятилетий (1840–1880-е годы).

¹ Извлечение из протоколов заседаний Академии [1867 г.] // Записки ИАН. Т. XI. СПб., 1867. С. 69; Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию с 1825 по 1880 год: в 8 вып. / Сост. Н.С. Авилова, Н.Ю. Шведова, Е.Т. Черкасова; гл. ред. В.В. Виноградов. М., 1952. Вып. II. С. 507, № 2711; Летопись Российской Академии наук: в 4-х т. / Т. 3. 1803–1860 / Сост. Е.Ю. Басаргина и др. СПб.: Наука, 2003. С. 125.

I. Первая попытка академика И.И. Давыдова (1842)

В предисловии к Академическому словарю 1847 года имеются размышления о пользе словарей писателей в качестве подготовительного этапа в создании больших словарей на примере изданий античных классиков; на этот вопрос Академия наук тогда ответила отрицательно, поскольку “составление словарей писателей не имеет необходимой базы и затянет издание планировавшегося словаря на неопределенное время” [2, с. 145].

Однако велась ли подобная работа вообще? Мы встречаем упоминания о том, что в ОРЯС в середине 1850-х производились выборки для иллюстрирования будущего Академического словаря [4, с. 208], однако все работы по выборкам из писателей фактически начались только в 1886 году [5, с. 163–164]. То есть можно подумать, что до 1880-х в Академии не производилось общих работ по составлению писательских словарей, за исключением обсуждения вопроса об иллюстрациях Словаря 1847 года и заглушенных попыток их подбора в 1850-е.

При неверности подобных положений в них имеется состоятельная и основополагающая для истории авторской лексикографии мысль: словарь языка писателя на первых порах воспринимался именно как подготовительная работа для большого общего словаря языка. Именно с изданием академических словарей русского языка связаны в XIX в. замыслы словарей языка отдельных

писателей. Чтобы проследить эту работу начиная с 1840-х, обратимся к основанию ОРЯС.

В первом же заседании ОРЯС П.А. Ширинский-Шихматов поставил задачу создания “полного русского Словаря”², и Академия приступила к Словарю 1847 года. 3 января 1842 года академик И.И. Давыдов изложил точку зрения московских академиков о необходимости составления словарей языка писателей: привел примеры из языка Державина, а затем, произведя экскурс в европейские словари, приведя в пример индексы к сочинениям античных авторов, он призвал “*приступить к составлению нового словаря по способу, указанному великими лексикографами. Необходимо избрать цикл тех писателей, которые достойны быть истолкователями, и на которых надобно ссылаться в новом словаре, каковы: Ломоносов, Державин, Карамзин и другие. Для каждого избранного циклического писателя нужно составить особый словарь, с указанием в нем мест, объясняющих то или другое слово. По изготовлении изданий избранных писателей, можно будет приступить к составлению полного Русского Словаря, достойного Академии. Другим способом цель Академии не может быть достигнута*”³.

Призыв этот не был услышан, что и указано в предисловии к Словарю 1847 года. Повсеместно приводимое в качестве редакционного, это предисловие имеет конкретного автора — И.И. Давыдова, редакторами были П.А. Ширинский-Шихматов и Я.И. Беренников⁴. Строки же эти отражают события 1842 года, а фрагмент предисловия к Словарю полностью повторяет документы ОРЯС по выступлению И.И. Давыдова⁵.

Утвержденный план Словаря 1847 года даже оговаривал “не обременять слов излишними примерами, а ставить только необходимо нужные, для показания истинного значения их, особливо при словах малоизвестных”, при этом “объяснение слов в смысле церковно-славянского языка <...> подтверждать примерами из книг Священного Писания, богослужебных и вообще церковных, догматического и нравоучительного содержания”⁶.

² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 19 об–20 об; Выписка из протоколов II Отделения ИАН [1842 г.] // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. XXXV. Отд. III. С. 4–5.

³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 93. Л. 33 об–35.

⁴ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1896. Т. 3. С. 156–167.

⁵ Выписка из протоколов II Отделения ИАН [1842 г.] // ЖМНП. СПб., 1842. Ч. XXXV. Отд. III. С. 13–14.

⁶ Там же. С. 17.

Причин неудачи московских академиков было несколько, однако первая и основная — желание ОРЯС как можно скорее издать новый Словарь. Лишь единичные академики, как П.Г. Бутков, вносили в корректурные листы “примеры из прежних и новых русских писателей”⁷.

И.И. Давыдов и другие московские академики не оставили своего замысла, тем более, что работа живших в Москве членов ОРЯС была в 1842 году оформлена организационно с утверждением И.И. Давыдова во главе Московской временной комиссии Академии “с возложением на нее приготовления к изданию Русской грамматики”, в состав которой вошли академик П.М. Погодин и адъюнкты П.М. Строев и С.П. Шевырев. Деятельность Московской комиссии, не слишком одобряемая в Петербурге [6, с. 22], не ограничивалась только грамматикой: обсуждалась и словарная работа, в том числе составление словарей языка отдельных писателей. В 1840-е годы комиссия выработала лексикографическую программу, развивающую идеи И.И. Давыдова.

II. Обращение Я.К. Грота к авторской лексикографии (1844)

Академическое издание сочинений Державина (1864–1883) стало выдающимся памятником и Державину, и академику Гроту, и самой Академии. “Словарь к стихотворениям Державина” был помещен в последнем томе, вышедшем в свет в 1883 году. Подготовка же издания была начата раньше, когда был озвучен план Сочинений⁸, но “Словарь” там не упоминался.

Обращение же Грота к языку Державина началось ранее, в 1840-е годы, когда он решил написать несколько статей для “Современника”, издаваемого его другом и членом ОРЯС П.А. Плетневым. Их переписка доносит до нас необходимые сведения:

“Изучаю Державина не на шутку и напишу статью о нем” (Грот — Плетневу, 12 июля 1844)⁹.

“Слышал ли ты слово *шурмовать*? Два раза я его встретил у Державина, а в лексиконах его нет. Скажи академии, что в ее новом словаре должны быть, по крайней мере, все слова, употребленные когда-нибудь лучшими

⁷ Отчет ИАН по ОРЯС [за 1846 г.]... / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1847. Ч. LIII. Отд. III. С. 39–40.

⁸ План академического издания сочинений Державина / Записка Я.К. Грота // Известия ОРЯС. СПб., 1859. Т. VIII. Вып. III. Стб. 81–89.

⁹ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1896. Т. 2. С. 280.

русскими писателями” (Грот – Плетневу, 15 октября 1844)¹⁰.

“Шурмовать ничего не значит: произвольно (звукотрагическое!) сказанное Державиным слово, без явного русского корня. Таких слов, я думаю, академия не примет. Она с благоговением берет слова только из старинных, да церковных книг. Впрочем, коли не забуду, поговорю” (Плетнев – Гроту, 21 октября 1844)¹¹.

“Таких звукотрагических слов по-русски в шуточном языке можно накопать тысячу, что Державин и делал частёхонько, особенно приняв корень из простонародья. Он не столько был знаток русского языка (а в лексикографии и грамматике – явный невежда), сколько смельчак и забавник. <...> Об Академическом словаре и думать перестань. Сборище это выше всего ценит словечко из Месячн<ой> Миней; а о Державине и не думает. Впрочем, если с такими указаниями вышлешь порядочный сбор державинских слов, я предложу его в отделении” (Плетнев – Гроту, 1 ноября 1844)¹².

“Не знаю, стоит ли присылать для академии редкие слова из Державина; вряд ли она обратит на них внимание. Лучше пусть частный составитель нового словаря со временем почерпнет их из Современника” (Грот – Плетневу, 15 ноября 1844)¹³.

Мы видим рождение замысла авторского словаря, который так и не был осуществлен. Постепенно друзьям стало очевидно, что статьи Я.К. Грота не слишком подходят для “Современника”, к тому же он сам был занят другими работами, прежде всего, редактированием Шведско-русского словаря (1846–1847).

III. Проект И.И. Давыдова и московских академиков (1848)

После выхода Словаря 1847 года раздалось множество голосов о его недостаточности, в общем-то, подтверждая известную лексикографическую истину: словарь устаревает еще даже до того, как он завершается печатанием.

Формально Академия должна была провозгласить идею, что будет делать новый словарь и, конечно, уже на новых и более прогрессивных основаниях. Изменилось и положение И.И. Давыдова: 7 января 1847 года он был назначен директором Главного педагогического института, переехал в Петербург, а Московская временная комиссия была упразднена¹⁴. Видя студентов исполнителями лексикографических работ, 7 февраля 1848 года И.И. Давыдов представил

разработанные московскими академиками “*Правила о составлении словарей или индексов из классических русских писателей*”, которые развивали предложения 1842 года. Они отдельно оговаривали то, что приведет Академический словарь к совершенству:

Предполагая довершить при втором издании Словаря то, чего невозможно было сделать при первом, Отделение должно заблаговременно озаботиться приготовлением частных словарей, или индексов, из нескольких важнейших писателей наших, для обогащения и украшения труда своего примерами из образцовых писателей. <...>

Вот, по моему мнению, правила, которыми в этом случае следовало бы руководствоваться:

1). Избрать тех писателей, на которых почитается необходимым делать ссылки, как на образцы. На первый раз можно бы ограничиться Державиным, Фонвизиным, Карамзиным, Крыловым, Жуковским, Пушкиным, и начать с Державина.

2). При чтении писателя, выписывать слова и выражения, в которые они облечены, на особых билетах, с показанием сочинения.

3). Избирать слова, замечательные или по различным значениям, или по особым оттенкам в значении, речения переносные, живописные эпитеты, идиотизмы <т. е. идиомы>. В Державине встречаются слова всех этих родов.

4). Ссылки обозначать сокращенно, в поэтах – указанием стихотворения, в прозаиках – тома, главы; в Истории Карамзина – княжения или царствования и года. В древних классиках эти ссылки короче и определеннее: там у поэтов все стихи сосчитаны, а прозаики разделены на книги, главы и параграфы.

5). На разных билетах будут повторяться одни и те же слова, но только с разными выражениями или примерами. И по окончании труда, однородные билеты, относящиеся к объяснению одного и того же слова, соединятся, и все слова приведутся в алфавитный порядок.

6). Чтением одного и того же писателя могут заниматься многие; потому что билеты, сперва порознь составленные одним ли лицом или многими, расположатся после по порядку.

7). Сквозь билеты, приведенные в алфавитный порядок, продевается шнур, выписки перечитываются и исправляются, и потом уже переписываются в форме индекса. <...>

В настоящем случае я повторю мысль бывшей Московской временной комиссии Академии, которой за несколько лет был я пред Отделением органом казенно-занятий Отделения вообще и Словаря в особенности. <...>. По способу, указанному великими филологами, московским академикам казалось нужным для Словаря отечественного языка также избрать писателей, которых мы почитаем достойными быть истолкователями нашего слова, и на которых можно ссылаться, как на образцы, и каковы: Ломоносов, Державин, Карамзин, Филарет, Иннокентий, Жуковский, Пушкин и другие. По изготовлении изданий избранных писателей с особыми для каждого словарями, объясняющими то или другое слово, как с надежным запасом, думали приступить к составлению полного русского Словаря. <...> По этому способу составлен

¹⁰ Там же. Т. 3. С. 332.

¹¹ Там же. С. 335–336.

¹² Там же. С. 344–345.

¹³ Там же. С. 358.

¹⁴ Отчет ИАН по ОРЯС [за 1847 г.], читанный 28 декабря 1847... П.А. Плетневым // ЖМПН. СПб., 1848. Ч. LVII. Отд. 3. С. 32.

огромный филологический труд Гримма. Теперь и нам предстоит такой же труд, истинно ученый и вполне полезный¹⁵.

IV. Академические работы по плану И.И. Давыдова (кон. 1840-х — 1850-е годы)

Отделение определило просить “И.И. Давыдова о поручении студентам Главного педагогического института для опыта составить индекс к сочинениям Державина”¹⁶. Упомянутые “особые билеты”, на которые производилась выписка, — это собственно нарезанные листки бумаги, которые в будущем получат наименование карточек. И организация академической Словарной картотеки, основателем которой считается Я.К. Грот (1886) [5, с. 165], на наш взгляд, относится к 1848 году и связана с лексикографическим проектом московских академиков.

Первым писателем, к сочинениям которого был составлен индекс, стал Г.Р. Державин: 27 марта И.И. Давыдов представил Отделению перечень слов, в котором было 3 974 примера, в особом ящичке, расположенном в общем алфавитном порядке¹⁷. Словарь языка Карамзина по Истории Государства Российского был закончен летом 1848 года и составил 4 480 примеров, и было решено начать словарь языка В.А. Жуковского; к началу сентября словарь Карамзина был дополнен до 5 075 примеров, которые были уложены в пять ящичков, и в заседании 11 сентября уже показаны картотечные ящики, сделанные студентами за собственные деньги и оплаченные затем Академией¹⁸.

Предполагалось распространить труд “и на других известных наших писателей”¹⁹. В 1849 году студентами “кончены указатели к сочинениям: Державина, Карамзина, Жуковского и Пушкина. Теперь занимаются они подобным трудом в отношении к сочинениям Московского митрополита Филарета и Херсонского архиепископа Иннокентия”²⁰.

Впоследствии работа если не прекращается, то переходит в несколько иную плоскость — Отделение, несмотря на давление И.И. Давыдова,

все активнее сопротивляется и поначалу уходит от светских писателей, ограничиваясь Филаретом и Иннокентием²¹; лишь академик М.А. Коркунов приготовил “большое количество примеров из новых русских писателей”²². С оставлением И.И. Давыдовым своей должности работа над словарями языка писателей в стенах Академии угасает; лишь в 1853 году он “составил выбор слов из сочинений поэта Д.В. Давыдова”²³.

ОРЯС же в целом сочло работу над будущим словарем излишней, Я.К. Грот в 1852 году открыто ее бойкотировал²⁴, а в 1859 году и вовсе высказался, что “теперь, после всех изданий академии по этому предмету, дело усовершенствования русского словаря успешно может быть ведено частными лицами, лишь бы нашлись приготовленные к тому люди, которые имели бы возможность посвятить ему всю свою деятельность”²⁵, подразумевая лексикографическую деятельность В.И. Даля.

И.И. Срезневский, выступая против алфавитного порядка и настаивая на словопроизводном²⁶, в середине 1850-х годов по сути остановил работу Академии над словарем русского языка²⁷.

V. Замысел академика П.С. Билярского (1862)

С именем П.С. Билярского историки лексикографии связывали “первый опыт” по составлению словаря языка писателя, который так и не удалось осуществить. Причиной считается озвученная А.Д. Галаховым невозможность привлечения к этой работе учителей словесности [3, с. 299]; [2, с. 146]. Однако истинная причина неудачи кроется в иной плоскости.

П.С. Билярский с молодости был дружен с А.А. Куником, благодаря этим отношениям в 1860 году ему были поручены работы по изучению “новейшего русского языка” в рамках ОРЯС. Но здесь

²¹ Отчет ИАН по ОРЯС, за 1850 г. / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1851. Ч. LXIX. Отд. III. С. 37.

²² Отчет ИАН по ОРЯС за 1851 г. / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. LXXIII. Отд. III. С. 46.

²³ Отчет ИАН по ОРЯС, за 1852 г. / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1854. Ч. LXXXI. Отд. III. С. 69.

²⁴ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1896. Т. 2. С. 582.

²⁵ Гримм Я. Мысли о национальном словаре / Пер. и коммент. Я.К. Грота // Русская беседа. М., 1859. Кн. VI. Отд. II. С. 48.

²⁶ Срезневский И.И. Заметки по поводу чтения мнений Я. Гримма о словаре // Известия ОРЯС. СПб., 1859. Т. VIII. Стб. 214–217.

²⁷ Переписка Я.К. Грота с П.А. Плетневым / Под ред. К.Я. Грота. СПб., 1896. Т. 3. С. 703.

¹⁵ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 28об–34.

¹⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 28об–34.

¹⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 125.

¹⁸ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 106. Л. 122–122 об.

¹⁹ Отчет ИАН по ОРЯС, за 1848 г. / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1849. Ч. LXI. Отд. III. С. 37.

²⁰ Отчет ИАН по ОРЯС, за 1849 г. / Читан П.А. Плетневым // ЖМНП. СПб., 1850. Ч. LXV. Отд. III. С. 38.

его ждал конфликт с И.И. Срезневским²⁸ после статьи “Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе...”²⁹, в которой он делится соображениями относительно издания “Сказания о святых Борисе и Глебе”³⁰ и указывает на упущенные коллегой “разности”, которые “ведут к заключению, что сочинитель сказания не одно и то же с летописцем”³¹, и на другие недочеты.

Биярский в ОРЯС «считал необходимым, прежде всего, заняться составлением словарей к произведениям каждого отдельного писателя, древнего и нового, и, недовольный словарями к Ипатьевской и Новгородской летописям, составленными Пыпиным и Чернышевским под руководством Срезневского, представил, в виде образца, “Замечания о языке Сказания о св. Борисе и Глебе...”»³².

В контексте нашего вопроса примечательно, что статья первоначально имела другое название, которое мы видим по первоначальным колонтитулам: “*Язык Нестора в сказании и в летописи*”; исследование языка Несторовой летописи к тому времени имело значительную историографию, однако речь о формулировке, в которой целью исследования определен не язык летописи, а именно язык Нестора, писателя XI века, что находит подтверждение и в самой статье, где он говорит о необходимости “подробных словоуказаний к древним писателям”, поясняя, что “без этого пособия нельзя и ожидать подробного сравнения и положительных характеристик наших древних писателей”³³.

Осенью 1862 года П.С. Биярский был единогласно избран академиком³⁴, что было важно еще и для равновесия в ОРЯС, поскольку он был сторонником “немецкой партии” (внутренняя борьба в Академии, известная по временам Ломоносова, продолжалась и в XIX веке [8]; [9]). Поскольку в 1865 году ожидалось столетие смерти Ломоносова, он высказался о важности составления

словаря языка писателей, желая начать с Ломоносова³⁵, что и было одобрено³⁶.

Но и здесь Биярский встретил ожесточенное противодействие И.И. Срезневского, а когда 30 декабря докладывал “о необходимости словаря писателей для воссоздания стилистики”, возник спор о целесообразности разработки языка писателей нового времени вообще, в котором высказался еще один явный недоброжелатель Биярского — А.В. Никитенко, который, “считая недостаточным для этого разбор писателей, признавал, что законы слога должны быть извлекаемы главным образом из истории философии. По мнению Срезневского, единственным материалом для этого учения может служить язык народный, и превосходство слога того или другого писателя зависит только от степени чужья, необходимого для усвоения языка народа”³⁷; тем самым ОРЯС по сути заблокировало работу П.С. Биярского. 22 марта 1863 года П.С. Биярский подал записку, в которой отказывался вести разработку словарей писателей в условиях такого противодействия со стороны некоторых членов Академии³⁸.

Напечатанный же “Образчик филологического разбора языка новейших писателей”³⁹ был, в действительности, свидетельством попытки, не получившей одобрения ОРЯС. Лишь живший в Москве академик М.П. Погодин, еще помнивший попытки московских академиков 1840-х годов, вступился за этот проект⁴⁰.

VI. Словарь языка Ломоносова А.С. Будиловича (1871)

В 1867 году А.С. Будилович был удостоен золотой медали за конкурсное сочинение “О литературной деятельности М.В. Ломоносова”, написанное в 1866–1867 годах (когда автору было двадцать лет)⁴¹. Те из материалов, которые не вошли в итоговую книгу, были переданы им

³⁵ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 158–158 об.

³⁶ Извлечение из протоколов заседаний Академии [1863 г.] // Записки ИАН. Т. III. СПб., 1863. С. 113.

³⁷ Истрин В.М. Указ. соч. С. 240.

³⁸ Там же. С. 249–250.

³⁹ Биярский П.С. Образчик филологического разбора языка новейших писателей // Записки ИАН. Т. III. СПб., 1863. С. 125–137.

⁴⁰ Погодин М.П. Новые ученые предприятия в Петербурге // Русский вестник. М., 1864. Т. L, март. № С. 372.

⁴¹ Будилович А. Об ученой деятельности Ломоносова по естествоведению и филологии // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. 144. С. 272–333; Ч. 145. С. 48–106.

²⁸ Истрин В.М. Письма к академику П.С. Биярскому, хранящиеся в имп. Новороссийском университете. Одесса, 1906. С. XXVII.

²⁹ Биярский П.С. Замечания о языке сказания о св. Борисе и Глебе... // Записки ИАН. Т. II. СПб., 1862. С. 109–120.

³⁰ Сказания о святых Борисе и Глебе: Сильвестровский список XIV века / Изд. И.И. Срезневский. СПб., 1860.

³¹ Биярский П.С. Замечания... С. 119.

³² Истрин В.М. Указ. соч. С. XXXIII.

³³ Биярский П.С. Замечания... С. 112, 120.

³⁴ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 134. Л. 105 об.

академику А.А. Кунику, который поспешил передать рукопись на рассмотрение Я.К. Гроту, и Академия наук весной 1870 года одобрила их к изданию⁴². Вскоре сочинение А.С. Будиловича “Ломоносов как писатель” было напечатано⁴³, а наибольшим разделом там стал опыт словаря языка Ломоносова.

В предисловии автор поясняет, что этот раздел “представляет попытку разложения на главные элементы языка Ломоносова по отношению к лексикальному его составу и литературному употреблению”⁴⁴. Для словаря был использован “весь стихотворный материал сочинений” Ломоносова, к которому были добавлены три прозаических.

Лексикографический раздел занимает без малого сто пятьдесят страниц (2 497 словарных статей, распределенных по разделам). Понимая несовершенство рубрикации, А.С. Будилович оправдывался тем, что “на этом пути автор совершенно не имел предшественников”. Последнее верно: перед нами первый опыт словаря языка писателя в истории русской авторской лексикографии.

VII. Академик Я.К. Грот и словарь языка Державина (1883)

Приступив в 1859 году к подготовке сочинений Державина⁴⁵, Я.К. Грот не предполагал никакого словаря. К 1872 году основные тома были напечатаны, и лишь спустя годы он довершал биографию Державина, о которой в 1880 году объявил, что та “составит последний (VIII) том”⁴⁶.

План словаря языка Державина, уже в новой редакции, созрел у Я.К. Грота только летом 1879 года⁴⁷, поскольку готовился том дополнений, и нужно было поместить что-то еще в будущий том. В 1880 году словарь был завершен в рукописи, а в 1881 году листы с ним были отпечатаны⁴⁸. Готовый том был представлен 9 сентября 1882 года

⁴² Извлечение из протоколов ОРЯС [1872 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. VIII. СПб., 1872. С. IX.

⁴³ Ломоносов как писатель / Сост. А. Будилович / Сб. ОРЯС, т. VIII, № 1. СПб., 1871.

⁴⁴ Там же. С. IV.

⁴⁵ ОРЯС ИАН за первые 50 лет его деятельность: 1841–1891 гг.: Сб. документов / Сост. Е.Ю. Басаргина, О.А. Кирикова. СПб.: Нестор-История, 2016. С. 243.

⁴⁶ Отчет ОРЯС за 1878 г. / Сост. ак. М.И. Сухомлиновым // Записки ИАН. Т. XXXVI. СПб., 1880. С. 50.

⁴⁷ Извлечения из протоколов ОРЯС [1879 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XXI. СПб., 1881. С. I, III.

⁴⁸ Отчет ОРЯС за 1881 г. / Сост. ак. А.Н. Веселовским // Записки ИАН. Т. XL. СПб., 1882. С. 96.

в заседании ОРЯС по случаю 50-летия ученой и литературной деятельности Грота⁴⁹, но в свет Академией выпущен только в 1883 году. Словарь насчитывает 1692 словарные статьи без учета отсылок (позволим себе уточнить прежнюю цифру “около 1750” [1, с. 37]).

VIII. Словарь языка Крылова В.И. Срезневского (1879)

Когда в сентябре 1879 года Я.К. Грот объявил о словаре языка Державина, это не только знаменовало возвращение Академии наук к разработке словарей языка писателей, но и показало, что не один только Я.К. Грот размышлял об их составлении. Вскоре выяснилось, что по басням И.А. Крылова “несколько лет тому назад” Вяч. И. Срезневским уже был составлен словарь языка этого писателя, и ОРЯС постановило издать его после некоторой доработки⁵⁰. Рукопись этого труда сохранилась, но ранее относилась уже ко времени подготовки словаря Я.К. Грота [2, с. 175]. Составлен словарь был явно под влиянием отца, академика И.И. Срезневского, который ранее отмечал свой интерес к языку И.А. Крылова⁵¹.

IX. Лексикографические работы академика М.И. Сухомлинова

Первые опыты работы М.И. Сухомлинова в области составления словарей языка русских писателей фиксируются еще в середине 1850-х годов: 21 августа 1854 года он представил Академии словарь языка В.А. Жуковского⁵², а затем А.О. Аблесимова⁵³. А в октябре и ноябре 1872 года, уже в звании академика, Сухомлинов вновь представил эти работы в ОРЯС, указав, что “успел уже разработать по одному плану Аблесимова, Грибоедова и Жуковского”⁵⁴. Таким образом, мы можем соотнести недатированную рукопись словаря к комедии “Горе от ума” [9, с. 25–26] с лексикографическими работами начала 1870-х годов.

⁴⁹ Отчет ОРЯС за 1882 г. / Сост. ак. А.Н. Веселовским // Записки ИАН. Т. XLIV. СПб., 1883. С. 51.

⁵⁰ Извлечения из протоколов ОРЯС [1879 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XXI. СПб., 1881. С. III.

⁵¹ *Срезневский И.И.* Чтение о языке Крылова // Записки ИАН. Т. XIV. СПб., 1868. С. 89.

⁵² СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118. Л. 101.

⁵³ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 118. Л. 108.

⁵⁴ Извлечение из протоколов заседаний Академии [1872 г.] // Записки ИАН. Т. XXI. СПб., 1872. С. 313; Библиографический указатель литературы по русскому языкознанию... Вып. IV. С. 158, № 780; Вып. VII. С. 379, № 1677.

В 1879 году М.И. Сухомлинов представил Академии наук особую записку, настаивая в ней, что “история языка должна обращать внимание на свойство и количество иностранных слов, употребляемых писателями различных эпох, на выражения образные, на любимые эпитеты и другие особенности, рисующие талант писателя и литературный вкус его времени. История русского литературного языка слагается из данных, добываемых изучением языка отдельных писателей. С этого и надобно начать”⁵⁵.

Но эта идея показалась Отделению излишне смелой, и хотя она была одобрена: “если найдутся достаточно подготовленные молодые люди, которые пожелают принять участие в составлении подобных словарей”⁵⁶, таковых смельчаков нашлось.

Возобновление словарной работы связано с изданием Академией наук сочинений Ломоносова, когда под руководством М.И. Сухомлинова студент Н.А. Смирнов в 1884 году начал составление словаря⁵⁷, а к 1886 году почти закончил свой труд⁵⁸. Рукопись этого словаря сохранилась, но ранее относилась к более позднему этапу истории русской лексикографии, начатому подготовкой словаря Я.К. Грота [2, с. 173–174].

Именно начало подготовки Академического словаря под редакцией Я.К. Грота прекратило работу над отдельными словарями писателей, и все силы были брошены на выборки для него.

Х. Словарь языка Пушкина в деятельности Академии наук

В контексте ранних работ Академии в области авторской лексикографии нельзя пройти мимо указания В.В. Виноградова на то, что “есть сведения, что в 70–80-х гг. XIX в. была даже предпринята попытка составления пушкинского словаря под руководством акад. И.И. Срезневского. Но из этой попытки, так же, как и из нескольких других попыток лексикографической обработки словарного материала произведений Пушкина в досоветское время, ничего не вышло” [10, с. XIII]. Многократно эти сведения были повторены в литературе вопроса, превратились в факт лексикографии, но в действительности никогда не были

ни подтверждены, ни опровергнуты. Поскольку же И.И. Срезневский умер в начале февраля 1880 года, то приведенная формулировка априори ошибочна. В материалах ОРЯС, просмотренных нами практически полностью, мы не находим каких-либо подтверждений того, чтобы И.И. Срезневский возглавлял или даже планировал подобную работу.

Приведенные документы со всей ясностью говорят об иной историографии пушкинского словаря: еще в 1848 году московские академики под руководством И.И. Давыдова представили Академии наук программу составления указателей слов к сочинениям А.С. Пушкина, получили одобрение Академии, и в 1849 году исполнили этот замысел. Несмотря на то, что мы не знаем ни послуживших для него конкретных источников, ни объема этого словаря, документально подтвержденный факт осуществления этой лексикографической работы позволяет нам совершенно иначе датировать начало работ Академии наук над словарем языка Пушкина.

Следующее обращение Академии наук к языку Пушкина отмечается после большого, в несколько десятилетий, перерыва. Этот перерыв связан с тем, что после озвученного в 1859 году академиком Я.К. Гротом тезиса, что Словарь вполне по силам одиночным исполнителям, а затем и с выходом в 1863–1866 годах первого издания Толкового словаря русского языка В.И. Даля Академия наук не предпринимала активных действий для создания нового Академического словаря.

Далее, со второй половины 1870-х годов, заметно смещается и вся деятельность ОРЯС, ведущие позиции в котором занимают отнюдь не специалисты по русскому языку: в 1877 году начинает свою активную деятельность компаративист А.Н. Веселовский, а в 1880 году на место И.И. Срезневского Отделение избирает И.В. Ягича, что серьезным образом повлияло на направление исследований. И только в 1886 году, с переездом И.В. Ягича в Вену, академик Грот получил возможность для создания нового Академического словаря по своему усмотрению.

Именно в 1886 году ОРЯС в одном из своих заседаний «рассматривало словарные выписки из “Капитанской дочки” Пушкина»⁵⁹; в следующем году отмечается “значительное собрание извлечений, выписанных г. Шейном из сочинений Пушкина”⁶⁰.

⁵⁹ Отчет о деятельности II отделения ИАН за 1886 г. / Сост. А.Ф. Бычков / Сб. ОРЯС. Т. XLI, № 4. СПб., 1887. С. 3.

⁶⁰ Отчет о деятельности II отделения ИАН за 1887 г. / Сост. Я.К. Грот / Сб. ОРЯС. Т. XLIII, № 3. СПб., 1888. С. 14.

⁵⁵ Извлечения из протоколов ОРЯС [1879 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XXI. СПб., 1881. С. II–III.

⁵⁶ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 168. Л. 39об.

⁵⁷ СПФ АРАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 178. Л. 47 об.; Извлечения из протоколов ОРЯС [1884 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XXXVI. СПб., 1885. С. XV.

⁵⁸ Извлечения из протоколов ОРЯС [1886 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XL. СПб., 1886 [1887]. С. 1.

При этом, сделаем оговорку, мы не знаем, когда именно эта выборка П.В. Шейном выполнялась: его лексикографические работы для ОРЯС начались ранее, однако выборки из Пушкина по-видимому следует датировать именно 1886–1887 годами, когда он активно работал для Я.К. Грота, разрабатывая “для словаря <сочинения> Пушкина, Жуковского, Языкова, Кольцова, С. Аксакова и других писателей, получая небольшое вознаграждение за доставленные словарные карточки”⁶¹.

XI. С.И. Пономарев и словарь языка Н.И. Гнедича и В.А. Жуковского

Интерес лексикографов-любителей к составлению словарей иноязычных писателей отмечается еще в середине XIX в.: речь о словарях к античным классикам, вероятно, учебного толка. Скажем, в 1847 году в Нижегородском Александровском дворянском институте “старший учитель Никольский составлял Словарь по Вергилию”⁶², а в 1852 году старший учитель Архангельской гимназии Н.П. Ягиш занимался составлением “Словаря к сочинениям Овидия”⁶³.

Но речь о словаре, составленном к языку перевода на русский литературный язык; это труд С.И. Пономарева “К изданию Илиады в переводе Гнедича”⁶⁴, заверченный 24 февраля 1885 года⁶⁵. Полагаем, что изначально он был задуман не в связи с лексикографией, а по случаю 400-летия *editio princeps* Гомера (1488) и должен был охватить вообще переводчиков Гомера в России.

В 1884 году Я.К. Грот озаботился тем, что ОРЯС необходимо отметить в наступающем году столетие Н.И. Гнедича⁶⁶, в чем С.И. Пономарев увидел перспективу опубликовать свою работу хотя бы частично. Так и появилась работа о языке Н.И. Гнедича как переводчика Гомера, в которой рассмотрены многие аспекты перевода — от подробных характеристик гекзаметра Гнедича до анализа некоторых аспектов языка перевода. В случае с изучением начального этапа развития авторской лексикографии важно отметить,

что работа С.И. Пономарева посвящена целиком только языку переводов.

Мы видим несколько индексов, составленных к “Илиаде”, — “Словарь объяснений” (240 словарных статей), который представляет собой более мифологический словарь к переводу “Илиады”, указатель повторяемых стихов в “Илиаде” (618), “Предметный указатель к Илиаде” (308). Здесь же помещен первый опубликованный указатель стихов к переводу “Одиссеи”, исполненному В.А. Жуковским (671 статья).

Заключение

Как мы показали, начальный период авторской лексикографии в России имеет во многом иную историю и хронологию, нежели было принято думать. Начало работ по составлению словарей языка писателей относится к предложению академика И.И. Давыдова о составлении “особых словарей” языка русских писателей (3 февраля 1842 года). В дальнейшем, несмотря на сопротивление отдельных членов ОРЯС, московские академики разработали “Правила о составлении словарей или индексов из классических русских писателей”, которые были одобрены Академией наук 7 февраля 1848 года. А в 1849 году был составлен и первый образчик такого словаря — языка Г.Р. Державина, а затем — языка Н.М. Карамзина (оба остались неопубликованными). К этому времени, как выясняется, относятся и академические мероприятия по устройству в ОРЯС специальной картотеки с выборками слов из сочинений русских писателей, которые должны были служить подспорьем для Академического словаря; эта картотека заложила основу будущей Большой словарной картотеки ИЛИ РАН.

Документально установлено, что 1849 годом датируется осуществление первого опыта словаря языка А.С. Пушкина в рамках лексикографических работ Академии наук (опубликован он также не был).

Установлено, что первоначальный план Я.К. Грота по составлению словаря языка Г.Р. Державина относится к 1844 году, однако в тот момент он не был осуществлен (к словарю языка Державина Я.К. Грот вернулся только в 1879 году). Но уже тогда, в середине 1840-х, видим позицию выдающегося русского лексикографа, отразившуюся через полвека на работах по Академическому словарю, — Я.К. Грот считал необходимым включить в него “все слова, употребленные когда-нибудь лучшими русскими писателями”.

⁶¹ Миллер В.Ф. Памяти П.В. Шейна // Этнографическое обозрение. М., 1900. Кн. XLVI. № 3. С. 107.

⁶² Известие об ученых и литературных трудах... в 1847 // ЖМНП. СПб., 1849. Ч. LXI, отд. III. С. 22.

⁶³ Известие об ученых и литературных трудах... в 1850 // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. LXXIII. Отд. III. С. 22.

⁶⁴ Пономарев С.И. К изданию Илиады в переводе Гнедича / Сб. ОРЯС. Т. XXXVIII, № 7. СПб., 1886.

⁶⁵ Указ. соч. С. 144.

⁶⁶ Извлечения из протоколов ОРЯС [1884 г.] // Сб. ОРЯС ИАН. Т. XXXVI. СПб., 1885. С. 1.

В 1859 году Я.К. Грот высказал мысль, что составление Академического словаря не является насущным делом Академии и может быть осуществлено отдельными лицами с надлежащей лингвистической подготовкой. Это отражает общее настроение Отделения, которое и крайне негативно отразилось на разработке писательской лексикографии в целом, и серьезно отодвинуло осуществление опытов писательских словарей.

В 1862 году академик П.С. Билярский выступил с собственной программой составления словарей языка отдельных писателей, предложив начать с Ломоносова, однако столкнулся с серьезным сопротивлением Отделения, прежде всего, со стороны И.И. Срезневского; так что первоначально одобренный проект словаря языка Ломоносова не был осуществлен. В связи с позицией Академии, сдерживавшей работы в области изучения русского языка нового времени, первый опыт словаря языка русского писателя был составлен вне ее стен — это был указатель к языку Ломоносова, подготовленный А.С. Будиловичем и изданный в 1871 году. Мы считаем его первым опубликованным словарем языка писателя в истории русской лексикографии.

Совершенно недооцененным ранее видится теперь вклад академика М.И. Сухомлинова, который благодаря собранным документам предстает в качестве крупного русского лексикографа: в 1854 году Сухомлинов подготовил материалы к словарю языка В.А. Жуковского, в 1872 году доложил о составлении словаря языка Грибоедова. В 1879 году — представил членам Академии разработанную им программу составления писательских словарей в качестве основы изучения русского литературного языка; в рамках этой программы Н.А. Смирнов в 1886 году закончил словарь языка Ломоносова. Все эти работы также не были опубликованы.

Несмотря на то, что разработка словарей языка русских писателей и выборки из них для Академического словаря оказались в ОРЯС практически свернуты, в 1886 году вышла в свет работа С.И. Пономарева, которая заключала в себе первые в истории русской лексикографии опыты словарей, составленные только к языку литературного перевода — “Илиады” Н.И. Гнедича и “Одиссеи” В.А. Жуковского.

СОКРАЩЕНИЯ

ИАН — Императорская Академия наук

ОРЯС — Отделение русского языка и словесности

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Фонякова О.И.* Очерк развития писательской лексикографии в отечественном языкознании (1883–1990) // *Русская авторская лексикография XIX–XX веков: Антология* / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2003. С. 35–50.
2. *Шестакова Л.Л.* Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 463 с.
3. *Винокур Г.О.* Словарь языка Пушкина // *Винокур Г.О. О языке художественной литературы* / Сост. Т.Г. Винокур. М.: Высшая школа, 1991. С. 297–317.
4. *[Галаванова Г.П.]* Словарь русского языка под редакцией Я.К. Грота... // *История русской лексикографии* / Отв. ред. Ф.П. Сороколетов. СПб.: Наука, 1998. С. 207–239.
5. *Шейна П.В.* Яков Карлович Грот (1812–1893) // *Отечественные лексикографы XVIII–XX веков* / Под ред. Г.А. Богатовой. М.: Наука, 2000. С. 157–172.
6. *Рапова Г.И.* Из истории языкознания в Московском университете: 40–60-е годы XIX в.: (К вопросу об истоках формальной школы Ф.Ф. Фортунатова) // *Вестник МГУ. Сер. 9. М., 1979. № 6.* С. 20–28.
7. *Булгаков Ф.И.* Немецкая партия в русской академии // *Исторический вестник.* СПб., 1881. Т. IV. С. 421–431.
8. *Бадалян Д.А.* “Немецкие партии” в русской науке XIX столетия // *Тетради по консерватизму: Альманах.* М., 2020. № 3. С. 175–192.
9. *Королькова А.В.* “Горе от ума”: Лексикографические исследования // *Русская филология: Уч. зап. СГПУ.* Смоленск, 1999. С. 24–38.
10. *Словарь языка Пушкина: в 4 т. / Отв. ред. В.В. Виноградов.* 2-е изд., доп. Т. 1. М.: Азбуковник, 2000. XXVI, 975 с.

REFERENCES

1. Fonyakova, O.I. *Ocherk razvitiya pisatelskoj leksikografii v otechestvennom yazykoznanii (1883–1990)* [Essay on the Development of Literary Lexicography in Russian Linguistics (1883–1990)]. *Russkaia avtorskaia leksikografiia XIX–XX vekov: antologiiia* [Russian Author's Lexicography: An Anthology]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. (In Russ.)
2. Shestakova, L.L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: Teoriya, istoriya, sovremennost* (Russian Author's Lexicography: Theory, History, Modernity). Moscow, Yazyki slavianskoi kultury Publ., 2011. 463 p. (In Russ.)
3. Vinokur, G.O. *Slovar yazyka Pushkina* [Pushkin's Language Dictionary]. Vinokur, G.O. *O yazyke khudozhestvennoy literatury* [Language of

- Belles-Lettres]. Comp. by T.G. Vinokur. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991, pp. 297–317. (In Russ.)
4. Galavanova, G.P. *Slovar russkogo yazyka pod redakciej Ya.K. Grot* [Yakov Grot's Dictionary of Russian Language]. *Istoriya russkoy leksikografii* [History of Russian Lexicography]. Ed. by F.P. Sorokoletov. St. Petersburg, Nauka Publ., 1998, pp. 207–239. (In Russ.)
 5. Sheina, P.V. Yakov Karlovich Grot (1812–1893). *Otechestvennyye leksikografy XVIII–XX veka* [Russian Lexicographers of the Eighteenth to Twentieth Centuries]. Ed. by G.A. Bogatova. Moscow, Nauka Publ., 2000, pp. 157–172. (In Russ.)
 6. Rapova, G.I. *Iz istorii yazykoznaniya v Moskovskom universitete: 40–60-e gody XIX v.: (K voprosu ob istokah formalnoj shkoly F.F. Fortunatova)* [From the History of Linguistics at the Moscow University: 40–60s of the 19th Century: (On the Origins of the Formal School of F.F. Fortunatov)]. *Vestnik MGU* [Bulletin of Moscow State University]. Ser. 9. Moscow, 1979, No. 6, pp. 20–28. (In Russ.)
 7. Bulgakov, F.I. *Nemeckaya partiya v russkoj akademii* [“German Party” in the Russian Academy]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Review]. St. Petersburg, 1881, Vol. IV, pp. 421–431. (In Russ.)
 8. Badalian, D.A. “*Nemeckie partii*” v russkoj nauke XIX stoletiya [“German Parties” in the Russian Science of the 19th Century]. *Tetrady po konservatizmu: Almanakh* [Almanac “Essays on Conservatism”]. Moscow, 2020, No. 3, pp. 175–192. (In Russ.)
 9. Korolkova, A.V. “*Gore ot uma*”: *Leksikograficheskie issledovaniya* [“Woe from Wit”: Lexicographic Studies]. *Russkaya filologiya* [Russian Philology, Proceedings of the Smolensk State Pedagogical University]. Smolensk, 1999, pp. 24–38. (In Russ.)
 10. *Slovar yazyka Pushkina: v 4 t. Otv. red. V.V. Vinogradov. 2-e izd., dop. T. 1* [Pushkin's Language Dictionary. In 4 Vols., Ed. by V.V. Vinogradov, 2 Ed., Suppl.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. Vol. 1. XXVI, 975 p. (In Russ.)

Дата поступления материала в редакцию: 22 января 2023 г.
 Статья поступила после рецензирования и доработки: 15 марта 2023 г.
 Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
 Дата публикации: 30 июня 2023 г.

Received by Editor on January 22, 2023
Revised on March 15, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023

Оригинальная статья / Original Article

DOI: 10.31857/S160578800026321-9

**Международная конференция “Индоевропейское языкознание
и классическая филология – XXVI”
(Чтения памяти профессора И. М. Тронского)**

**International Conference “Indo-European Linguistics and Classical Philology”
(Readings in memory of Professor I. M. Tronsky)**

27–29 июня 2022 г. в Институте лингвистических исследований РАН прошла ежегодная международная конференция “Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI” (Чтения памяти профессора И.М. Тронского). В понедельник 27 июня на пленарном заседании конференцию открыл председатель Оргкомитета конференции, научный руководитель Института лингвистических исследований академик РАН Николай Николаевич Казанский, который обратился к участникам с приветственным словом. Затем сотрудники института и участники конференции поздравили Николая Николаевича с юбилеем, и директор ИЛИ РАН, член-корреспондент РАН Е.В. Головкин и А.В. Шацков представили сборник статей “*Vegus convictor, vegus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского*” [1], а также специальный выпуск журнала *Труды института лингвистических исследований* [2]. Также под редакцией Н.Н. Казанского был издан ежегодный сборник “Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского” в двух томах [3].

Заседание секции “Древние письменности и памятники письменности” было связано со столетним юбилеем трех исследователей, дешифровавших древние письменности: Ю.В. Кнорозова (дешифровка письменности Майя), А.А. Ваймана (шумерская письменность) и М. Вентриса (микенское Линейное письмо Б). Первый доклад (стр. 262–276 в сборнике [3]) представил **Хуан Луис Гарсия Алонсо**. Доклад был посвящен иберийским системам письма, которые восходят к финикийскому письму и использовались на Иберийском полуострове с VI в. до н.э. до начала

I в. н.э.¹ Особое внимание уделяется работам Мануэля Гомеза-Морено, который расшифровал иберийское письмо в 1922 году, сопоставляя надписи на монетах и латинские названия соответствующих римских городов, а также с надписью на бронзовой табличке (Бронза Асколи, 89 г. до н.э.), в которой перечислялись иберийские имена всадников подразделения римской конницы (Turma Salluitana) [4]. Он также доказал, что иберийская и кельтиберская письменности имеют двойную систему: гласные и сонанты обозначаются алфавитными знаками, взрывные согласные – силлабическими. Позднее были выделены две большие группы [5]: северная группа (северо-восточное иберийское письмо и кельтиберское письмо) и южная, надписи которой пока недостаточно интерпретированы (юго-восточное иберийское, юго-западное, или Тартесское, письмо и эспанка). Изначально М. Гомез-Морено полагал, что звонкость / глухость смычных согласных не отражалась на письме. Однако Хоан Малукер в 1968 году [6] обнаружил, что варианты некоторых знаков, которые считались простыми графическими алломорфами без дополнительного значения, возможно, были предназначены для передачи более точных фонетических значений (различия звонких и глухих взрывных согласных). Это предположение было подтверждено на материале найденных позднее силлабариев с вариантами для звонких и глухих смычных (т.н. двойные) и без них (не двойные). Исходя из этого, Феррер и Монкунил предложили более

¹ В конце 1970-х были найдены первая и третья надпись из Боторриты (а в 1994 четвертая надпись), которые были выполнены кельтиберским письмом и являются самыми длинными текстами на кельтиберском языке. Надписи датируются II в. до н.э.

подробную классификацию письменностей: северо-восточная иберийская и кельтиберское письмо (имеют двойной и не двойной вариант), юго-восточная иберийская (предположительно двойная), эспанка (не двойная), юго-западная (не двойная) письменности. Статью Гарсиа Алонсо можно рекомендовать как подробное описание истории изучения и проблем иберийских письменностей.

Следующий доклад (“Каталоги знаков хараппской письменности”) представила **Е.В. Коровина**. В докладе рассматриваются надписи, выполненные нерасшифрованной письменностью долины Инда XXV–XX вв. до н.э. В настоящее время принята гипотеза о том, что создатели протоиндийской цивилизации говорили и писали на дравидийском языке [7]; [8]. Докладчик уделяет особое внимание каталогам, в которых разные принципы составления препятствуют дешифровке. Например, в каталогах Махадевана [9] и Парполы [8] тексты имеют среднюю длину 4–6 знаков, в то время как в каталоге Веллса 2–3 знака, поскольку Веллс трактует лигатуры как отдельные знаки, повторы двух одинаковых элементов также считаются как новый знак. Вторая проблема заключается в отсутствии прорисовок: закругление надписи на печати никак не отображается. Представляется важным составление в будущем каталога на основе прорисовок, с учетом графем, с аллографами и лигатурами всех знаков, что облегчит автоматический анализ текста.

Последний доклад, посвященный столетию со дня рождения Айзика Абрамовича Ваймана, представил д. филос. н. **В.В. Емельянов**. В докладе были обобщены основные результаты научной деятельности исследователя в области истории шумеро-вавилонской математики и дешифровки протошумерской письменности. Сначала А.А. Вайман занимался математическими табличками шумерского времени и сделал важный вывод о том, что шумерская математика развивалась и использовалась в прикладных целях (в бухгалтерском учете, метрологии, прикладных целях), в то время как вавилонская математика развивалась в теоретическом направлении: создавались новые математические задачи в связи с астрономическими наблюдениями [10]. Также он установил различие между шумеро-вавилонским (логический вывод) и греческим математическим методом (логическое доказательство). А.А. Вайман отождествил многие пиктографические протошумерские знаки с знаками развитой клинописи в аккадских школьных текстах. Он определил знаки разных зерновых, животных (коров, ослов, коз, львов), сосудов для молока,

благовоний и сыпучих тел. Важным достижением Ваймана стала дешифровка единиц времени, которое выражалось знаком UD: если знаки чисел стояли под этим знаком, они обозначали количество дней, внутри знака UD они обозначали количество месяцев, над знаком – годы. Были также интерпретированы знаки экономических операций: BA (“давать”, “делить”) и GI (“возвращать”).

На пленарном заседании в первый день конференции состоялось выступление проф. **Сильвии Лураги** о директивности в древних индоевропейских языках. В хеттском языке реципиент и одушевленная и неодушевленная директивность выражаются одним способом – беспредложным дативом. Однако в древнехеттском можно выделить другую модель: датив для выражения ролей одушевленной директивности и реципиента, и падеж аллатив для выражения неодушевленной директивности: LUGAL-s=a URUArinna paizzi ‘Царь идет к Аринне’ (StBoT 25 4 Vs ii 9 [11]). В латинском языке все три роли выражаются разными способами: предлог in с Acc. для неодуш. директивности (Ita ... in oppidum reverterunt (Caes. Gal. 7.82) ‘так они вернулись в город’) vs предлог ad с Acc. для одуш. директивности (idem principes civitatum ... ad Caesarem reverterunt (Caes. Gal. 1.31) ‘те же главы общин... к Цезарю вернулись’) vs датив без предлога для реципиента (quibus illi agros dederunt (Caes. Gal. 1.28) ‘которым они отдали земли’).

В гомеровском греческом автор выделила новую модель: одушевленная и неодушевленная директивность выражается с помощью иллативного предлога εἰς с аккузативом (ἀλλ’ ἐς μὲν Μενέλαον ἐγὼ κέλομαι καὶ ἄνωγα // ἐλθεῖν ‘но к Менелаю я советую и требую отправиться’ (Od. III, 317–318) и ἐλθὼν ἐς κλισίην Ἀγαμέμνονος ‘Придя в шатер Агамемнона’ (II. II, 9)), а реципиент выражается с помощью беспредложного датива. Предлог παρά также употребляется у Гомера с аккузативом (для выражения направления к одушевленному лицу) и с дативом, в том числе в значении “в доме у” (παρ Ζηνί “в доме у Зевса” [12, с. 104]). Предлог εἰς имеет скорее иллативное, чем аллативное, значение, так как восходит к предлогу ἐν + с (с выпадением ν и компенсаторным удлинением /ē/, которое в ион.-атт. отражается в виде ложного дифтонга ει). С этим связывается употребление εἰς с аккузативом в значении “к кому-то” у Гомера (подробнее пространственные предлоги в гомеровском греческом исследуются в более ранней работе Лураги [13]).

В классическом аттическом греческом предлог παρά с аккузативом вытесняет предлог εἰς для

выражения одушевленной директивности: τινὰ ἀγγελαφόρον Δαρείου παρ' αὐτόν ἐλθόντα ‘к нему пришел вестник Дария’ (Hdt. 3.126.2). Происходит переход к типологической модели, в которой все три роли выражаются разными способами: одушевленная директивность (παρά +Acc) vs неодушевленная директивность (εἰς + Acc) vs реципиент (Dat.). Таким образом, даже небольшое число языков демонстрирует разнообразие паттернов в кодировании этих трех семантических ролей. При этом в гомеровском греческом представлена типологически редкая модель: предлог εἰς (+Acc) как общий способ выражения одушевленной и неодушевленной директивности.

Выступление к. истор. н. **А.В. Сафронова** называлось “Филистимляне и Кафтор: к интерпретации библейских свидетельств”. Гипотеза о происхождении филистимлян с Крита основывалась на библейских упоминаниях о наемниках царя Давида керети-критян (kērētî) и пелети (pēlētî, вероятно, филистимлян): “Господь истребит филистимлян, остаток народа с берегов Кафтора!” (Иер. 47:4) и в других текстах. Докладчик показал, что эти сведения относятся к X веку до н.э., в то время как миграция народов моря происходила на два века ранее, поэтому библейские свидетельства не могут использоваться для реконструкции миграции филистимлян. Об этом же свидетельствует описание вооружения филистимлянина Голиафа: упоминается железный наконечник его копья. Следовательно, в 1-й книге Царств содержится описание вооружения филистимлян, относящихся к периоду не ранее начала I тыс. до н.э.

Наименование Кафтор (древнеевр. קאַפּוֹר) встречается еще с первой половины II тыс. до н.э. в клинописных текстах (акк. Кар-та-га) и связывается с названием острова Крит на египетском (Kft.w Кефтиу) в надписях XIV в. до н.э. из заупокойного храма Аменхотепа III в Ком эль-Хетан, где также упоминаются критские топонимы Кносс, Фест и Кидония [14]. Название керети является более поздним и появилось в ветхозаветных текстах в связи с проникновением ахейцев в Восточное Средиземноморье из Южной Греции в XII–XI вв. до н.э., от которых греческое название Крита (ср. в микенских текстах ke-re-si-jo we-ke “критской работы” и ke-re-te “критяне”) было заимствовано в ветхозаветные тексты.

Доклад к. филол. н. **М.Н. Казанской** был посвящен гомеровскому центону из сочинения Adversus Haereseis Ириней Лионского (II в. н.э.). Центон используется им как пример собрания разрозненных цитат из Священного Писания для подтверждения своего учения у его противника

Валентина и его последователей. В центоне описывается сюжет похищения Цербера Гераклом, начиная с момента отправления Геракла от Эврисфея. Центон состоит из десяти строк, взятых из разных песен Илиады и Одиссеи. Докладчики подробно рассмотрели каждую строку и ее исходный контекст: к примеру, первая строка Ὡς εἰπὼν, ἀπέπεμπε δόμων βαρέα στενάχοντα (‘Сказав это, он отослал его прочь из своего дома, тяжело стенающего’), использованная для описания Геракла, вышедшего от Эврисфея, взята автором из описания Одиссея, получившего отказ в помощи от Эола, в десятой книге Одиссеи. Докладчики отметили иронию Ириней в том, что в данной строке он показывает несвойственную Гераклу эмоциональность.

Секция “Этимология” началась с доклада к. филол. н. **В.П. Казанскене** “К интерпретации микенской формы sa-ra-pe-do| (PY Eg 880)”. Форма сопоставляется с sa-ra-pe-da, которая была интерпретирована докладчиком ранее как эпитет Посейдона (*Σαλασπεδᾶς, “сотрясатель земли”, см. более ранний доклад “К интерпретации микенского обозначения sa-ra-pe-da в PY Un 718” [15]). На основании этого было предложено интерпретировать форму sa-ra-pe-do| как дублетную к sa-ra-pe-da, форма на -ων, -ονος *Σαλασπεδων. sa-ra-pe-do| представляется как форма gen.sg. с несохранившимся конечным слогом, и первые две строчки таблички Eg 880 следует понимать как “E-ke-ra₂-wo имеет землю (типа ki-ti-me-na) Сарapedы (т.е. Посейдона), засаженную...”.

Следующий доклад, “Ладан и его мать в Текстах саркофагов (глава 1027)”, прочитал к. истор. н. **И.В. Богданов**. В докладе рассматривался термин *mwt* (“мать”) в призыве “ладан, брось себя на свою мать” в папирусе конца VI династии. Были проанализированы связи с Текстами саркофагов (СТ 885 и 376) и 35-й главой Книги мертвых. Во всех этих текстах содержатся заклинания против змей. Просьба о погребении является начальным мотивом для заклинания против змей и для формулы для освящения храма. Это позволило использовать их в поэтическом диалоге между разными сюжетами заупокойных текстов. Призыв “ладан, брось себя на свою мать” не имеет ассоциаций с заговором против змей, он заменяет призыв освятить заупокойный храм. В результате было выявлено, что в папирусе представлен один из наиболее ранних примеров сочетания с термином *mwt* “мать” как метафоры в магическом заклинании, соответственно, термин понимается как метафора курильницы.

М.П. Пархаева (аспирант кафедры классической филологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова) выступила с докладом “Сравнения в названиях растений (на материале ботанических трактатов Феофраста)”. С точки зрения семантики названия выделяются названия-сравнения с другим растением и название, сравнивающее растение с животным или предметом. Способы образования сравнений в названиях делятся на три подгруппы: суффиксальные образования, композиты (с компонентами $\theta\eta\lambda\upsilon$ - и $\delta\iota\omicron\sigma$ -) и метафорические образования. Докладчик подробно рассмотрела суффиксы и их частотность и подчеркнула, что наиболее употребительными являются $-\iota\omicron\nu$, $-\acute{\iota}\varsigma$, $-\acute{\iota}\alpha$, $-\acute{\iota}\nu\eta$, $-\epsilon\acute{\iota}\omicron\nu$, которые (кроме $-\acute{\iota}\nu\eta$) могут образовывать название-сравнение и с растением, и с другим предметом. Помимо этого, используются девять более редких образований: $-\alpha\sigma\tau\rho\nu$ (Κήλαστρον – Падуб остролистный), $-\acute{\iota}\alpha\varsigma$ (Κορυμβίας – плющ), $-\alpha\mu\text{-}\iota\nu\omicron\varsigma$, $-\acute{\alpha}\acute{\iota}\alpha$, $-\acute{\iota}\acute{\alpha}\varsigma$, $-\nu\omicron\varsigma$, $-\iota\varsigma$, $-\acute{\epsilon}\acute{\alpha}$, $-\acute{\upsilon}\lambda\lambda\alpha$. Было отмечено, что названия-сравнения играют особую роль в образовании ботанической номенклатуры.

Выступление к. филол. н. **Э.В. Янзиной** и **О.В. Корнеева** продолжало тематику античного спорта и было посвящено интерпретации некоторых терминов-агононимов в понятийном словаре древнегреческого языка Поллукса (*Onomasticon* III, 149–150; 155) на основании сопоставлений с античными текстами и изображениями. Данный доклад продолжает исследование античного кулачного боя [16, с. 1189]. В докладе в первом отрывке (149) перечисляются слова, относящиеся к борьбе ($\pi\acute{\alpha}\lambda\eta$), особое внимание докладчики уделили термину $\sigma\upsilon\mu\pi\lambda\epsilon\kappa\theta\acute{\iota}\mu\epsilon\nu\omicron\iota$ (букв. “сплетающиеся”) и интерпретировали его как ‘выполняющие обоюдные захваты’. В третьем отрывке (155) среди перечисленных агононимов встречается глагол $\chi\lambda\upsilon\alpha\chi\iota\zeta\epsilon\iota\nu$, который на основании изображений на вазах и текста Софокла (описание борьбы Геракла и Ахелоя, *Trach.* 520–522) понимается как ‘заняв позицию на спине противника, производить удушение’.

Доклад д. филол. н. **А.И. Солопова** был посвящен этимологии новолатинского ихтионима *асерина* ‘ёрш’, введенного в зоологическую номенклатуру акад. И.А. Гильденштедтом в 1774 году в описании ерша донского. Оспаривается этимология, приведенная в словаре Генчеля-Вагнера, согласно которой *асерина* образовано от греческого прилагательного $\acute{\alpha}\chi\epsilon\rho\omega\varsigma$ ‘безрогий’. Во многих латинских словарях название *асерина* не приводится, либо указывается, что это неизвестный вид рыбы. На основании анализа античных и

новолатинских текстов докладчик приходит к выводу, что *асерина* и *асерма* в *Medicina Plinii* (*Med. Pl.* V 41) являются искаженными вариантами из-за ошибочного написания в базельском издании Альбана Торина (1528 г.) и восходят к названию *асерния*, которое приводится в “Вариях” Кассиодора (*Cassiod. var.* XII 4 1–2). *Асерния*, в свою очередь, образовано от греческого названия $\acute{\alpha}\chi\alpha\rho\nu\alpha$ (или $\acute{\alpha}\chi\alpha\rho\nu\alpha\acute{\xi}$).

Во второй день конференции в первой половине дня провели работу секции по классической филологии и по вопросам индоевропейского и общего языкознания, затем были представлены доклады на трех секциях: текст и грамматика, круглый стол по этнонимике и секция по классической филологии и риторике. В рамках последней секции прочитала доклад к. филол. н. **С.И. Межеричкая** (“Декламация, апология и ораторская речь: симбиоз жанров и новая софистическая риторика”). Литература Второй Софистики отражает влияние классической традиции на литературу II–III вв. н.э. Появляются такие новые жанры, как экфрасис, прозаический гимн, декламация и пр. Докладчик сосредоточила свое внимание на примерах сочетания разных жанров в одном тексте. В “Истмийской речи, К Посейдону” Элия Аристиды объединяются два жанра, энкомий (похвала Посейдону) и экфрасис (описание красоты Коринфа). С другой стороны, в “Эвбейской речи” Дион Хризостом использует прием диегезы: он помещает в ораторскую речь рассказ о путешествии на остров Филы. Диегеза внутри речи также часто встречается в текстах Лукиана (“Правдивая история”, “Любитель лжи”). Главной целью таких сочетаний была демонстрация софистами своих навыков и ораторского мастерства.

Доклад “Атлеты, императоры и бюрократия в первые века новой эры” представил к. истор. н. **А.Д. Пантелеев**. В докладе подробно рассматривается папирус P. Lond. 3, 1178, который является свидетельством об оплате вступительного взноса в священный союз атлетов от кулачного бойца Гермина. В документе приводятся письма императоров, описывается уплата вступительного взноса и перечисляются имена магистратов союза. Рассматривается исторический контекст: некоторые спортивные игры входили в список $\epsilon\acute{\iota}\sigma\epsilon\lambda\alpha\sigma\tau\iota\kappa\omicron\acute{\iota}$, победители в которых ($\acute{\iota}\epsilon\rho\nu\acute{\omicron}\nu\acute{\iota}\alpha\iota$) освобождались от налогов и литургий, получали ежемесячные выплаты и льготы от городов, которые они представляли. Для городов было престижно иметь много $\acute{\iota}\epsilon\rho\nu\acute{\omicron}\nu\acute{\iota}\alpha\iota$, однако это было обременительно в финансовом плане, поэтому

между городами и союзами атлетов регулярно возникали споры, которые разрешали императоры. Например, атлеты требовали, чтобы выплаты им вручались сразу после победы, а не после въезда в город, как ранее. Император Траян отклонил это требование, но при императоре Адриане оно было принято. Города не могли прямо отказать победителям в льготах, поэтому они усложняли бюрократический процесс. Однако атлетам помогали должностные лица союзов. Император Диоклетиан ограничил власть союзов и ввел ряд законов, по которым льготы полагались только победившим в трех играх и только в Греции и Риме.

К. филол. н. **А.С. Смирнова** и **С.С. Дубова** выступили с докладом «Слово похвальное Елисавете Петровне» М.В. Ломоносова: лексический аспект двуязычного текста». Докладчики рассматривали примеры употребления лексики классической латыни в новом значении (*Sidus* – в кл. латыни “звезда”, в тексте Ломоносова – “Просветитель”). Также были выделены созвучные в двух языках слова в одинаковой начальной позиции: *inde* (“там”) и *инде* (указ. наречие), *tum* (“затем”) и *там*. Приводятся примеры соответствий и для фразеологических оборотов: *Elisabetam ad sidera efferentes* (букв. “возносящие Елизавету до звезд”) – *воздух наполняющий именованием Елисаветы*. Сравнение русского и латинского текстов показывает мастерство Ломоносова в подборе эквивалента к каждому слову.

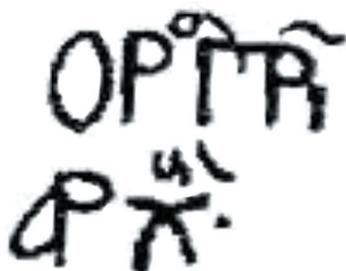
Доклад к. филол. н. **Е.В. Приходько** продолжил ряд исследований эпиграфических памятников Ликий [17, с. 896]; [18, с. 1054] и посвящен истории термина *θεοτόχος*. Данное наименование Девы Марии (“Богородица”) было принято в 431 году на третьем Вселенском Соборе. Перед этим в течение двухсотлетнего периода термин сначала использовался представителями александрийской Церкви, далее распространился во всем Восточном Средиземноморье. Впервые этот эпитет был употреблен Оригеном (4 случая в “Гомилиях на Евангелие от Луки” и два в комментариях к псалмам). Однако автор обращает внимание на то, что слово встречается раньше, в надписи из ликийского города Сидимы (Там II.1 174). Этот факт ранее не был отмечен исследователями и комментаторами. Надпись содержит речь Гиерона, которую он произнес перед жителями города Тлос и в которой он говорил об общем происхождении жителей Тлоса и Сидим и единстве религиозного культа. Для выразительности речи Гиерон придумывает новые слова (*φωτοῦλχος* – “пропускающее свет”, *ὄμοιοτύλεις* – “подобные

по образу”), в том числе новый эпитет богини Геры – *θεοτόχος* (“богородительница”), который по своему значению продолжает традицию наименования Геры как матери всего в произведениях Гомера, Гесиода, Оппиана и других текстах: *πάντων μήτηρ* (Hes. Erga 563; Anth. Gr. IX 498, 2), *παμμήτειρα* (Hom. Hymn. 30, 1; Opp. Hal. I 414). Другие неологизмы Гиерона остались гапаксами, в то время как эпитет *θεοτόχος* впоследствии независимо появился у Оригена в новом значении “Богородица” и стал употребляться в христианских текстах.

Д. филол. н. **Т.В. Рождественская** представила доклад “К вопросу о палеографии болгарских и русских граффити на церковных стенах XIII–XV вв. (общее и частное)”. Данные надписи рассматриваются в связи с воздействием “второго южнославянского влияния” на русское эпиграфическое письмо. В качестве примера рассматриваются надписи из северной и южной части *Slavia Orthodoxa*: 17 надписей из Боянской церкви в Болгарии и надписи из трех новгородских храмов (ц. Николы на Липне, рубеж XIII–XIV вв. [19, с. 155], ц. Феодора Стратилата на Ручью, 1360–1361 гг. [20, с. 339–382] и ц. Успения на Волотове, 1352 г. [21]). Более подробно эти надписи уже рассматривались в более ранних работах Татьяны Всеволодовны (Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде [20], Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью [19]). Для датировки болгарских памятников используются палеографические таблицы болгарского исследователя К. Хаджиева [22], с именем Роман (конец XIII века) из Боянской церкви встречается форма буквы **а** с длинной вертикальной спинкой и **р** с круглой петлей. Однако в новгородских надписях этого же периода такие начертания еще не представлены (к примеру, в надписи в церкви Николы на Липне 1299 года). В болгарских надписях XIV века буква **д** имеет наверху горизонтальную черту, наклоненную влево, а переключена в букве **н** наклонена слева направо (надписи 16 и 17 с именами попа Николы и Драгомира). В новгородской эпиграфике такие черты встречаются не ранее середины XV века, как в надписи в церкви Федора Стратилата на Ручью. В более ранних надписях в Новгороде данные черты не засвидетельствованы. На основании этого предполагается, что в палеографии новгородских граффити второе южнославянское влияние проявляется позднее, с середины XV века, и в целом в Новгороде книжная палеография имела на надписи большее влияние, чем в болгарском ареале.

С докладом “Синонимия акцентных знаков или знак переноса (ἐνωτικόν) в византийских надписях” выступила к. филол. н. **А.А. Евдокимова**. В более ранних работах Александра Алексеевна исследует александрийскую систему пунктуации, согласно которой гравис (знак ударения) ставился на всех безударных слогах, и более позднюю, византийскую систему (гравис только на последнем ударном слоге), а также случаи смешения двух систем [23, с. 158]; [24].

В докладе доказывается гипотеза Д.Е. Афиногенова о существовании знака переноса, который по форме похож на циркумфлекс. Один из примеров — греческая надпись из Грузии, где в слове Π(ατ)ριάρχου над йотой в конце строчки стоит циркумфлекс, который обозначает перенос, а также сокращение слога ατ и предупредительный слог:

Знак переноса встречается не только в Грузии, но в других регионах Византии. В надписи на стеатитовой иконе Иоанна Предтечи в эпитафее Προδρόμος справа над дельтой стоит знак циркумфлекса, который можно интерпретировать также как знак переноса. В надписи из Касторьи (Северная Греция, 1432 года) этот знак объединяет в себе функции сокращения и переноса в первом слоге формы σ̄(υν)δεδεμένω(ν) и обозначает только перенос в последнем слоге. Таким образом, А.А. Евдокимова подтверждает гипотезу Д.Е. Афиногенова на примере надписей из Грузии, Константинополя и Северной Греции, однако обнаруживает, что знак переноса ἐνωτικόν мог одновременно использоваться в роли знака сокращения и для обозначения безударных слогов.

Доклад д. филол. н. **Ю.К. Кузьменко** был посвящен интерпретации надписи на чаше из Фелингена, которая оказалась самым ранним свидетельством использования рун не как символов, а как фонографических букв. Ранее самые первые рунические надписи относились ко II веку н.э. Чаша из Фелингена была обнаружена в археологическом слое, относящемся к I в. н.э. Хельмут Арнтц в 1938 утверждал, что надпись является рунической, однако в современной рунологии знаки на чаше не считаются рунами, Клаус Дювел рассматривает их как руноподобные знаки. Юрий

Константинович сравнивает надпись на чаше из Фелингена с другими надписями на керамике, и в особенности с надписями на сосудах из Спонг Хилла, которые выполнены зеркальными рунами. Зеркальные руны представляют собой написание рядом одной и той же руны в обычном варианте и в зеркальной форме (в транскрипции обозначается с нижним подчеркиванием):

$$\uparrow = \downarrow + \uparrow (\underline{a}),$$

При этом зеркальные руны имели фонографическое значение обычных рун. Зеркальные руны встречаются не только в надписях на старших рунах, но и в период младших рун, например, в надписи на амулете из старой Ладogi, которую Ю.К. Кузьменко ранее интерпретировал как *móðrúnaR* ‘руны мужества’, где все руны, кроме последней, являются зеркальными [25]. Также ключевой для германистики является монография Юрия Константиновича, посвященная ранним германцам [26].

В надписи из Спонг Хилла зеркальная руна $\mathfrak{m} = \mathfrak{M} + \mathfrak{M}(\underline{u})$ оказалась похожей на руны в надписи на чаше из Фелингена, на основании этого Юрий Константинович интерпретирует всю надпись как палиндром *uiiu*. Троекратное повторение руны *i*, как и зеркальная руна, не имеет фонографического значения и используется для усиления значения руны. Таким образом, надпись понимается как форма настоящего времени первого лица единственного числа “я освящаю” *uiiu* /wīju/ с употреблением рун *u* и *i* вместо *w* и *j*, от глагола со значением “освящать”, который имеет параллели с гот. *weihan*, др.-сакс. *wīhian*, д.-в.-н. *wīhan*, др.-исл. *vígja*.

Во второй половине дня все участники конференции собрались на заключительном пленарном заседании, которое начал к. филол. н. **А.В. Лебедев** с докладом “К семантике термина φύσις в ранней греческой философской прозе”. В докладе критикуется процессуальное понимание φύσις (коннотации с ростом и развитием), уделяется внимание лексической семантике этого слова, а именно, онтологическому значению (“бытие”, “существование”). В качестве аргумента приводится тот факт, что производные слова от и.-е. корня *bhu- в индоевропейских языках чаще имеют именно онтологическое значение, по сравнению с “ботаническим” значением. Этимологические соображения дополнительно подкрепляются морфологическими, т.е. семантикой суффикса -σις. Девербативные существительные на -σις включают не только *nomina actionis*, но

и *nomina actae rei*, которые обозначают не процессы или действия, а результаты действий или объекты, произведенные соответствующим действием (*ὄψις* имеет значение не только “зрение”, но и “вид”). В таком значении, согласно фрагменту А.В. Лебедева (Fr. 2 Leb / B1 DK), *φύσις* употребляется у Гераклита: *κατὰ φύσιν* (“согласно природе”) обозначает не природу каждой отдельной вещи, а природу мира, объективную реальность. А.В. Лебедев в 2014 году представил новое комментированное издание фрагментов Гераклита с русским переводом [27]. В этом издании, в отличие от предшествующих (например, *Die Fragmente der Vorsokratiker* / H. Diels, W. Kranz [28]), изменен состав и расположение фрагментов, которое по возможности восстанавливает структуру утраченного трактата Гераклита “О природе”.

Следующий доклад, “Коллективная память, социальные практики и роль диалекта в жизни современного цаконского сообщества”, представили к. филол. н. **М.Л. Кисилиер** и к. филол. н. **И.Э. Васильева**. В докладе рассматриваются факторы, влияющие на поддержание языковой идентичности, одним из таких факторов является представление об исключительной древности цаконского диалекта, которое, хотя не подтверждается на практике, оказывается очень важной идеей для членов сообщества и за его пределами. Цаконский диалект сохранился в округе Южная Кинурия на Пелопоннесе (Аркадия) в ряде населенных пунктов вокруг Леонидиона, Тироса, Прастоса и Агиос Андреаса [29, с. 494]. В диалекте присутствуют архаические черты, восходящие к дорийскому диалекту древнегреческого языка (например, сохранение дигаммы *βάννε* “овца” от дор. *βαίνος* (ион.-атт. *αἰνός*)). М.Л. Кисилиер совершил 23 экспедиции к носителям диалекта с 2010 по 2019 год и в настоящее время работает над корпусом цаконского диалекта.

Важную роль играет социальная семейная память членов цаконского сообщества, которая существенно превосходит обычные временные границы: потомки коренных жителей разрушенного в 1820-х годах Прастоса на фотографии города безошибочно показывали дома своих семей, навсегда оставленные их предками почти 200 лет назад. Другим важным фактором оказывается изобретение локальной традиции празднования Пасхи: помимо визуальных атрибутов, это чтение отрывка из Евангелия (Ин. 20: 19–25) на цаконском диалекте. Возможно, благодаря этим факторам в Цаконии можно наблюдать следующий феномен: член сообщества в возрасте 45–50 лет без очевидных причин начинает использовать

цаконский диалект. Это становится веским основанием для оптимизма в отношении будущего цаконского диалекта и идентичности.

Заключительный доклад пленарного заседания — “Лев на луне: месопотамские космологические мотивы в сравнительной перспективе”, который представил к. филол. н. **Е.Н. Дувакин**. В докладе рассматривалась табличка эпохи Селевкидов из Урука VAT 7851, на которой присутствует клинописный текст и изображена фигура мужчины, борющегося с диким зверем, внутри круга. Докладчик придерживался интерпретации Э. Вейднера, согласно которой круг является лунным диском, а зверь, изображенный внутри, представляет собой льва. Приводятся свидетельства клинописных текстов, в которых говорится о том, что в Месопотамии фигуры антропоморфных и зооморфных существ различали на лунном и на солнечном дисках: к примеру, в новоассирийской табличке из Ашшура KAR 107 говорится, что на солнце виден бог Вавилона Мардук, а на луне — его сын Набу. Изображение человека и льва на Луне также имеет параллели в фольклоре других регионов. Мотивы “Человек на Луне” и “Персонаж с предметом в руках” отслеживались по базе по фольклору и мифологии народов мира (<http://www.ruthenia.ru/folklore/berezkin/>), разрабатываемой Юрием Евгеньевичем Берёзкиным и Евгением Николаевичем Дувакиным. Мотив “Человек на Луне” встречается в Северной Америке, Меланезии и Полинезии и во всех регионах Евразии, кроме Ближнего Востока. Второй мотив зафиксирован реже как в Старом, так и в Новом Свете. Отсутствие обоих мотивов на Ближнем Востоке объясняется распространением ислама. Таким образом, изображение на табличке является самой ранней в мире фиксацией мотива “Персонаж с предметом в руках”. С другой стороны, уникальность рисунка заключается в том, что в традициях Старого Света не удалось обнаружить его полных соответствий, т.е. изображений человека с предметом в одной руке и со львом в другой. Исследованиям мифов также был посвящен доклад д. филол. н. **Я.В. Василькова**. В докладе “Индийское наследие в мифологии и фольклоре европейских рома (цыган)” впервые опровергает предположение о том, что в фольклоре цыган не сохранились древне- и среднеиндийские мифологические мотивы. Докладчик рассматривает свидетельства австро-венгерского исследователя Генриха фон Влислоцки, который составил подробный словарь и грамматику цыганского языка [30] и опубликовал фольклор румынских и венгерских цыган [31]; [32]. Я.В. Васильков сопоставляет материалы

Влислоцки с индийским фольклором и обнаруживает несколько общих сюжетов, которые при этом не встречаются в сказаниях тех народов, среди которых рома когда-либо жили. Один из примеров – космогонический миф “Небо-отец, Земля-мать и сын, отрывающий их друг от друга”, который был зафиксирован Влислоцки у румынских и венгерских цыган: некогда у Земли и Неба, пребывающих в слиянии, родились дети (Солнце, Месяц, Огонь, Ветер и Туман), которые безуспешно пытались их разъединить, и только Ветру удалось это сделать [33]. В мифологии пардханов и гондов, племен Центральной Индии, встречается сходный мотив, и именно Ветер также разделяет Землю и Небо (мотив B2D по “Аналитическому каталогу” мифологических мотивов Ю.Е. Березкина и Е.Н. Дувакина). Таким образом, Ярослав Владимирович показал, что материалы Влислоцки могут рассматриваться как подлинные, и на их основании возможен дальнейший поиск древнеиндийских параллелей.

В заключение пленарного заседания организаторы конференции подвели ее итоги и поблагодарили всех докладчиков за участие.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Verus convictor, verus academicus. К 70-летию Николая Николаевича Казанского. СПб.: ИЛИ РАН, 2022.
2. Colloquia Classica et Indogermanica VII. Miscellanea in honorem Nikolai N. Kazansky septuagenarii. Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. СПб., 2022. Т. 18. Ч. 1.
3. Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 27–29 июня 2022 г. СПб.: ИЛИ РАН, 2022.
4. Gómez-Moreno M. De epigrafía ibérica. El plomo de Alcoy. Revista de Filología Española 9, 1922. 341–366 (= Misceláneas, 219–231).
5. Ferrer i Jané J., Moncunill N. Palaeohispanic Writing Systems. A.G. Sinner, & J. Velaza (Eds), Palaeohispanic Languages and Epigraphies. Oxford, 2019. P. 78–108.
6. Maluquer J. Epigrafía prelatina de la península ibérica. Barcelona, 1968.
7. Knorozov Yu.V., Albedil M.F., Volchok B.Y. Proto-Indica: 1979: Report on the investigation of the Proto-Indian texts. Moscow: Nauka, 1981.
8. Parpola A. Deciphering the Indus script. Cambridge: Cambridge University Press, 2003.
9. Mahadevan I. The Indus script. New Delhi: Archaeological Survey of India, 1977.
10. Вайман А.А. Шумеро-вавилонская математика III–I тысячелетия до н.э. М.: Наука, 1961.
11. StBoT 25. Studien zu den Boğazköy-Texte. Altheitische Ritualtexte in Umschrift von Erich Neu. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1980.
12. Казанский Н.Н. Микенское pa-го с дательным падежом и его возможные соответствия в гомеровском греческом // Индоевропейское языкознание и классическая филология – X. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 19–21 июня 2006. СПб., 2006. С. 102–106.
13. Luraghi S. The evolution of local cases and their grammatical equivalent in Greek and Latin. Johanna Barðdal & Shobana Celliah (eds). The Role of Semantics and Pragmatics in the Development of Case. Amsterdam & Philadelphia: John Benjamins, 2009. P. 283–305.
14. Сафронов А.В. Включало ли в себя египетское обозначение Сечет Эгеиду? // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXI. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 26–28 июня 2017. СПб., 2017. С. 748–757.
15. Казанскене В.П. Название местности или божество? (к интерпретации микенского обозначения sa-ra-re-da в PY Un 718) // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 24–26 июня 2019. СПб., 2019. С. 449–455.
16. Янзина Э.В., Корнеев О.В. Загадка античного кулачного боя: к вопросу об интерпретации некоторых памятников античной литературы и изобразительного искусства // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 24–26 июня 2019. СПб., 2019. С. 1187–1204.
17. Приходько Е.В. “Выпало прорицание – указывает ли это выражение на использование жребиев? // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIV. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 22–24 июня 2020. СПб., 2020. С. 894–912.
18. Приходько Е.В. “Пидны Стадиасма и “Кидна/ы Птолемя: есть ли основания для отождествления? // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXV. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 21–23 июня 2021. СПб., 2021. С. 1053–1068.
19. Рождественская Т.В. Древнерусские надписи-граффити с именами новгородских иерархов в церкви Николая на Липне в Новгороде // Великий Новгород и средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М.: Памятники исторической мысли, 2009. С. 151–160.

REFERENCES

20. *Рождественская Т.В.* Надписи и рисунки в церкви Феодора Стратилата на Ручью // Царевская Т.Ю. Роспись церкви Феодора Стратилата на Ручью в Новгороде и ее место в искусстве Византии и Руси второй половины XIV века. М.: Северный паломник, 2007. С. 339–382.
21. *Рождественская Т.В.* Новонайденные надписи-граффити и рисунки из церкви Успения на Волотовом поле в Новгороде // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры (Studia philologica), 2006. С. 46–55.
22. *Хаджиев К.* Наблюдения върху палеографските особености на кирилските епиграфски паметници от XIII–XIV вв. // Старобългаристика Palaeobulgaria XXV. 2001. № 1. С. 46–78.
23. *Евдокимова А.А.* Палеография акцентуированных греческих надписей: разные системы акцентуации // Вспомогательные исторические дисциплины в пространстве гуманитарного знания. М., 2009. С. 155–159.
24. *Евдокимова А.А.* Системы акцентуации в греческих рукописях из коллекции Афона. Ч. I // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXV (1). Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 21–23 июня 2021. СПб., 2021. С. 341–368.
25. *Кузьменко Ю.К.* К интерпретации надписи на подвеске из Старой Ладogi // Лебедев Г.С. (ред.). Дивинец старо-ладожский. СПб., 1997. С. 18–27.
26. *Кузьменко Ю.К.* Ранние германцы и их соседи: Лингвистика, археология, генетика. СПб.: Нестор-История, 2011. 266 с.
27. *Лебедев А.В.* Логос Гераклита. Реконструкция мысли и слова (с новым критическим изданием фрагментов). СПб.: Наука, 2014.
28. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Hrsg. von Walter Kranz. Bd. I–III, Weidmann, Zürich 2004 (Unveränderter Nachdruck der 6. Auflage, 1951).
29. *Кисилиер М.Л.* Об одной научной полемике, или из истории изучения цаконского диалекта // Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXIII. Материалы Чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского. 24–26 июня 2019. СПб., 2019. С. 493–511.
30. *Wisløcki H. von.* Die Sprache der transsilvanischen Zigeuner. Grammatik. Wörterbuch. Leipzig: Wilhelm Friedrich, 1884. (Reprint – Norderstedt: Hanse, 2016)
31. *Wisløcki H. von.* Märchen und Sagen der Transilvanischen Zigeuner. Berlin: R. Stricker, 1886.
32. *Wisløcki H. von.* Volksdichtungen der Siebenbürgischen and Süd-ungarischen Zigeuner. Wien: Verlaf von Carl Graefer, 1890.
33. *Wisløcki H.* The Worship of Mountains among the Gipsies. *JGLS*, 1892, Vol. III, No. 3, pp. 161–169.
1. *Verus convictor, verus academicus. K 70-letiyu Nikolaya Nikolaevicha Kazanskogo* [Verus convictor, verus academicus. On the 70th Anniversary of Nikolai Nikolaevich Kazansky]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. (In Russ.)
2. Colloquia Classica et Indogermanica VII. Miscellanea in honorem Nikolai N. Kazansky septuagenarii. Acta Linguistica Petropolitana. *Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Transactions of the Institute for Linguistic Studies]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. Vol. 18. Part 1. (In Russ.)
3. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXVI. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 27–29 iyunya 2022 g.* [Indo-European Linguistics and Classical Philology. Proceedings of the 26th Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 27–29 2022]. St. Petersburg, Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022. (In Russ.)
4. Gómez-Moreno, M. De epigrafía ibérica. El plomo de Alcoy. *Revista de Filología Española* 9, 1922, 341–366 (= *Misceláneas*, 219–231). (In Spanish)
5. Ferrer i Jané, J., Moncunill, N. Palaeohispanic Writing Systems. A.G. Sinner, & J. Velaza (Eds.), *Palaeohispanic Languages and Epigraphies*. Oxford: Oxford University Press, 2019. P. 78–108.
6. Maluquer, J. Epigrafía prelatina de la península ibérica. Instituto de Arqueología y Prehistoria. Barcelona, 1968. (In Spanish)
7. Knorozov, Yu.V., Albedil, M.F., Volchok, B.Y. Proto-Indica. 1979: Report on the investigation of the Proto-Indian texts. Moscow, Nauka Publishing House, 1981.
8. Parpolla, A. Deciphering the Indus script. Cambridge, Cambridge University Press, 2003.
9. Mahadevan, I. The Indus script. New Delhi, Archaeological Survey of India, 1977.
10. Vaiman, A.A. *Shumero-vavilonskaya matematika III–I tysyacheletiya do n.e.* [Sumero-Babylonian Mathematics III–I Millennium BC]. Moscow, Nauka Publ., 1961. (In Russ.)
11. *StBoT* 25. Studien zu den Boğazköy-Texte. Altheitische Ritualtexte in Umschrift von Erich Neu. Wiesbaden, Otto Harrassowitz, 1980. (In German)
12. Kazansky, N.N. *Mikenskoe pa-ro s datelnym padezhom i ego vozmozhnye sootvetstviya v gomerovskom grecheskom* [Mycenaean pa-ro with Dative and His Possible Correspondences in Homeric Greek]. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – X. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 19–21 iyunya 2006* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 10. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph

- M. Tronsky. June 19–21 2006]. St. Petersburg, 2006, pp. 102–106. (In Russ.)
13. Luraghi, S. The evolution of local cases and their grammatical equivalent in Greek and Latin. Johanna Barðdal & Shobana Celliah (eds). *The Role of Semantics and Pragmatics in the Development of Case*. Amsterdam & Philadelphia, John Benjamins, 2009, pp. 283–305.
 14. Safronov, A.V. *Vklyuchalo li v sebya egipetskoe oboznachenie Sechet Egeidu?* [Did the Egyptian place-name St.t include designation of Aegean regions?]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXI. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 26–28 iyunya 2017* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 21. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 26–28 2017]. St. Petersburg, 2017, pp. 748–757. (In Russ.)
 15. Kazanskienė, V.P. *Nazvanie mestnosti ili bozhestvo? (k interpretacii mikenskogo oboznacheniya sa-ra-pe-da v PY Un 718)* [Toponym or Deity? Interpreting Myc. sa-ra-pe-da in PY Un 718]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 24–26 iyunya 2019* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 23. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 24–26 2019]. St. Petersburg, 2019, pp. 449–455. (In Russ.)
 16. Yanzina, E.V., Korneev, O.V. *Zagadka antichnogo kulachnogo boya: k voprosu ob interpretacii nekotoryh pamyatnikov antichnoj literatury i izobrazitel'nogo iskusstva* [An Aenigma of Ancient Boxing. On the Interpretation of Some Greek and Latin Sport Terms]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 24–26 iyunya 2019* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 23. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 24–26 2019]. St. Petersburg, 2019, pp. 1187–1204. (In Russ.)
 17. Prikhodko, E.V. *“Vypalo proricanie – ukazyvaet li eto vyrazhenie na ispolzovanie zhibiev?”* [“The Prophecy Has Fallen Out – Does This Word Combination Indicate the Use of Lots?]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIV. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 22–24 iyunya 2020* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 24. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 22–24 2020]. St. Petersburg, 2020, pp. 894–912. (In Russ.)
 18. Prikhodko, E.V. *“Pidny Stadiasma i “Kidna/y Ptolemeya: est li osnovaniya dlya otzhdstvleniya?”* [Pydnae of the Stadiasmus and Cydna of Ptolemy: Are There Any Grounds for Identification?]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXV. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 21–23 iyunya 2021* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 25. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 21–23 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 1053–1068. (In Russ.)
 19. Rozhdestvenskaya, T.V. *Drevnerusskie nadpisi-graffiti s imenami novgorodskih ierarhov v cerkvi Nikoloy na Lipne v Novgorode* [Old Russian Graffiti Inscriptions with the Names of Novgorod Hierarchs in the Church of St. Nicholas on Lipna in Novgorod]. *Velikij Novgorod i srednevekovaya Rus. Sbornik statej k 80-letiyu akademika V.L. Yanina* [Novgorod the Great and Medieval Russia. Collection of Articles Dedicated to the 80th Anniversary of Academician V.L. Yanin]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2009, pp. 151–160. (In Russ.)
 20. Rozhdestvenskaya, T.V. *Nadpisi i risunki v cerkvi Feodora Stratilata na Ruchyu* [Old Russian Inscriptions and Drawings in the Church of St. Theodore Stratilates on the Stream]. Tsarevskaya, T.Yu. *Rospis cerkvi Feodora Stratilata na Ruchyu v Novgorode i ee mesto v iskusstve Vizantii i Rusi vtoroj poloviny XIV veka* [Painting of the Church of Theodore Stratilat on a Stream in Novgorod and Its Place in the Art of Byzantium and Russia of the Second Half of the 14th Century]. Moscow, Severny Palomnik Publ., 2007, pp. 339–382. (In Russ.)
 21. Rozhdestvenskaya, T.V. *Novonajdennyye nadpisi-graffiti i risunki iz cerkvi Uspeniya na Volotovom pole v Novgorode* [New Found Graffiti Inscriptions and Drawings on the Church of the Dormition-in-Volotovo-Field near Novgorod]. *Verenica liter: K 60-letiyu V.M. Zhivova* [String of Letters: To the 60th Anniversary of V.M. Zhivov]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2006, pp. 46–55. (In Russ.)
 22. Khadzhiev, K. *Nablyudeniya vrhu paleografskite osobennosti na kirilskite epigrafski pametnici ot XIII–XIV vv.* [Observations on the palaeographic features of the Cyrillic epigraphic monuments from the XIII–XIV centuries]. *Starobulgaristika* [Palaeobulgarica] XXV. 2001, No. 1, pp. 46–78. (In Bulgarian)
 23. Evdokimova, A.A. *Paleografiya akcentuirovannyh grecheskih nadpisej: raznye sistemy akcentuacii* [Paleography of Greek Accentuated Inscriptions: Different Accentuation Systems]. *Vspomogatelnye istoricheskie discipliny v prostranstve gumanitarnogo znaniya* [Auxiliary Historical Disciplines in the Space of Humanitarian Knowledge]. Moscow, 2009, pp. 155–159. (In Russ.)
 24. Evdokimova, A.A. *Sistemy akcentuacii v grecheskih rukopisyah iz kolekcii Afona. Ch. I.* [The Accentuation Systems in Greek Manuscripts from the Athon Collection. Part 1]. *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXV. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 21–23 iyunya 2021* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 25. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 21–23 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 1053–1068. (In Russ.)

- M. Tronsky. June 21–23 2021]. St. Petersburg, 2021, pp. 341–368. (In Russ.)
25. Kuzmenko, Yu.K. *K interpretacii nadpisi na podveske iz Staroj Ladogi* [On the Interpretation of the Inscription on the Pendant from Staraya Ladoga]. Lebedev, G.S. (ed.) Divinets Staroladozhskiy. St. Petersburg, 1997, pp. 18–27. (In Russ.)
26. Kuzmenko, Yu.K. *Rannie germancy i ih sosedi: Lingvistika, arheologiya, genetika* [Early Germans and Their Neighbors: Linguistics, Archeology, Genetics]. St. Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2011. 266 p. (In Russ.)
27. Lebedev, A.V. *Logos Geraklita. Rekonstrukciya mysli i slova (s novym kriticheskim izdaniem fragmentov)* [The Logos of Heraclitus. A Reconstruction of his Word and Thought. (With a New Critical Edition of the Fragments)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. 533 p. (In Russ.)
28. Die Fragmente der Vorsokratiker. Griechisch und Deutsch von Hermann Diels. Hrsg. von Walter Kranz. Bd. I–III, Weidmann, Zürich 2004 (Unveränderter Nachdruck der 6. Auflage, 1951). (In German)
29. Kisilier, M.L. *Ob odnoj nauchnoj polemike, ili iz istorii izucheniya cakonskogo dialekta* [About One Scholarly Polemic, Or from the History of Tsakonian Studies]. *Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXIII. Materialy Chtenij, posvyashchennyh pamyati professora I.M. Tronskogo. 24–26 iyunya 2019* [Indo-European Linguistics and Classical Philology – 23. Proceedings of the Conference in Memory of Professor Joseph M. Tronsky. June 24–26 2019]. St. Petersburg, 2019, pp. 493–511. (In Russ.)
30. Wislocki, H. von. *Die Sprache der transsilvanischen Zigeuner. Grammatik. Wörterbuch.* Leipzig, Wilhelm Friedrich, 1884 (Reprint – Norderstedt: Hanse, 2016). (In German)
31. Wislocki, H. von. *Märchen und Sagen der Transilvanischen Zigeuner.* Berlin, R. Stricker, 1886. (In German)
32. Wislocki, H. von. *Volksdichtungen der Siebenbürgischen und Süd-ungarischen Zigeuner.* Wien, Verlaf von Carl Graefer, 1890. (In German)
33. Wislocki, H. *The Worship of Mountains among the Gipsies.* *JGLS*, 1892, Vol. III, No. 3, pp. 161–169.

А. А. Брайловская
преподаватель Православного Свято-Тихоновского
гуманитарного университета,
Россия, 127051, Москва, Лихов пер., д. 4
anasta.bray@gmail.com

Anastasia A. Braylovskaya
Lecturer at the St. Tikhon's Orthodox University,
4 Likhov Lane, Moscow, 127051, Russia
anasta.bray@gmail.com

Для цитирования: Брайловская А.А. Международная конференция “Индоевропейское языкознание и классическая филология – XXVI” (Чтения памяти профессора И.М. Тронского) // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2023. Т. 82. № 3. С. 112–122. DOI: 10.31857/S160578800026321-9

For citation: Braylovskaya, A.A. *Mezhdunarodnaya konferenciya “Indoeuropejskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya – XXVI” (Chteniya pamyati professora I.M. Tronskogo)* [International Conference “Indo-European Linguistics and Classical Philology” (Readings in memory of Professor I. M. Tronsky)]. *Izvestiâ Rossijskoj akademii nauk. Serijâ literatury i âzyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language]. 2023, Vol. 82, No. 3, pp. 112–122. (In Russ.) DOI: 10.31857/S160578800026321-9

*Дата поступления материала в редакцию: 28 февраля 2023 г.
Статья поступила после рецензирования и доработки: 17 марта 2023 г.
Статья принята к публикации: 15 апреля 2023 г.
Дата публикации: 30 июня 2023 г.*

*Received by Editor on February 28, 2023
Revised on March 17, 2023
Accepted on April 15, 2023
Date of publication: June 30, 2023*